ИЗБРАННЫЯ ДУХОВНЫЯ ТВОРЕНІЯ ФЕНЕЛОНА,

АРХІЕПИСКОПА КАМБРЕЙСКАГО.

Переводъ съ Французскаго.

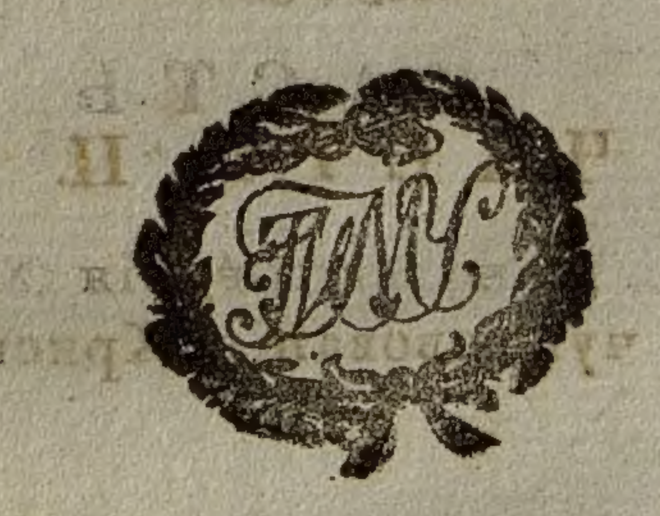
Съ приложеніемъ его портрета.

ЧАСТЬ II.

Мысли и чувствованія Христіянскія.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1820.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Апрѣля 30 дня 1820 года. *Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Тимковскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗНЫЯ МЫСЛИ

И ЧУВСТВОВАНІЯ ХРИСТІЯНСКІЯ.

О важнѣйшихъ предметахъ, относящихся ко благочестію, нравамъ и внутренней жизни.

I.

Что Богъ нынѣ мало извѣстенъ.

Познаніе Бога есть то самое, въ чемъ наиболѣе люди имѣютъ недостатокъ. Они знаютъ, ежели много читали, извѣстную связь, или порядокъ чудесъ и знаковъ Провидѣнія изъ дѣяній историческихъ; они дѣлаютъ основательныя размышленія о поврежденіи и тлѣнности міра; даже убѣждаются извѣстными правилами, служащими къ преобразованію ихъ нравовъ относительно ко спасенію: но все сіе зданіе не имѣетъ основанія; все сіе тѣло благочестія и Христіянства есть безъ души. Истинно-вѣрующаго должна одушевлять идея Бога, Который есть все, Который творитъ все и Которому все принадлежитъ; Онъ безконеченъ во всемъ: въ мудрости, въ могуществѣ, въ любви. И такъ не должно удивляться, ежели все то, что отъ Него происходитъ, носитъ на себѣ характеръ безконечнаго и превосходитъ разумъ человѣческій. Когда Онъ пріуготовляетъ и устрояетъ

что - либо, то Его совѣты и пути суть, какъ говоритъ Писаніе (*), толико выше нашихъ совѣтовъ и путей, колико небо превышаетъ землю. Когда Онъ хощетъ исполнить то, что опредѣлилъ, то Его могущество не показываетъ никакихъ усилій; ибо не находится ниодного дѣйствія, сколь бы оное ни могло быть велико, которое для Него было бы не столь легко, какъ и самыя обыкновеннѣйшія; Ему не болѣе стоило извлечь изъ ничтожества небо и землю таковыми, какъ мы нынѣ ихъ видимъ, какъ и заставить ручей течь въ его натуральномъ направленіи, или принудить камень упасть сверху внизъ. Его могущество всецѣло состоитъ въ Его волѣ: — Онъ долженъ токмо возхотѣть, и вещи вдругъ творятся. Ежели Писаніе представляетъ Его говорящимъ при твореніи, то сіе не потому, чтобы Онъ имѣлъ нужду въ словѣ, которое бы изходило изъ Него, дабы содѣлать извѣстною Его волю цѣлой натурѣ, которую Онъ хотѣлъ произвести. Сіе Слово, представляемое намъ въ Писаніи, есть совершенно простое и внутреннее; это мысль, которую Онъ возымѣлъ создать вещи, и рѣшеніе, которое Онъ о семъ утвердилъ въ Самомъ Себѣ. Сія мысль была плодотворна, и не изходя изъ Него, она изъ Него извлекла, какъ изъ источника, всѣ существа, все то, что составляетъ вселенную. Точно также Его милосердіе есть ничто иное, какъ чистая Его воля; Онъ возлюбилъ насъ прежде созданія міра, Онъ насъ

(*) Исаіи 55, 9.

видѣлъ, познал, пріуготовилъ намъ блага Свои; Онъ возлюбилъ и избралъ насъ отъ вѣчности. Когда мы получаемъ новое какое-либо благо, то оно проистекаетъ изъ сего же древняго Источника; Богъ никогда не имѣетъ новой воли въ разсужденіи насъ. Онъ не премѣняетъ ничего; мы же напротивъ измѣняемся. Когда мы бываемъ справедливы и добры, то бываемъ Ему сообразны и пріятны; когда же оставляемъ правосудіе и престаемъ быть добрыми, то престаемъ быть Ему сообразными и угодными. Это есть непремѣнное правило, къ которому измѣняющаяся тварь приближается, и отъ котораго удаляется попеременно. Его правосудіе противъ злыхъ и любовь Его къ добрымъ суть одно и то же: это та же самая благость, которая соединяется со всѣмъ тѣмъ, что есть добро, и несовмѣстна со всѣмъ тѣмъ, что есть зло. Въ разсужденіи милосердія, оно есть благость Бога, Который, находя насъ злыми, хочетъ сдѣлать добрыми. Сіе милосердіе, которое даетъ намъ чувствовать себя во времени, есть въ своемъ источникѣ вѣчная любовь Бога къ Его твари. Одна токмо она даетъ истинную доброту. Горе надмѣнной душѣ, въ самой себѣ оную обрѣсти надѣющейся! Любовь, которую Богъ къ намъ имѣетъ, даетъ намъ все. Но самый величайшій даръ, какой только Онъ могъ намъ сдѣлать, есть любовь, которую мы должны имѣть къ Нему. Когда Богъ толико насъ любитъ, что заставляетъ и насъ любить Его Самаго; тогда Онъ царствуетъ въ насъ, Онъ въ насъ составляетъ нашу жизнь, наше спокойствіе, наше щастіе, и мы уже начинаемъ жить Его блаженною

жизнію. Сія любовь, которую Онъ къ намъ имѣетъ, носитъ на себѣ характеръ Его безконечности. Онъ не любитъ, подобно намъ, любовію ограниченною и стѣсненною; когда Онъ любитъ, то всѣ дѣянія любви Его суть безконечны. Онъ низходитъ на землю, дабы искать тварь, изъ праха созданную, которую Онъ любитъ; дѣлается человѣкомъ, и работаетъ вмѣстѣ съ нею; даетъ ей въ пищу плоть Свою. Посредствомъ таковыхъ-то чудесъ любви Безконечный превосходитъ всѣ наклонности, къ коимъ люди суть способны. Онъ любитъ, яко Богъ — и сія любовь не имѣетъ въ себѣ ничего, что бы не было непостижимо. Хотѣть измѣрить любовь безконечную мудростію ограниченною есть — верхъ глупости. Далече отъ того, чтобы потерять нѣчто изъ Своего величія въ сихъ чрезвычайностяхъ любви, Онъ напечатлѣваетъ въ нихъ характеръ сего величія, означая въ нихъ стремленія и восторги любви безконечной. О, сколь Онъ великъ и любезенъ въ Своихъ таинствахъ! Но мы не имѣемъ глазъ, дабы ихъ видѣть, не имѣемъ чувства, дабы примѣтить Бога во всемъ.

II.

О необходимости познавать и любить Бога.

Не должно удивляться, что люди дѣлаютъ столь мало для Бога, и что малое, для Него ими дѣлаемое, столь дорого имъ стоитъ. Они Его совсѣмъ не знаютъ; едва ли вѣрятъ, что

Онъ есть; вѣрованіе, которое они въ Него имѣютъ, есть болѣе слѣпая уступчивость власти всеобщаго мнѣнія, нежели живое и подробное убѣжденіе о бытіи Божества; Его предполагаютъ, поелику не осмѣливаются изслѣдовать, и потому что находятся безпрерывно въ развлеченіи, которое происходитъ отъ того, что увлекаются своими страстями къ другимъ предметамъ; но знаютъ Бога не иначе, какъ что-то чудесное, темное и удаленное отъ насъ. На Него взираютъ, какъ на Существо могущественное и строгое, которое требуетъ многаго отъ насъ, которое принуждаетъ наши склонности, которое угрожаетъ намъ великими злоключеніями, и противъ страшнаго осужденія котораго должно брать предосторожности. Вотъ какимъ образомъ думаютъ тѣ, которые занимаются основательными размышленіями о Религіи; но и сихъ весьма малое число. Говорятъ: вотъ человѣкъ, который боится Бога; въ самомъ дѣлѣ, онъ токмо боится Его, какъ дѣти боятся учителя, которой ихъ наказываетъ, какъ худой слуга боится побоевъ того, кому онъ служитъ изъ страха, не заботясь о его выгодахъ. Захотимъ ли мы, чтобы такимъ образомъ поступалъ съ нами сынъ, или даже слуга, какъ мы обращаемся съ Богомъ? И сіе потому, что Его совсѣмъ не знаютъ; ибо, ежели бы знали Его, то любили бы. *Богъ есть любовь*, какъ говоритъ Св. Іоаннъ (*), — Тотъ, кто Его не любитъ, не знаетъ Его; ибо, какъ знать Лю-

(*) 1е Соборное Посланіе Св. Іоан. гл. 4, ст. 8 и 16.

бовь, не любя ее? И такъ должно заключить, что люди, которые не дѣлаютъ ничего другаго въ семъ случаѣ, какъ токмо боятся Бога, совсѣмъ Его не знаютъ.

Но, Боже мой! кто тотъ, который познаетъ Тебя? Тотъ, кто будетъ искать отъ всего сердца познанія Тебя, кто не будетъ болѣе познавать себя, дабы уважать собою, и для котораго все то, что не есть Ты, будетъ какъ бы несуществующимъ. Міръ удивился бы, услышавъ говорящаго такимъ образомъ, поелику міръ наполненъ самимъ собою, тщеславіемъ, ложью и не имѣетъ въ себѣ Бога. Но я надѣюсь, что во всякое время находятся души, которыя имѣютъ гладъ познанія Бога, и будутъ чувствовать истины, о коихъ я хочу говорить.

Боже мой! прежде нежели Ты создалъ небо и землю, не находилось ничего, кромѣ Тебя. Ты былъ, ибо Ты не начиналъ никогда существовать; но Ты былъ единъ. Внѣ Тебя не находилось ничего; Ты наслаждался Самимъ Собою въ семъ блаженномъ уединеніи. Ты довлѣлъ Самому Себѣ, и не имѣлъ нужды находить что-либо внѣ Себя; поелику Ты еси Тотъ, Который, вмѣсто того, чтобы получать, даешь всему, что не есть Ты Самъ, силою Твоего всемогущаго Слова, то есть, посредствомъ простой Твоей воли, которой все ничего не стоитъ, и которая творитъ все то, что она хочетъ, безъ послѣдствія времени и безъ всякаго труда. Ты содѣлалъ, что сей міръ, который прежде не имѣлъ бытія, началъ существовать. Ты творишь не такъ, какъ художники здѣсь долу, которые находятъ матеріялы ихъ работъ, кото-

рые не дѣлаютъ ничего другаго, какъ токмо ихъ собираютъ, и которыхъ искуство состоитъ въ томъ, чтобы мало помалу и съ великимъ трудомъ привести въ порядокъ сіи матеріялы, коихъ они не сдѣлали. Ты не нашелъ ничего сдѣланнаго, и создалъ Самъ всѣ матеріялы Твоего творенія. Ты трудился надъ ничтожествомъ; Ты изрекъ: да будетъ міръ — и бысть; Ты имѣлъ токмо сказать — и все было создано.

Но для чего Ты создалъ *всѣ сіи вещи?* Всѣ онѣ были созданы для человѣка, а человѣкъ для Тебя. Вотъ порядокъ, Тобою учрежденный. Горе душѣ, которая его превращаетъ, которая хочетъ, чтобы все было для нея, и которая заключается сама въ себя! Это значитъ нарушать основный законъ творенія.

Нѣтъ, Боже мой! Ты не можешь уступить существенныхъ Твоихъ правъ Создателя; это бы для Тебя значило унизить Самаго себя. Ты можешь простить душѣ виновной, которая Тебя оскорбила, поелику имѣешь возможность исполнить ее чистою Твоею любовію; но не можешь престать противиться душѣ, которая относитъ всѣ дары Твои къ себѣ самой, и которая не хочетъ относиться сама собою, посредствомъ чистосердечной и безкорыстной любви, къ своему Творцу. Не дѣлать ничего другаго, какъ токмо бояться Тебя, не значитъ относить себя къ Тебѣ; это напротивъ значитъ думать о Тебѣ токмо въ отношеніи къ самому себѣ. Любить Тебя, имѣя въ виду единственно выгоды, которыя въ Тебѣ находятъ, есть относить Тебя къ себѣ, вмѣсто того, чтобы относить себя къ тебѣ. И Такъ, что

должно дѣлать, дабы относить себя совершенно къ Создателю? Должно отрещись себя, забыть себя, погубить себя, заниматься выгодами Бога противъ своихъ собственныхъ; не имѣть болѣе ни воли, ни славы, ни мира, кромѣ Его; однимъ словомъ, это значитъ любить Бога, не любя самаго себя иначе, какъ въ Немъ и для Него.

О, сколько душъ, которыя, выходя изъ сей жизни обремененныя добродѣтелями и благими дѣлами, совсѣмъ не имѣютъ сей чистоты, безъ коей невозможно видѣть Бога, и которыя, не находясь въ семъ простомъ и совершенномъ отношеніи твари къ Творцу, имѣютъ нужду быть очищенными помощію того ревниваго огня, которой не оставляетъ ничего душѣ въ другой жизни, изъ всего того, что ее привязываетъ къ ней самой! Онѣ не внидутъ въ Бога, сіи души, прежде нежели не выдутъ совершенно изъ самихъ себя. Въ семъ испытаніи неумолимаго правосудія то, что принадлежитъ еще себѣ, принадлежитъ къ области чистилища (*). Увы! сколько душъ, которыя, полагаясь на свои добродѣтели, совсѣмъ не хотятъ слышать объ отреченіи отъ самихъ себя! Слово сіе для нихъ жестоко и соблазнительно; но сколь дорого будетъ имъ стоить пренебреженіе онаго! Онѣ заплатятъ стократно за обращенія къ самимъ себѣ, и за тщетныя утѣшенія, которыя они не имѣли твердости отвергнуть.

(*) По мнѣнію Церкви Католической, души, несовершенно отъ грѣховъ своихъ очиставшіяся, вступаютъ въ чистилище.

Возвратимся. Таково-то есть величіе Бога, что Онъ не можетъ ничего дѣлать иначе, какъ токмо для Себя Самаго и для собственной Своей славы. Это есть та несообщаемая слава, къ которой Онъ по необходимости ревнуетъ, и которой Онъ не можетъ дать никому, какъ Онъ Самъ изрекъ сіе (*). Напротивъ, такова есть низость твари и ея зависимость, что она не можетъ, не превращая себя въ ложное Божество и не нарушая неизмѣннаго закона ея сотворенія, ничего дѣлать, ничего говорить, ничего мыслить и ничего хотѣть для самой себя и для своей собственной славы.

О ничтожество! Ты хочешь прославлять себя! Ты существуешь токмо на условіи быть всегда ничѣмъ въ своихъ собственныхъ глазахъ; ты имѣешь бытіе токмо для Того, Кто повелѣлъ тебѣ имѣть оное. Онъ всѣмъ долженствуетъ Самому Себѣ; ты всѣмъ долженствуешь Ему; Онъ не можетъ уступить ничего: все то, что Онъ оставилъ бы тебѣ для тебя самаго, выступило бы изъ ненарушимыхъ законовъ Его мудрости и благости. Одно мгновеніе, одинъ вздохъ, относящійся единственно къ твоей собственной пользѣ, повредилъ бы существенно цѣль Создателя при твореніи. Онъ не имѣетъ нужды ни въ чемъ, но хощетъ всего, поелику все Ему принадлежитъ; и все не есть излишне для Него: толико Онъ великъ! Но сія самая великость есть причина, что Онъ не можетъ ничего произвести внѣ Самаго Себя, чтобы не было все для Него:

(*) Исаіи гл. 42, ст. 8.

это есть Его благоволеніе, коего Онъ хощетъ въ своей твари. Онъ создалъ для меня небо и землю; но не можетъ терпѣть, чтобы я сдѣлалъ произвольно и по избранію одинъ шагъ для другаго конца, кромѣ исполненія Его воли. Прежде нежели Онъ произвелъ Свои творенія, не находилось другой воли, кромѣ Его. Можемъ ли мы думать, чтобы Онъ создалъ разумныхъ тварей для того, дабы оныя хотѣли другимъ образомъ, нежели какъ Онъ хочетъ? — Нѣтъ; верховный Его разумъ долженъ ихъ просвѣщать и быть ихъ разумомъ; Его воля, правило всякаго добра, должна хотѣть въ насъ; всѣ наши воли должны составлять одну съ Его волею; и вотъ для чего мы говоримъ Ему: *да пріидетъ Царствіе Твое; да будетъ воля Твоя.*

Дабы лучше понимать все сіе, должно представлять себѣ, что Богъ, Который создалъ насъ изъ ничего, вновь творитъ насъ, такъ сказать, въ каждую минуту. Изъ того, что мы были вчера, не слѣдуетъ, что мы долженствуемъ быть еще сегодня; мы можемъ перестать имѣть бытіе, и дѣйствительно паки повергнись бы въ ничтожество, изъ котораго мы вышли, ежели бы та же всемогущая Рука, Которая насъ извлекла изъ онаго, не препятствовала намъ снова въ него погрузиться. Мы не значимъ ничего сами по себѣ, но составляемъ токмо то, чѣмъ Богъ повелѣлъ намъ быть, и единственно на такое время, пока Ему сіе угодно; Ему стоитъ токмо удалить руку, которая насъ держитъ, дабы ввергнуть насъ въ бездну нашего ничтожества, какъ камень, которой держатъ на воздухѣ, падаетъ по своей собственной тя-

жести, какъ скоро его опустятъ. И такъ мы имѣемъ бытіе и жизнь не иначе, какъ посредствомъ дара Божества.

Далѣе, находятся другія блага порядка чистѣйшаго и болѣе возвышеннаго; хорошая жизнь стоитъ еще болѣе, нежели просто жизнь; добродѣтель имѣетъ цѣну превосходнѣйшую, нежели здравіе; правота сердца и любовь къ Богу еще болѣе превышаютъ дары временные, нежели какъ небо превышаетъ землю. И такъ, ежели мы неспособны обладать одно мгновеніе сими низкими и грубыми дарами, то сколь по сильнѣйшей причинѣ Онъ не обязанъ дать намъ сіи высочайшіе дары любви Его.

И такъ сіе значитъ не знать Тебя, Боже мой, ежели созерцать Тебя внѣ насъ самихъ, какъ Существо всемогущее, Которое даетъ законы цѣлой натурѣ, и Которое создало все то, что мы видимъ; это есть знать токмо часть того, что Ты еси, и не знать того, что находится удивительнѣйшаго и трогательнѣйшаго для Твоихъ разумныхъ твореній. Духъ мой восхищается мыслію, что Ты еси Богъ моего сердца; Ты творишь въ ономъ все то, что Тебѣ угодно. Когда я есмь добръ — это Ты, Который содѣлываешь меня таковымъ; Ты не токмо обращаешь мое сердце по Своему произволу, но еще даешь мнѣ сердце по сердцу Твоему. Ты Самъ есть Тотъ, Коего Ты во мнѣ любишь; Ты одушевляешь мою душу, подобно какъ моя душа одушевляетъ мое тѣло; Ты для меня болѣе присутствующъ и болѣе существенъ, нежели я есмь таковъ къ самому себѣ; это *я*,

къ которому я столько чувствителенъ и которое я толико любилъ, должно быть для меня чуждымъ въ сравненіи съ Тобою; Ты еси Тотъ, Который даровалъ мнѣ оное; безъ Тебя оно было бы ничто — и вотъ для чего Ты хощешь, чтобы я любилъ Тебя болѣе, нежели его.

О непостижимое могущество моего Создателя! о право Творца на тварь, которое тварь никогда не уразумѣетъ довольно! о чудо любви, которое Богъ единъ сотворить можетъ! Богъ поставляетъ Себя, такъ сказать, между мною и *я*; Онъ раздѣляетъ меня со мною самимъ; Онъ хочетъ быть ближе ко мнѣ посредствомъ Своея чистыя любви, нежели сколь я близокъ къ самому себѣ; Онъ хочетъ, чтобы я взиралъ на сіе *я* такъ, какъ бы разсматривалъ постороннее существо; Онъ хочетъ, чтобы я вышелъ изъ границъ сего *я*, чтобы я посвятилъ оное Ему безвозвратно, и чтобы я относилъ его всесовершенно и безъ условія къ Творцу, отъ Котораго получилъ оное; то, что я есмь, долженствуетъ быть мнѣ гораздо менѣе любезно, нежели Тотъ, чрезъ Коего я есмь. Онъ создалъ меня для Себя, а отнюдь не для меня самаго, то есть для того, дабы Его любить, и хотѣть всего того, чего Онъ хочетъ; а не для того, чтобы я любилъ самаго себя и искалъ исполненія собственной моей воли. Ежели кто-либо чувствуетъ свое сердце возмущающимся противъ сего совершеннаго жертвоприношенія *я* Тому, Который насъ создалъ, — я оплакиваю его ослѣпленіе, чувствую сострадапіе, видя его невольникомъ самаго себя, и прошу Бога освобо-

дить его отъ сего рабства, научивъ его любить Бога болѣе, нежели все то, что въ мірѣ существуетъ.

Боже мой! я вижу въ сихъ людяхъ, соблазняющихся Твоею чистою любовію, мракъ и возмущеніе, первоначальнымъ грѣхомъ порожденные. Ты не создалъ сердце человѣческое съ сею чудовищною наклонностію къ собственности. Справедливость, которой Писаніе насъ научаетъ, состоитъ въ томъ, чтобы принадлежать не себѣ, но Тому, Который насъ создалъ для Себя! Отче! Отче! дѣти Твои совершенно обезображены, и не подобны Тебѣ болѣе! Они раздражаются они теряютъ мужество, когда имъ говорятъ, чтобы принадлежать Тебѣ, такъ какъ Ты принадлежишь Самому Себѣ. Низпровергая сей порядокъ, толико справедливый, они безразсудно хотятъ превратиться въ Божества; они хотятъ жить самимъ себѣ, дѣлать все для себя, или по крайней мѣрѣ не предаваться Тебѣ совершенно, но на извѣстныхъ условіяхъ и для собственной своей выгоды. О гнусное собственнолюбіе! о права Бога невѣдомыя! о неблагодарность и безчувственность твари! Жалкое ничтожество! что имѣешь ты соблюдать для себя? Что имѣешь ты такое, что бы тебѣ принадлежало? Что имѣешь ты такое, что бы не происходило свыше, и что бы не долженствовало туда же возвратиться? Все, даже до сего *я*, толико несправедливаго, которое хочетъ раздѣлить съ Богомъ дары Его, есть даръ Бога, созданный единственно для Него; все то, что есть въ тебѣ, вопіетъ противъ тебя за Создателя. И такъ, умолкни, твореніе, отъ

своего Творца себя похищающее, и возврати Ему всего самаго себя.

Но, Боже мой! сколь утѣшительно думать, что все есть Твое твореніе какъ внутри меня, такъ и во внѣшности! Ты пребываешь всегда со мною. Когда я дѣлаю зло, Ты существуешь во внутренности меня, упрекая меня за зло, мною содѣваемое, внушая мнѣ сожалѣніе о благѣ, которое я оставилъ, и показуя мнѣ милосердіе, простирающее ко мнѣ свои объятія. Когда я дѣлаю добро, это Ты низпосылаешь мнѣ къ сему желаніе, и исполняешь оное во мнѣ и со мною; Ты есть Тотъ, Который любитъ благо и ненавидитъ зло въ моемъ сердцѣ, Который терпитъ, молитъ, наставляетъ ближняго, творитъ милостыню; я дѣлаю всѣ сіи вещи, но сіе чрезъ Тебя, ибо Ты побуждаешь меня оныя дѣлать. Сіи добрыя дѣла, кои суть дары Твои, содѣлываются моими; но они всегда суть Твои дары, и престаютъ быть добрыми дѣлами съ тѣхъ поръ, когда я взираю на нихъ какъ бы на собственно мнѣ принадлежащія, и когда Твой даръ, всю ихъ цѣну составляющій, избѣгаетъ отъ моего зрѣнія.

И такъ Ты еси (и я восхищаюсь возможностію мыслить о семъ) дѣйствующій безпрестанно въ основаніи самаго меня; Ты трудишься въономъ невидимо, какъ художникъ, который работаетъ надъ минами во внутренностяхъ земли; Ты творишь все, — и міръ не видитъ Тебя; онъ не приписываетъ Тебѣ ничего — и я самъ заблуждался, искавъ Тебя посредствомъ тщетныхъ усилій далече отъ меня; я собиралъ въ мой разумъ всѣ чудеса натуры, дабы соста-

вить себѣ нѣкоторое понятіе о Твоемъ величіи; я вопрошалъ Твоихъ тварей, и не думалъ найти Тебя во глубинѣ моего сердца, гдѣ Ты непрестанно пребывалъ. Нѣтъ, Боже мой! не должно искапывать основаніе земли, ни переходить по ту сторону морей; не должно даже летать на небеса, какъ говорятъ Святые Твои Пророки (*), дабы найти Тебя: Ты существуешь ближе къ намъ, нежели мы сами.

О Богъ, столь великій и вмѣстѣ столь дружественный, толико превыше небесъ обитающій и толико соразмѣрный низости Своея твари, столь неизмѣримый и столь внутренно заключенный во глубинѣ моего сердца, столь страшный и столь любезный, столь ревнивый и столь преклонный для тѣхъ, кои взираютъ на Тебя съ дружественностію чистой любви! когда сбудется то, что собственныя Твои дѣти престанутъ не знать Тебя? Кто дастъ мнѣ гласъ довольно крѣпкій, дабы упрекать міръ за его ослѣпленіе, и дабы возвѣстить ему со властію все то, что Ты еси? Когда говорятъ людямъ о томъ, чтобы искать Тебя въ ихъ собственномъ сердцѣ, то сіе значитъ предложить имъ идти искать Тебя гораздо далѣе, нежели въ самыхъ неизвѣстнѣйшихъ земляхъ. Что находится неизвѣстнѣйшаго и наиболѣе удаленнаго для большей части людей суетныхъ и разсѣянныхъ, какъ глубина собственнаго ихъ сердца? Знаютъ ли они, что такое значитъ входить въ самихъ себя? Искали ли они когда-

(*) Второзак. 30—11. Къ Римл. 10—6.

либо къ сему дорогу? Могутъ ли они даже вообразить, что такое есть сіе внутреннее святилище, сіе непроницаемое основаніе души, въ коемъ Ты хощешь быть покланяемъ въ духѣ и истинѣ? Они живутъ всегда внѣ себя въ предметахъ ихъ честолюбія, или ихъ увеселеній. Увы! какъ могутъ они понимать истины небесныя, когда истины даже земныя, какъ говоритъ І. Х. (*), не могутъ сдѣлаться для нихъ ощутительными? Они не могутъ понимать, что такое значитъ входить въ самихъ себя посредствомъ основательныхъ размышленій; что бы сказали они, ежели бы имъ предложили выдти изъ себя, дабы потерять себя въ Богѣ?

Что касается до меня, Творецъ мой, то я съ закрытыми глазами для всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, кои суть ничто иное, какъ суета и произволеніе духа (**), хочу найти въ таинственнѣйшемъ моего сердца искреннее дружество съ Тобою чрезъ І. Христа, Твоего Сына, Который есть Твоя мудрость и Твой вѣчный разумъ, содѣлавшійся младенцемъ, дабы посрамить своимъ дѣпствомъ и буйствомъ своего креста нашу тщетную и ложную мудрость. Тамъ-то хочу я, чего бы мнѣ сіе ни стоило, не смотря на мою прозорливость и мои размышленія, сдѣлаться малымъ, безсмысленнымъ, еще болѣе презрѣннымъ въ собственныхъ моихъ глазахъ, нежели въ очахъ всѣхъ ложныхъ мудрецовъ; тамъ-то хочу я упоить себя Св. Духомъ, подоб-

(*) Іоан. 3, 12.
(**) Екклез. 1, 14.

но Апостоламъ, и согласиться, какъ они, быть игрушкою міра.

Но кто есмь я, чтобы мыслить о сихъ вещахъ? Это не есть болѣе *я*, низкое и бренное твореніе, душа, прахомъ облеченная и грѣхъ въ себѣ содержащая; это Ты, о Іисусъ, вѣчная Истина, Который мыслишь объ оныхъ во мнѣ, и ихъ исполняешь, дабы содѣлать благодать Твою болѣе торжествующею посредствомъ недостойнѣйшаго орудія.

О Боже! Тебя не знаютъ совершенно, не знаютъ, кто Ты есть. *Свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ* (*). Чрезъ Тебя видятъ, мыслятъ, вкушаютъ удовольствія, и забываютъ Того, помощію Коего все сіе дѣлаютъ! Не видятъ ничего иначе, какъ токмо чрезъ Тебя, Свѣтъ всемірный, Солнце душъ, еще съ большею ясностію сіяющее, нежели солнце тѣлесное, и не видя ничего иначе, какъ чрезъ Тебя, Тебя отнюдь не видятъ! Ты есть Тотъ, Который даетъ все: звѣздамъ свѣтъ ихъ, источникамъ ихъ воды и ихъ теченіе, землѣ растѣнія ея, плодамъ ихъ зрѣлость, цвѣтамъ ихъ красоту и благовоніе, всей натурѣ ея богатство и ея прелести, людямъ здравіе, разумъ, добродѣтель; Ты даешь все, Ты творишь все, Ты управляешь всѣмъ; я не вижу ничего, кромѣ Тебя; все прочее изчезаетъ какъ тѣнь въ глазахъ того, кто видѣлъ Тебя одинъ разъ: и міръ не видитъ Тебя совершенно! Но, увы! тотъ, кто не видитъ Тебя, не видалъ никогда ничего; онъ провелъ свою жизнь въ сонномъ мечтаніи; онъ

(*) Іоан. 1, 5.

есть, какъ бы никогда не былъ, и еще болѣе нещастенъ: ибо лучше бы для него было, какъ я научился изъ Слова Твоего, ежели бы онъ никогда не родился.

Что касается до меня, Боже мой, то я нахожу Тебя повсюду, и во внутренности самаго меня. Ты есть Тотъ, Который творитъ со мною все то, что я ни дѣлаю добраго. Я чувствовалъ тысящекратно, что я не могъ бы самъ собою ни побѣдить мой характеръ, ни разрушить мои привычки, ни умѣрить мою гордость, ни слѣдовать моему разуму, ни продолжать хотѣніе добра, коего я хотѣлъ одинъ разъ. Ты даешь сіе хотѣніе, Ты сохраняешь его чистоту; безъ Тебя я есмь ничто иное, какъ вѣтвь, малѣйшимъ вѣтромъ колеблемая. Ты даровалъ мнѣ твердость духа, правоту и всѣ добрыя чувствованія, кои я имѣю; Ты сотворилъ во мнѣ сердце новое, которое стремится къ Твоему правосудію, и которое жаждетъ вѣчныя Твоея истины; и притомъ, даруя оное мнѣ, Ты исторгъ изъ меня сердце ветхаго человѣка, нечистотою и поврежденіемъ наполненное, завистливое, суетное, надмѣнное, безпокойное, несправедливое, желаніемъ удовольствій пылающее. Коликой бѣдности былъ я преданъ! Увы! могъ ли я когда-либо думать и надѣяться обратиться такимъ образомъ къ Тебѣ, и свергнуть иго тиранническихъ моихъ страстей!

Но вотъ чудо, которое помрачаетъ всѣ прочія: кто другой, кромѣ Тебя, могъ бы исторгнуть меня изъ самаго себя, и обратить всю мою ненависть и презрѣніе противъ меня? Это не есть *я*, которое творитъ сіе дѣло; поелику невозможно посредствомъ самаго себя выдти

изъ себя: и такъ должно было имѣть постороннюю помощь, на которую бы я могъ опереться внѣ моего собственнаго сердца, дабы осудить бѣдность онаго. Надлежитъ, чтобъ сія помощь была посторонняя: ибо я не могъ бы найти ее во мнѣ, въ *я*, съ которымъ должно было сражаться; но также должно, чтобъ она была сердечная, дабы изторгнуть *я* изъ тайнѣйшихъ изгибовъ моего сердца. Ты, Господи, есть Тотъ, Который, внося свѣтъ Свой во глубину моея души, всякому другому непроницаемую, показалъ мнѣ въ оной всю мою безобразность. Я очень знаю, что, видя ее, я не измѣняю оную, и что я есмь еще нестроенъ въ очахъ Твоихъ; я очень знаю, что мои глаза не могли открыть всей моей нестройности; но по крайней мѣрѣ я вижу часть оныя, и желалъ бы открыть всю. Я вижу себя отвратительнымъ; но упованіе, мною на Тебя возлагаемое, заставляетъ меня пребывать спокойнымъ: ибо я не хочу ни потворствовать моимъ порокамъ, ни того, чтобы оные лишали меня твердости. И такъ я вижу ихъ, и терплю, не возмущаясь, свое поношеніе. Я есмь за Тебя противъ себя, Боже мой, и никого, кромѣ Тебя, не находится, кто бы могъ раздѣлить меня такимъ образомъ съ самимъ собою. Вотъ то, что Ты творишь во внутренности, — и Ты продолжаешь ежедневно сіе дѣлать, дабы отнять у меня весь остатокъ моей грѣховной жизни Адама, и дабы окончить возрожденіе новаго человѣка. Сіе-то есть второе сотвореніе новаго человѣка, которое возобновляется ежедневно.

Я оставляю себя въ Твоихъ рукахъ, Боже мой; обращай и превращай прахъ сей, дай ему форму, и разрушь ее потомъ; онъ принадлежитъ Тебѣ; онъ не имѣетъ ничего сказать; довольно для меня, чтобъ онъ служилъ къ Твоимъ всегда благодѣтельнымъ намѣреніямъ, и чтобы ничто не противилось Твоему благоволенію, для котораго я созданъ. Требуй, повелѣвай, запрещай: что хощешь Ты, чтобъ я дѣлалъ; что хочешь Ты, чтобы я не дѣлалъ. — Возвышенный, униженный, утѣшенный, страждущій, способный къ дѣламъ Твоимъ, безполезный ко всему, — и я буду покланяться Тебѣ всегда равномѣрно, посвящая совершенно собственную мою волю Твоей; мнѣ не остается ничего, какъ говорить во всякомъ случаѣ подобно Маріи: *Буди мнѣ по глаголу Твоему* (*).

Но между тѣмъ какъ Ты творишь такимъ образомъ все внутри, дѣйствуешь не менѣе и во внѣшности. Я открываю повсюду, и даже въ малѣйшемъ атомѣ, сію великую Десницу, которая носитъ небо и землю, и которая кажется играющею, управляя цѣлою вселенною. Единственное, что меня приводитъ въ замѣшательство, есть понимать, какимъ образомъ Ты оставляешь толико золъ, смѣшанныхъ со благами. Ты не можешь творить зла; все то, что Ты творишь, есть добро: откуда же происходитъ, что лице земли покрыто бѣдствіями и злодѣяніями? Кажется, что зло превозмогаетъ повсюду надъ добромъ. Ты создалъ міръ единственно для Твоея славы, и люди впадаютъ въ искушеніе ду-

(*) Лук. 1, 38.

мать, что онъ обращается въ укоризну Тебѣ. Число злыхъ превосходитъ безконечно число добрыхъ, даже во внутренности Твоея Церкви; почти всяка плоть развратила путь свой; сами добрые суть добры токмо въ половину, и заставляютъ меня почти столько же воздыхать, какъ и другіе. Все страждетъ, и все находится въ принужденномъ состояніи: бѣдность равняется поврежденію. Что медлиши, Господи! раздѣлить благо отъ зла? Ускори — даждь славу Имени Твоему; научи тѣхъ, кои Его хулятъ, сколь Оно есть велико! Ты долженствуешь Самому Себѣ воззвать всѣ вещи къ порядку. Я слышу нечестиваго, который говоритъ, что (*) очи Твои затворены на все, долу здѣсь происходящее. Воскресни, воскресни, Господи! положи враги Твоя въ подножіе ногъ Твоихъ!

Но, Боже мой! сколь сужденія Твои суть глубоки! Пути Твои (**) болѣе возвышенны предъ нашими, нежели сколь небо превышаетъ землю. Мы не имѣемъ терпѣливости, поелику цѣлая наша жизнь есть ничто иное, какъ одно мгновеніе; напротивъ долготерпѣніе Твое основано на Твоей вѣчности, предъ коею (***) тысяща лѣтъ яко день вчерашній, уже протекшій. Ты содержишь минуты въ Твоей власти (****), и люди не познаютъ ихъ; они предаются нетерпѣнію, они соблазняются — и взираютъ на Тебя, какъ будто бы Ты могъ уступить

(*) Езек. 8, 12.
(**) Исаіи 55, 9.
(***) II Посланіе Св. Петра 3, 8.
(****) Дѣян. 1, 7.

усиліямъ несправедливости: но Ты посмѣваешься ихъ ослѣпленію и ихъ ложной ревности.

Ты научаешь меня, что находятся два рода золъ: одни, которыя люди дѣлаютъ противъ Твоего закона и безъ Тебя, по злоупотребленію своей свободы; другія, кои Ты творишь (*), и которыя суть истинныя блага, ежели ихъ разсматриваютъ въ отношеніи къ наказанію и исправленію злыхъ, для котораго они Тобою опредѣлены. Грѣхъ есть зло, которое происходитъ отъ человѣка; смерть, болѣзни, горести, стыдъ и всѣ другія бѣдствія суть зло, которое Ты обращаешь во благо, заставляя оное служить удовлетвореніемъ за грѣхъ. — Что касается до грѣха, Господи! Ты его терпишь, дабы оставить человѣка свободнымъ *и въ руцѣ совѣта его*, по выраженію Твоего Писанія. Но, не будучи Творцемъ грѣха, какого чуда не творишь Ты изъ него, дабы открыть славу Твою! Ты употребляешь злыхъ къ исправленію добрыхъ, и къ тому, дабы ихъ усовершенствовать, смиряя ихъ; Ты употребляешь еще злыхъ противъ ихъ самихъ, наказывая ихъ однихъ другими; но (что всего болѣе трогательно и любви достойно) Ты заставляешь неправосудное преслѣдованіе однихъ служить къ обращенію другихъ. Сколько находится людей, кои жили бы въ забвеніи Твоихъ благодѣяній и въ небреженіи о Твоемъ законѣ, и которыхъ Ты возвращаешь къ Себѣ, отрѣшая ихъ отъ міра посредствомъ несправедливостей, кои они въ ономъ терпятъ!

(*) Амос. 3, 6.

Но я примѣчаю, Боже мой! другое чудо: оно есть то, что Ты терпишь смѣсь добра и зла даже въ сердцѣ тѣхъ, кои наиболѣе принадлежатъ Тебѣ: несовершенства, остающіяся въ сихъ добрыхъ душахъ, служатъ къ тому, чтобы смирять ихъ, отрѣшать ихъ отъ нихъ самихъ, заставить ихъ чувствовать ихъ немощь, пламеннѣе стремиться къ Тебѣ, и вразумить ихъ, что молитва есть источникъ всякой истинной добродѣтели. О, коликое изобиліе благъ извлекаешь Ты изъ золъ, Тобою допущенныхъ! И такъ Ты терпишь зло единственно для того, чтобы извлечь изъ него величайшее благо, и дабы явить блескъ Твоея всемогущія благости чрезъ искусство, съ которымъ Ты употребляешь сіе зло. Ты не творишь неправосудія человѣческаго; но будучи неспособенъ творить оное, Ты обращаешь его токмо къ одному предмету болѣе, нежели къ другому, смотря потому, какъ сіе Тебѣ угодно, для исполненія Твоихъ Божественныхъ совѣтовъ правосудія или милосердія.

Я слышу разумъ человѣческій, который хочетъ войти въ сужденіе съ Тобою, хочетъ проникнуть вѣчныя Твои таинства, и который говоритъ: Богъ не имѣлъ нужды извлекать благо изъ зла; Ему надлежало бы токмо совершенно не допускать никакого зла, и сдѣлать всѣхъ людей добрыми; Онъ имѣлъ къ сему возможность; Ему слѣдовало бы токмо сдѣлать для всѣхъ людей то, что Онъ сдѣлалъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, коихъ вознесъ превыше ихъ самихъ посредствомъ влеченія Своей благодати; для чего

же Онъ сего не сдѣлалъ? — Боже мой! я знаю сіе изъ Твоего Святаго Слова (*): Ты не ненавидишь ничего изъ того, что Ты создалъ; Ты не хощешь ничьей погибели; Ты еси Спаситель всѣхъ; но Ты таковъ болѣе для однихъ, нежели для другихъ. Когда Ты пріидешь судить землю, тогда возторжествуешь въ судѣ Твоемъ; тварь осужденная не узритъ ничего, кромѣ правосудія въ своемъ осужденіи; Ты покажешь ей яснымъ образомъ, что Ты сдѣлалъ для обработанія Своего винограда все, что долженствовалъ. Ты не оскудѣваешь для нея, но она сама для себя недостаточна, и сама себя погубляетъ. Нынѣ человѣкъ не видитъ сихъ подробностей, поелику Онъ не знаетъ собственнаго своего сердца; онъ не различаетъ ни даровъ благодати, которые ему представляются, ни своихъ собственныхъ чувствованій, ни своего противленія. Въ судѣ Твоемъ Ты откроешь его совершенно собственнымъ его глазамъ; онъ узритъ себя, — и почувствуетъ ужасъ при взглядѣ на себя; онъ будетъ не въ состояніи удержаться видѣть съ вѣчнымъ отчаяніемъ то, что Ты сдѣлалъ для него, и что онъ самъ сдѣлалъ противъ самаго себя.

Вотъ то, чего человѣкъ совсѣмъ не понимаетъ въ здѣшней жизни; но, Боже мой! какъ скоро онъ познаетъ Тебя, то долженствуетъ вѣрить сей истинѣ, хотя и не постигаетъ оныя; онъ не можетъ сомнѣваться, чтобъ Ты не былъ, Ты, чрезъ Коего всѣ вещи существуютъ; онъ не можетъ сомнѣваться, чтобъ Ты

(*) II Посланіе Св. Петра 3, 9. I къ Тим. 4, 10.

не былъ верховная благость: и такъ ему остается токмо заключить, не взирая на весь мракъ, его окружающій, что низпосылая милости однимъ, Ты творишь правосудіе всѣмъ; еще болѣе, Ты творишь милости тѣмъ, кои будутъ чувствовать вѣчно строгость Твоего правосудія. Правда, что Ты не всегда даешь столь же великія милости однимъ, какъ и другимъ; но тѣмъ не менѣе Ты имъ даешь милости — и милости, которыя сдѣлаютъ ихъ неизвинительными, когда Ты будешь судить ихъ, или лучше, когда они сами себя осудятъ и когда истина, въ сердцахъ ихъ напечатлѣнная, произнесетъ ихъ осужденіе. Справедливо, что Ты могъ сдѣлать болѣе для нихъ; справедливо, что Ты сего не возхотѣлъ; но Ты хотѣлъ всего, что нужно было къ тому, чтобъ не быть обремененнымъ ихъ погибелью; Ты допустилъ оную, но не содѣлалъ. Ежели они были злы, то сіе не потому, чтобы Ты не далъ имъ довольныхъ средствъ быть добрыми; они сего не хотѣли, — Ты же оставилъ имъ свободу ихъ. Кто можетъ жаловаться на то, что Ты не далъ имъ преизбыточества благодати? Господинъ, которой предлагаетъ всѣмъ своимъ слугамъ справедливое награжденіе за труды ихъ, не имѣетъ ли права оказать нѣкоторымъ изъ нихъ особенныхъ милостей? То, что онъ даетъ однимъ выше мѣры, даетъ ли другимъ малѣйшее какое-либо право жаловаться на него? Чрезъ сіе, Господи! Ты показуешь, что всѣ пути Твои суть истина и судъ, какъ говоритъ Писаніе (*). Ты благъ

(*) Псал. 24, 10. Псал. 88, 15.

ко всѣмъ, но благъ по различнымъ степенямъ; и милости, которыя Ты изливаешь съ чрезвычайною расточительностію на однихъ, не суть строгій законъ, который бы Ты налагалъ Себѣ, чтобъ быть обязаннымъ таковою же щедростію ко всѣмъ другимъ.

И такъ молчи, неблагодарная и бунтующая тварь! Ты, которая мыслишь въ сію минуту о дарахъ Божіихъ, вспомни, что даже сія мысль есть даръ Бога; въ то же мгновеніе, когда ты ропщешь на лишеніе Его благодати, сія самая благодать дѣлаетъ тебя внимательною при мысли о дарахъ Божіихъ. Далече отъ того, чтобы роптать противъ Творца всѣхъ благъ, спѣши пользоваться тѣми, кои Онъ даетъ тебѣ въ сіе мгновеніе; открой свое сердце, смири твой слабый духъ, и пожертвуй своимъ слабымъ и напыщеннымъ разумомъ. Сосудъ нечистоты! Тотъ, Который тебя сдѣлалъ, имѣетъ право разбить тебя — и вмѣсто того, чтобы сіе сдѣлать, Онъ боится быть обязаннымъ тебя сокрушить; Онъ угрожаетъ тебѣ изъ милосердія.

И такъ я хочу, Боже мой! навсегда истребить въ моемъ сердцѣ всѣ разсужденія, которыя приводятъ меня въ искушеніе сомнѣваться о Твоей благости. Я знаю, что Ты не можешь быть никогда инаковъ, какъ благъ; я знаю, что Ты содѣлалъ Твое твореніе подобнымъ Тебѣ, простымъ, справедливымъ и добрымъ; но Ты не хотѣлъ отнять у него выборъ между благомъ и зломъ. Ты представляешь ему благо — сего довольно; я въ томъ увѣренъ, хотя и не знаю точно, какимъ образомъ: но неизмѣнная и не-

преложная идея, которую я имѣю о Тебѣ, не позволяетъ мнѣ въ томъ сомнѣваться, — и я не могу имѣть довольно сильной причины почитать Тебя погрѣшившимъ въ разсужденіи человѣка, коего я совсѣмъ не знаю, и коего внутренность ему самому неизвѣстна, между тѣмъ какъ имѣю безчисленныя къ тому, чтобы увѣриться, что Ты не осудишь ниодного человѣка, не сдѣлавъ его неизвинительнымъ въ собственныхъ его глазахъ. Сего довольно, чтобы доставить мнѣ спокойствіе — и ежели я послѣ сего погибну, то сіе значитъ, что погублю самъ себя, поелику буду противиться, подобно Іудеямъ, Св. Духу, Который есть внутренняя благодать.

О Отецъ милосердія! я не мышлю болѣе философствовать о благодати, но предать себя ей въ молчаніи. Она дѣлаетъ все въ человѣкѣ, но дѣлаетъ все съ Нимъ и чрезъ Него: и такъ должно, чтобы я съ нею дѣйствовалъ и воздерживался, чтобы я терпѣлъ, ожидалъ, противился, вѣрилъ, надѣялся и любилъ. Слѣдуя всѣмъ симъ впечатлѣніямъ, она будетъ дѣлать во мнѣ все, и я буду дѣлать все чрезъ нее; она движетъ сердце, и наконецъ оное бываетъ подвигнуто; ибо Ты не спасаешь человѣка, не заставивъ его дѣйствовать. И такъ мнѣ предлежитъ трудиться, не теряя ни минуты, дабы не остановить благодати, которая понуждаетъ меня безпрестанно. Всякое благо происходитъ отъ нея; всякое зло происходитъ отъ меня самаго. Когда я дѣлаю хорошо, то она меня одушевляетъ; когда дѣлаю худо, то противлюсь ей. Да не будетъ угодно Богу, чтобы

я хотѣлъ узнать о семъ что нибудь болѣе: все прочее служило бы токмо къ тому, чтобы питать во мнѣ надмѣнное любопытство. О Боже мой! содержи меня всегда въ числѣ сихъ малыхъ, коимъ Ты открываешь Свои таинства, между тѣмъ какъ возпрещаешь познаніе оныхъ мудрымъ и ученымъ вѣка сего.

Теперь, о Великій Боже! я не останавливаюсь болѣе на сей трудности, которая часто поражала мой разумъ: откуда происходитъ, что Богъ, толико благій, создавъ столь великое множество человѣковъ, оставляетъ ихъ погибнуть? Откуда происходитъ, что Онъ заставилъ родиться и умереть собственнаго Своего Сына, ежели Его рожденіе и смерть полезны токмо весьма малому числу людей? — Я понимаю, о Всемогущее Существо! что все, Тобою творимое, не стоитъ Тебѣ ничего; — вещи, которымъ мы удивляемся и которыя наиболѣе насъ превосходятъ, суть для Тебя столь же легки и обыкновенны, какъ и тѣ, коимъ мы нисколько не удивляемся, потому что уже къ нимъ привыкли. Ты не имѣешь нужды соразмѣрять плодъ Своего труда съ тѣмъ, чего дѣяніе Тебѣ стоитъ; поелику ниодно твореніе никогда не стоило Тебѣ ни усилій, ни труда, и единственный плодъ, который Ты можешь извлечь изъ всѣхъ Своихъ созданій, есть исполненіе Твоего благоволенія. Ты не имѣешь нужды ни въ чемъ; нѣтъ ничего, что бы Ты могъ пріобрѣсти; Ты носишь все внутри Самаго Себя; то, что Ты творишь во внѣшности, не есть необходимо ни для Твоего блаженства, ни для Твоея славы; слава Твоя была бы не менѣе, хотя бы даже ни-

одинЪ человѣкЪ не получилЪ плода отЪ смерти Спасителя. Ты могЪ бы заставить Его родиться даже для одного предопредѣленнаго; одинЪ довлѣлЪ бы кЪ сему, естьли бы Ты хотѣлЪ токмо одного: ибо Ты дѣлаешь все, Тобою творимое, не для нужды, которую бы Ты имѣлЪ вЪ вещахЪ, не для ихЪ достоинства вЪ отношеніи кЪ Тебѣ, но для исполненія Твоей воли, совершенно благодатной, которая не имѣетЪ никакого другаго закона, кромѣ самой себя. ВпрочемЪ, ежели толикое число людей погибаютЪ, то еще скажу одинЪ разЪ, что Ты оставляешь ихЪ употреблять свою свободу. Ты обрящешь вЪ нихЪ славу Свою посредствомЪ Твоего правосудія, подобно какЪ находишь оную вЪ добрыхЪ посредствомЪ Твоего милосердія; Ты наказуешь злыхЪ токмо потому, что они злы противЪ Твоей воли, хотя и получили то, помощію чего моглибЪ быть добрыми, и увѣнчеваешь добрыхЪ единственно по той причинѣ, что они содѣлались таковыми посредствомЪ Твоей благодати: и такЪ я вижу, что вЪ Тебѣ все есть правосудіе, или милосердіе.

Что касается до внѣшнихЪ золЪ, то я уже замѣтилЪ, о Мудрость вѣчная! что побуждаетЪ Тебя терпѣть оныя. Твое провидѣніе извлекаетЪ изЪ нихЪ величайшія блага. Слабые и невѣдущіе путей ТвоихЪ люди соблазняются оными: они воздыхаютЪ за Тебя, какЪ будто бы Твое дѣло было унижено; малаго недостаетЪ кЪ тому, чтобы они не повѣрили, что Ты изнеможешь, и что нечестіе возторжествуетЪ надЪ Тобою; они впадаютЪ вЪ искушеніе думать, что Ты не зришь того, что вЪ мірѣ происходитЪ,

или что Ты къ сему нечувствителенъ. Но да пождутъ они еще мало, сіи люди слѣпые и нетерпѣливые. Торжествующіе нечестивцы не будутъ торжествовать долгое время; они процвѣтаютъ, но яко трава скоро изсшутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ (*); смерть возвратитъ все къ порядку. Ничто не принуждаетъ Тебя угнѣтать враговъ Твоихъ; Ты терпѣливъ, какъ говоритъ Св. Августинъ, поелику Ты еси вѣченъ (patiens, quia aeternus); Ты увѣренъ въ ударѣ, которой поразитъ ихъ; Ты держишь долгое время руку Твою подъятою, поелику Ты еси Отецъ, и поражаешь не иначе, какъ съ сожалѣніемъ, по крайности: ибо Ты вѣдаешь тягость руки Твоея. И такъ пусть нетерпѣливые люди соблазняются; что до меня, то я взираю на вѣки, какъ на минуту, ибо я знаю, что вѣки суть менѣе, нежели минута, предъ Тобою. Сіе послѣдованіе вѣковъ, которое именуется продолженіемъ міра, есть ничто иное, какъ явленіе, которое должно разсѣяться, какъ фигура, изчезнуть долженствующая. Еще мало, о человѣкъ, ничего не видящій! еще мало, и Ты узришь то, что Богъ пріуготовляетъ: Ты узришь Его Самаго, держащаго подъ ногами Своими враговъ Своихъ. Какъ! ты находишь сіе страшное ожиданіе весьма удаленнымъ? Увы! оно весьма близко для толикаго числа нещастныхъ. Тогда благо и зло будутъ раздѣлены навѣки, и сіе будетъ, какъ говоритъ Писаніе, время всякой вещи (**).

(*) Псал. 36, 7.

(**) Екклез. 3, 17.

Все то, что съ нами ни случается, Ты производишь, Боже мой! и Ты творишь, чтобы все сіе обращалось для насъ во благо. Мы узримъ при свѣтѣ Твоемъ въ вѣчности, что то, чего мы желали, было бы для насъ плачевно; а то, чего мы хотѣли избѣжать, было необходимо къ нашему щастію.

О блага обманчивыя! я не назову васъ никогда благами, поелику вы служите токмо къ тому, чтобы содѣлать насъ нещастными! О кресты, Богомъ на меня возлагаемые, и которыми слабая натура почитаетъ себя отягощенною, вы, коихъ міръ слѣпый зломъ именуетъ! вы никогда не будете онымъ для меня. Лучше не говорить никогда, нежели говорить симъ проклятымъ нарѣчіемъ чадъ вѣка сего! Вы составляете истинныя мои блага; вы смиряете меня, отрѣшаете, заставляете чувствовать мою бѣдность и тщету всего того, что я хотѣлъ любить здѣсь долу. Благословенъ буди навсегда, Боже истины, пригвоздившій меня ко кресту съ Сыномъ Твоимъ единороднымъ, дабы содѣлать меня подобнымъ предмету вѣчнаго Твоего благоволенія!

Да не возражаютъ мнѣ, что Богъ не наблюдаетъ въ подробности того, что происходитъ между людьми. О слѣпцы, говорящіе такимъ образомъ! вы не знаете даже того, что такое есть Богъ. Какъ все то, что есть, существуетъ не иначе, какъ чрезъ сообщеніе Его безконечнаго бытія; какъ все то, что имѣетъ разумѣніе, имѣетъ оное не иначе, какъ чрезъ истеченіе Его верховнаго разума: такъ и все то, что дѣйствуетъ, дѣйствуетъ не иначе, какъ посред-

ствомъ впечатлѣнія Его высочайшей дѣятельно-сти; Онъ есть Тотъ, Который творитъ все; Онъ есть Тотъ, Который въ каждую минуту нашей жизни есть дыханіе нашего сердца, движеніе нашихъ членовъ, свѣтъ нашихъ глазъ, понятіе нашего разума, душа души нашей; все то, что въ насъ находится, жизнь, дѣйствіе, мысль, воля, творится чрезъ впечатлѣніе сей силы и жизни, сей мысли и воли вѣчной.

И такъ, Боже мой! какъ можешь Ты не знать въ насъ того, что Ты Самъ въ насъ производишь? Какъ можешь Ты быть нечувствительнымъ въ разсужденіи зла, которое является наружно не иначе, какъ чрезъ внутреннее Тебѣ сопротивленіе, и ко благу, которое мы дѣлаемъ токмо тогда, ежели Ты Самъ благоволишь творить оное съ нами? — Сіе вниманіе не стоитъ Тебѣ ничего; ежели Ты престанешь имѣть оное, то все погибнетъ; не будетъ находиться болѣе ни одной твари, которая бы могла мыслить, хотѣть, существовать. — О сколь должны быть люди незнающими своей немощи и своего ничтожества, Твоего могущества и Твоего неограниченнаго дѣйствія, когда они воображаютъ, что Ты утомился бы, будучи внимательнымъ и дѣйствующимъ въ толь многихъ мѣстахъ! Огонь жжетъ вездѣ, гдѣ онъ есть; должно было бы погасить его и уничтожить, дабы заставить его перестать сожигать: толико онъ есть дѣятеленъ и пожирающъ по своей натурѣ! Такимъ образомъ въ Богѣ все есть дѣйствіе, жизнь и движеніе; это *огнь поядай* (*), какъ Онъ

(*) Къ Евр. 12, 29.

Самъ говоритъ сie; вездѣ, гдѣ Онъ есть, творитъ все; — а какъ Онъ вездѣ находится, то и творитъ всѣ вещи во всѣхъ мѣстахъ; Онъ производитъ, какъ мы уже видѣли, творенiе непрерывное и безпрестанно возобновляемое всѣхъ тѣлъ, но не менѣе творитъ въ каждое мгновенiе всѣ существа свободныя и разумныя; Онъто даетъ имъ разумъ, волю, доброе хотѣнiе, разныя степени воли, съ волею Его сообразной, ибо Онъ даетъ, какъ говоритъ Св. Павелъ, *и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволенiи* (*).

И такъ вотъ что Ты еси, Боже мой, или по крайней мѣрѣ то, что Ты производишь въ своихъ творенiяхъ; ибо никто не можетъ приближиться къ Тебѣ, Источнику славы, очи наши помрачающему, дабы познать все то, что Ты еси Самъ въ Себѣ. Но не смотря на сie, Ты заставляешь меня познавать яснымъ образомъ, что Ты употребляешь самое зло и несовершенство тварей, дабы творить благо, Тобою предопредѣленное. Ты сокрываешься подъ завѣсою тягостей, дабы отяготить вѣрнаго нетерпѣливаго и къ вольности своей ревнующаго, который имѣетъ нужду быть отягощеннымъ, дабы умерѣть удовольствiю быть свободнымъ и порядочнымъ въ своихъ добрыхъ дѣлахъ. Ты, Боже мой! употребляешь языкъ злорѣчивыхъ, дабы поносить доброе имя невинныхъ, которые имѣютъ нужду присовокупить къ ихъ невинности жертвоприношенiе добраго своего имени, которое было для

(*) Къ Филипп. 2—13.

нихъ столь дорого. Ты посредствомъ худыхъ услугъ и злобныхъ тонкостей завистливыхъ разрушаешь щастіе и благоденствіе Твоихъ служителей, кои прилѣплены еще къ сему суетному благоденствію. Ты стремительно повергаешь во гробъ людей, для коихъ жизнь есть безпрерывная опасность, а смерть благодѣяніе, въ безопасность ихъ приводящее. Ты дѣлаешь изъ смерти сихъ людей врачевство, весьма горькое по истинѣ, но и весьма спасительное для тѣхъ, которые были къ нимъ привязаны слишкомъ живою и нѣжною дружбою. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же ударъ, который похищаетъ одного, дабы спасти его, отрѣшаетъ другаго и пріуготовляетъ его къ смерти, чрезъ смерть тѣхъ, кои были ему весьма любезны. Такимъ образомъ Ты, Боже мой! изливаешь по милосердію Своему горесть на все то, что не есть Ты, дабы наше сердце, устроенное къ тому, чтобы любить Тебя и жить Твоею любовію, было какъ бы принуждено возвратиться къ Тебѣ, чувствуя, что все прочее не можетъ доставить ему довольной помощи.

Сіе-то значитъ, Боже мой, что Ты еси весь любовь, и слѣдовательно совершенная ревность. О Богъ ревнитель (ибо такимъ образомъ Ты Самъ Себя именуешь)! сердце раздѣленное раздражаетъ Тебя; сердце заблуждающееся производитъ въ Тебѣ сожалѣніе. Ты безконеченъ во всемъ, какъ въ любви, такъ въ мудрости и могуществѣ. Когда Ты любишь, то любишь яко Богъ; Ты возмущаешь небо и землю для спасенія того, что Тебѣ любезно; Ты содѣлываешься человѣкомъ, младенцемъ, послѣднимъ изъ че-

ловѣковъ, насыщеннымъ поношеніями, умирающимъ въ безчестіи и горестяхъ креста: все сіе не есть много для любви, которая любитъ безконечно. Конечная любовь и ограниченная мудрость не могутъ понимать сего. Но какъ бы конечное могло понимать безконечное? — Оно не имѣетъ ни очей, дабы его видѣть, ни сердца, способнаго оное чувствовать: низкое и стѣсненное сердце человѣка и тщетная его мудрость соблазняются и не узнаютъ Бога въ сихъ чрезвычайностяхъ любви. Что до меня, то я познаю Его по характеру безконечнаго; это та любовь, которая творитъ все, и даже самое зло, которое мы терпимъ, и чрезъ сіе-то зло она пріуготовляетъ намъ истинныя блага.

Но когда мы воздадимъ любовь за любовь? Когда мы будемъ искать Того, Который насъ ищетъ, и Который содержитъ насъ въ Своей десницѣ? Въ Его-то нѣжномъ и отеческомъ лонѣ мы Его забываемъ; сладостію даровъ Его упоенные, престаемъ мыслить о Немъ; то, что Онъ даруетъ намъ въ каждое мгновеніе, вмѣсто того, чтобы смягчать насъ, забавляетъ. Онъ есть Источникъ всѣхъ удовольствій; твари суть токмо грубые-каналы оныхъ; и каналъ заставляетъ насъ считать за ничто источникъ. Сія безпредѣльная любовь преслѣдуетъ насъ повсюду — и мы не престаемъ убѣгать отъ ея преслѣдованій. Она существуетъ вездѣ — а мы ни въ какомъ мѣстѣ ее не видимъ. Мы думаемъ быть одни, когда не имѣемъ ничего, кромѣ ея; она творитъ все, и мы не надѣемся на нее ни въ чемъ: мы почитаемъ все погибшимъ въ дѣлахъ, когда не имѣемъ другой под-

поры, кромѣ ея провидѣнія, — какъ бы Любовь безконечная и всемогущая не могла ничего! О чудовищное заблужденіе! о превращеніе цѣлаго человѣка! Нѣтъ, я не хочу говорить болѣе; тварь заблуждающаяся раздражаетъ нашъ разумъ: не возможно терпѣть ее.

О Любовь! не смотря на сіе, Ты ее сносишь; Ты ожидаешь ее съ безконечною терпѣливостію, и даже показуешь Себя чрезвычайностію Твоего терпѣнія ласкающею нашей неблагодарности! Тѣ самые, кои желаютъ любить Тебя, любятъ не иначе, какъ для самихъ себя, для своего утѣшенія, или для своей безопасности. Гдѣ существуютъ тѣ, которые бы не любили ничего, кромѣ Тебя единой? Гдѣ находятся тѣ, кои любятъ Тебя для того, что они единственно на сей конецъ и созданы? Гдѣ они? Я совсѣмъ ихъ не вижу. Находятся ли они? Ежели нѣтъ, сотвори ихъ. Къ чему служитъ цѣлый міръ, ежели Тебя не любятъ, и не любятъ для того, чтобы теряться въ Тебѣ? Сего-то хотѣла Ты, производя внѣ Себя то, что не есть Ты Сама. Ты хотѣла создать существа, которыя, получая все отъ Тебя, взаимно относились бы единственно къ Тебѣ.

О Боже мой! о Любовь! люби во мнѣ Сама Себя; чрезъ сіе будешь Ты любима соразмѣрно тому, колико сего достойна. Я хочу существовать не иначе, какъ для того, чтобъ уничтожить себя предъ Тобою, подобно лампадѣ, горящей неугасимо предъ Твоими жертвенниками. Я существую совсѣмъ не для себя; токмо Ты одна существуешь для Себя Самой; ничто для меня, все для Тебя — и сіе не есть излишно:

Я ревную за Тебя противъ меня самаго. Лучше погибнуть, нежели терпѣть, чтобы моя любовь, которая должна прилѣпляться къ Тебѣ, слишкомъ обращалась на самаго меня. О Любовь! люби, люби въ Твоемъ слабомъ твореніи, люби Твою высочайшую красоту! О благость безконечная! о любовь безконечная! сожигай, снѣдай, восхищай, уничтожь мое сердце; содѣлай изъ него совершенное всесожженіе! —

~~~~~~~~~~

III.

О чистой любви.

Богъ создалъ всѣ вещи для Самаго Себя (*), какъ говоритъ Писаніе; Онъ долженствуетъ Самому Себѣ всѣмъ тѣмъ, что Онъ творитъ, и не можетъ ничего и никогда уступить изъ правъ Своихъ. Твореніе разумное и свободное не менѣе принадлежитъ Ему, какъ и тварь безъ разума и свободы. Онъ относитъ существенно и всецѣло къ Себѣ Единому все то, что находится въ твари безъ разума, и хощетъ, чтобы тварь разумная относилась такимъ же образомъ всесовершенно и безъ остатка къ Нему одному. Правда, что Онъ хощетъ нашего щастія; но сіе щастіе не есть ни главный конецъ Его творенія, ни цѣль, равная той, которая состоитъ въ Его славѣ. Для сей-то самой славы хощетъ Онъ нашего щастія; оно есть ничто иное, какъ конецъ подчиненный,

---

(*) Притч 16, 4.
~~~~~~~~~~

относимый Имъ къ послѣдней и существенной цѣли, въ славѣ Его состоящей; Онъ Самъ есть единственная и существенная цѣль Его во всѣхъ вещахъ.

Чтобы вникнуть въ сей существенный конецъ нашего сотворенія, должно предпочитать Бога намъ самимъ, и стараться хотѣть нашего блаженства для Его славы; иначе мы превратимъ Его порядокъ. Собственная польза нашего блаженства не должна быть единственною причиною, побуждающею насъ желать Его славы; но напротивъ желаніе Его славы должно заставлять насъ желать нашего блаженства, какъ вещи, которую Ему угодно относить къ Своей славѣ. Правда, что многія благочестивыя души неспособны къ столь точному предпочтенію Бога самимъ себѣ; но по крайней мѣрѣ доразумѣваемое предпочтеніе совершенно необходимо; точное же, которое гораздо совершеннѣе, возможно токмо для тѣхъ душъ, коимъ Богъ даетъ свѣтъ и силу предпочитать Его имъ самимъ такимъ образомъ, что они хотятъ своего блаженства не иначе, какъ для Его славы.

Что люди имѣютъ столько отвращенія къ сей истинѣ, и что слово сіе кажется имъ столь жестоко, сіе происходитъ отъ того, что они любятъ себя и хотятъ себя любить для собственной выгоды. Они понимаютъ вообще и поверхностно, что должно любить Бога больше, нежели всѣхъ тварей; но нисколько не разумѣютъ того, что значитъ любить Бога больше, нежели самаго себя, и любить себя не иначе, какъ для Него. Они произносятъ безъ труда сіе важное изреченіе, поелику дѣлаютъ сіе, не

постигая полнаго его смысла; но трепещутъ, когда изъясняютъ имъ, что должно предпочитать Бога и Его славу всему сотворенному и даже намъ самимъ, такимъ образомъ, чтобъ мы любили Его славу прежде нашего блаженства, и чтобъ мы относили чистосердечно одно къ другому, какъ подчиненный конецъ къ главной цѣли.

Удивительно кажется, что для людей вообще весьма трудно понимать правило столь ясное, столь справедливое и столь необходимое для твари; но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ *удержалъ себя въ самомъ себѣ*, какъ говоритъ С. Августинъ, онъ не видитъ болѣе ничего иначе, какъ въ тѣсныхъ границахъ своего самолюбія, въ коихъ онъ заключилъ себя; онъ ежеминутно теряетъ изъ виду, что онъ есть тварь, что онъ не обязанъ себѣ ни чѣмъ, поелику не принадлежитъ самому себѣ, и что онъ долженствуетъ собою безъ остатка удовольствію Того, чрезъ Коего онъ существуетъ. Скажите ему сію тягостную истину, онъ не осмѣлится ее отвергнуть; но она избѣгаетъ отъ его вниманія, и онъ всегда нечувствительно ищетъ возвратиться къ расчетамъ съ Богомъ, дабы найти въ нихъ свою выгоду.

Ссылаются на то, что Богъ далъ намъ естественную склонность ко блаженству, которое есть Онъ Самъ. Въ семъ случаѣ Онъ могъ имѣть цѣлію облегчить наше съ Нимъ соединеніе; и вложилъ въ насъ склонность къ нашему щастію, подобно какъ Онъ вложилъ въ насъ таковую же къ пищѣ, въ коей мы имѣемъ нужду для жизни; но должно тщательно различать услажденіе, которое Богъ вложилъ въ насъ при видѣ Его Са-

маго, Того, Который есть наше блаженство, съ буйною страстію, которую возмущеніе перваго человѣка поселило въ сердца наши, дабы сдѣлать насъ центромъ насъ самихъ, и дабы привести нашу любовь къ Богу въ зависимость отъ блаженства, коего мы ищемъ въ сей любви. Впрочемъ здѣсь не говорится ни о какой наклонности естественной, необходимой и несвободной. Можно ли ожидать, чтобы люди впали въ мечты, разрѣшая себя отъ того, что есть необходимо и несвободно? Сіи несвободныя желанія, кои суть менѣе желанія, нежели необходимыя побужденія, не болѣе могутъ не быть въ людяхъ, какъ и тяжесть въ камняхъ. Здѣсь вопросъ токмо о нашихъ свободныхъ и избираемыхъ дѣйствіяхъ, кои мы можемъ дѣлать, или не дѣлать. Въ отношеніи къ симъ свободнымъ дѣйствіямъ побужденіе нашего собственнаго блаженства не запрещено: Богъ хощетъ заставить насъ находить собственную нашу пользу въ нашемъ съ Нимъ соединеніи; но должно, чтобы сіе побужденіе было самомалѣйшее и наименѣе желаемое тварью; должно хотѣть славы Божіей вмѣстѣ съ нашимъ блаженствомъ, но надлежитъ хотѣть сего блаженства не иначе, какъ для того, чтобъ относить оное къ Его славѣ, какъ вещь, коей хотятъ менѣе въ сравненіи съ тою, которой хотятъ болѣе. Должно, чтобъ наша польза трогала насъ несравненно меньше, нежели Его слава. Вотъ то, что для твари, привязанной къ самой себѣ со времени грѣха, весьма трудно понимать; вотъ истина, въ сущности самой твари находящаяся, которая долженствовала бы покорить всѣ сердца, и ко-

торая напротивъ соблазняетъ ихъ, когда въ оную углубляются. Но пусть отдаютъ себѣ справедливость, и да воздадутъ оную Богу равномѣрно. Создалиль мы самихъ себя? Богу ли, или намъ самимъ мы принадлежимъ? Для насъ ли Онъ насъ создалъ, или для Себя? Кому долженствуемъ мы собою? Для собственнаго ли нашего блаженства, или для Своей славы Онъ насъ сотворилъ? Ежели для Его славы, то мы должны сообразоваться существенному порядку нашего сотворенія; должно хотѣть Его славы болѣе, нежели нашего блаженства, такимъ образомъ, чтобъ мы относили все наше блаженство къ собственной Его славѣ.

Также не спрашивается о натуральной и несвободной наклонности человѣка ко блаженству. Сколько находится въ людяхъ естественныхъ склонностей, коихъ они никогда не могутъ ни разрушить, ни уменьшить, и которымъ однако же не всегда слѣдуютъ? На примѣръ, побужденіе сохранять нашу жизнь есть одно изъ сильнѣйшихъ и весьма естественныхъ; побужденіе быть щастливымъ не можетъ быть непобѣдимѣе того, которое имѣютъ къ бытію. Блаженство есть ничто иное, какъ *лучшее бытіе*, по словамъ Св. Августина; склонность же быть щасливымъ есть слѣдствіе склонности, которую мы имѣемъ сохранять бытіе свое и жизнь. Однако же можно не слѣдовать сему побужденію въ дѣлахъ, выбору подлежащихъ. Сколько Грековъ и Римлянъ предали себя свободно на извѣстную смерть! Сколько видимъ мы такихъ, кои сами себѣ причинили оную, не смотря на сіе сильное побужденіе, въ основаніи натуры находящееся!

Еще разъ: дѣло идетъ токмо о нашихъ свободныхъ дѣйствіяхъ любви къ Богу, и о побужденіяхъ къ нашему собственному блаженству, кои могутъ входить въ оную. Мы увидимъ, что побужденіе къ собственному нашему блаженству позволительно не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ оно было наименѣе желаемое нами, и чтобъ оно было желаемо въ отношеніи къ первоначальному побужденію, котораго должно хотѣть высочайшимъ желаніемъ: я говорю о славѣ Божіей. Находятся два различные способа предпочитать Бога намъ самимъ, кои должно сравнивать между собою: первый есть любить Его вмѣстѣ и какъ совершеннаго въ Самомъ Себѣ, и какъ творящаго блаженство для насъ, такимъ образомъ, чтобъ побужденіе къ нашему блаженству, хотя не столь сильное, тѣмъ не менѣе подкрѣпляло любовь, которую мы имѣемъ къ Божественному совершенству, и чтобъ мы любили нѣсколько менѣе Бога, естьли бы Онъ не былъ Творцемъ нашего блаженства. — Второй способъ любить Бога, Коего познаемъ Творцемъ онаго и отъ Котораго надѣемся получить сіе блаженство, поелику Онъ его обѣтовалъ, такимъ образомъ, чтобъ побужденіе къ сему ожидаемому блаженству отнюдь не было причиною нашей любви къ Богу — но любить Его выше всего, для Него Самаго, по причинѣ Его совершенствъ, и любить Его даже и тогда, ежели бы Онъ (предположеніе невозможное) никогда не хотѣлъ быть Творцемъ нашего блаженства. Очевидно, что послѣдняя изъ сихъ двухъ родовъ любви, поелику она безкорыстнѣйшая, исполняетъ гораздо совершеннѣе всецѣлое и единственное отношеніе твари

къ ея концу, что она не оставляетъ ничего самой твари, что она даетъ все Единому Богу, и слѣдовательно она есть совершеннѣйшая, нежели первая, смѣшивающая наши выгоды съ пользами Божіими.

Это не значитъ, чтобы человѣкъ, который любитъ, не имѣя въ виду пользы, не любилъ награжденія; онъ любитъ его потому, что оно есть Самъ Богъ, а не потому, что составляетъ собственную его пользу; онъ его желаетъ, поелику Богу угодно, чтобы онъ желалъ его; это болѣе порядокъ, нежели собственная польза, котораго онъ въ немъ ищетъ; онъ любитъ себя, но любитъ себя не иначе, какъ изъ любви къ Богу, какъ посторонняго, и дабы любить то, что создано Богомъ.

Очевидно, что Богъ, безконечно совершенный въ Самомъ Себѣ, не довлѣетъ къ тому, чтобъ быть единою цѣлію любви того, которой имѣетъ нужду быть одушевленнымъ побужденіемъ собственнаго своего блаженства, въ Богѣ имъ находимаго. Другой не имѣетъ нужды въ семъ побужденіи; ему должно, чтобы любить то, что совершенно въ самомъ себѣ, токмо познать совершенство. Тотъ, кто имѣетъ нужду въ побужденіи ко блаженству, былъ бы не столь привязанъ къ сему побужденію, естьли бы не чувствовалъ, что его любовь была бы менѣе сильна, ежели бы у нея отняли сіе побужденіе. Больной, которой не можетъ ходить безъ палки, не можетъ согласиться, чтобъ у него ее отняли: онъ чувствуетъ свою слабость, боится упасть, и имѣетъ къ сему причину; но онъ не долженъ соблазняться, видя человѣка здороваго и крѣпкаго,

не имѣющаго нужды въ таковой помощи. Человѣкъ здоровый ходитъ гораздо свободнѣе безъ палки; но онъ не долженъ никогда презирать того, который не можетъ безъ нея обойтись. Пусть человѣкъ, которой имѣетъ еще нужду присоединять побужденіе собственнаго своего блаженства къ побужденію высочайшаго совершенства Божія, признаетъ смиренно, что въ сокровищахъ благодати Божіей находится совершенство выше его собственнаго, и пусть онъ воздаетъ славу Богу за дары, кои находятся въ другомъ, не завидуя онымъ; пусть также тотъ, который привлеченъ къ любви безкорыстной, слѣдуетъ сему влеченію; но да не судитъ ни себя, ни другихъ и не приписываетъ себѣ ничего: онъ долженъ быть готовъ вѣрить, что не находится въ томъ состояніи, въ коемъ кажется находящимся; долженъ быть покоренъ, послушенъ, недовѣрчивъ къ самому себѣ и назидаемъ всѣмъ тѣмъ, что онъ видитъ добродѣтельнаго въ своемъ ближнемъ, которой имѣетъ еще нужду въ любви, смѣшанной съ собственною пользою.

Такимъ образомъ очевидно, что любовь безъ всякаго побужденія ко блаженству есть гораздо совершеннѣе, нежели та, которая соединена съ симъ побужденіемъ.

Естьли кто-либо воображаетъ себѣ, что сія совершенная любовь невозможна, и что она есть тщетная тонкость, которая можетъ сдѣлаться источникомъ мечтательности, то я имѣю отвѣчать ему токмо слѣдующее: нѣтъ ничего невозможнаго для Бога; Онъ именуетъ Самъ Себя Богъ-ревнитель; Онъ заставляетъ

насъ странствовать въ здѣшней жизни единственно для того, чтобъ руководствовать насъ къ совершенству. Почитать сію любовь химерическою и опасною тонкостію значитъ безразсудно обвинять въ мечтательности величайшихъ Святыхъ всѣхъ вѣковъ, которые допускали таковую любовь и поставляли въ ней высочайшую степень духовной жизни.

Но ежели мой читатель отказывается еще признавать совершенство сей любви, то я прошу его отвѣчать мнѣ съ точностію на вопросы, кои я намѣренъ ему сдѣлать: Вѣчная жизнь не есть ли чистая благодать и исполненіе всѣхъ даровъ благодати? Не есть ли сіе ученіе Вѣры, что Царствіе небесное принадлежитъ намъ не иначе, какъ токмо по обѣтованію, совершенно благодатному, и по присвоенію равномѣрно благодатному же, заслугъ І. Христа? Благодѣяніе не можетъ быть менѣе благодатное, какъ и обѣтованіе, на которомъ оное основано; сіе-то мы непрестанно говоримъ нашимъ заблуждающимъ братьямъ; мы оправдываемъ себя противъ ихъ касательно термина *заслуги*, которой употребляетъ Церковь, свидѣтельствуя, что всѣ наши заслуги основываются не на строгомъ правѣ, но единственно на обѣтованіи, сдѣланномъ изъ безусловнаго милосердія. Такимъ образомъ вѣчная жизнь, которая естъ конецъ опредѣленія Божія, есть то, что находится наиболѣе благодатнаго; всѣ другія милости даются въ отношеніи къ сей. Сіе благодѣяніе, которое служитъ концемъ всѣхъ прочихъ, не основывается ни на какомъ правѣ, кромѣ обѣтованія, совершенно благодатнаго и послѣдуемаго присвоеніемъ также благо-

датнымъ заслугъ I. Христа. Само обѣтованіе, которое есть основаніе всего, утверждается единственно на чистомъ милосердіи Божіемъ и на Его благоволеніи. Въ семъ порядкѣ благодатей все очевидно приводится къ единой волѣ, верховнымъ образомъ свободной и благодатной.

Положивъ сіи несомнительныя основанія, я дѣлаю предположеніе. Я представляю, что Богъ возхотѣлъ уничтожить мою душу въ то мгновеніе, когда она отдѣлится отъ моего тѣла. Сіе предположеніе есть невозможно токмо по обѣтованію, совершенно благодатному. Богъ имѣетъ возможность исключить мою душу частнымъ образомъ изъ Своего всеобщаго обѣтованія для другихъ. Кто осмѣлится отвергнуть, что Богъ не могъ бы уничтожить оную, слѣдуя моему предположенію? Тварь, которая не существуетъ самобытно, существуетъ не иначе, какъ потому, что отрѣшенная воля Творца заставляетъ ее имѣть бытіе; дабы она не вверглась въ свое ничтожество, должно, чтобъ Творецъ возобновлялъ безпрестанно Свое твореніе, сохраняя ее посредствомъ того же могущества, которое оную создало. И такъ я предполагаю дѣло весьма возможное, поелику не предполагаю ничего, кромѣ простаго исключенія изъ правила совершенно благодатнаго и произвольнаго: я предполагаю, что Богъ, Который создалъ всѣ другія души безсмертными, окончитъ продолженіе моей въ минуту моей смерти; я предполагаю еще, что Богъ открылъ мнѣ Свое намѣреніе. Никто не осмѣлится сказать, что Богъ не можетъ сего сдѣлать.

Допустивъ сіи предположенія, весьма возможныя, не будетъ болѣе находиться для меня ни обѣтованія, ни награжденія, ни блаженства, ни надежды жизни будущей; я не могу болѣе надѣяться ни обладать Богомъ, ни зрѣть лице Его, ни вѣчно любить Его, ни быть отъ Него любимымъ за предѣлами здѣшней жизни. Я полагаю себя приближившимся къ смерти; мнѣ остается жить не болѣе одного мгновенія, за которымъ долженствуетъ слѣдовать совершенное и вѣчное пресѣченіе жизни. На что употреблю я сіе мгновеніе? Я прошу читателя отвѣчать мнѣ съ точнѣйшею опредѣленностію. Въ сію послѣднюю минуту разрѣшу ли я себя отъ любви къ Богу, не могши взирать на Него, какъ на награжденіе? Откажусь ли я отъ Него, какъ скоро Онъ не будетъ болѣе Творцемъ блаженства для меня? Предамъ ли забвенію существенный конецъ сотворенія меня? Богъ, исключая меня изъ блаженной вѣчности, которою Онъ мнѣ не долженствуетъ, могъ ли отказаться отъ того, чѣмъ Онъ долженствуетъ по необходимости Самому Себѣ? Престалъ ли Онъ производить Свое твореніе для чистой Его славы? Потерялъ ли Онъ право Творца, создавъ меня? Разрѣшилъ ли Онъ меня отъ должностей твари, которая обязана существенно всѣмъ тѣмъ, что она есть, Тому, чрезъ Коего одного она имѣетъ бытіе? Не очевидно ли, что при семъ весьма возможномъ предположеніи я долженъ любить Бога единственно для Него Самаго, не ожидая никакого награжденія моей любви, равно какъ и никакого будущаго блаженства, — и что сія послѣдняя минута моей жизни, за которою будетъ слѣ-

довать вѣчное уничтоженіе, долженствуетъ быть по необходимости исполнена дѣйствіемъ любви чистой и совершенно безкорыстной?

Но ежели тотъ, которому Богъ не даетъ ничего для вѣчности, толико долженствуетъ Богу, то чѣмъ долженствуетъ Ему тотъ, которому Онъ даетъ Самаго Себя всесовершенно безъ конца? — Я долженъ уничтожиться въ слѣдующее мгновеніе; никогда не узрю Бога; Онъ мнѣ отказываетъ въ Своемъ Царствѣ, которое даетъ другимъ; Онъ не хочетъ ни любить меня, ни быть мною вѣчно любимымъ: я обязанъ тѣмъ не менѣе, даже при послѣднемъ издыханіи, любить Его отъ всего моего сердца и всѣми моими силами; ежели я сего не исполняю, то содѣлываюсь чудовищемъ и тварію безобразною. — И ты, читатель, которому Богъ предуготовляетъ, не долженствуя Тебѣ симъ, вѣчное обладаніе Имъ Самимъ, будешь ли бояться, какъ химерическаго утонченія, сей любви, коей я долженствую дать тебѣ примѣръ? Будешь ли ты любить Бога менѣе, нежели я, поелику Онъ любитъ тебя болѣе? Послужитъ ли тебѣ награжденіе къ тому, чтобы содѣлать тебя корыстолюбивымъ въ любви твоей? Естьли бы Богъ любилъ тебя менѣе, нежели какъ Онъ дѣйствительно любитъ, то надлежало бы, чтобъ ты любилъ Его безъ всякаго побужденія выгоды. Есть ли сіе плодъ обѣтованій и крови І. Христа, чтобъ удалить людей отъ благородной и безкорыстной любви къ Богу? Онъ предлагаетъ тебѣ полное блаженство въ Немъ Самомъ, то не уже ли ты будешь любить Его токмо потолику, посколько будешь имѣть въ виду сію безконечную пользу? Царство небесное,

которое тебѣ предложено, между тѣмъ какъ я изъ онаго изключенъ, можетъ ли служить для тебя благовиднымъ предлогомъ къ тому, чтобъ не хотѣть любить Бога, не искавъ въ Немъ твоей собственной славы и твоего собственнаго щастія?

Не говори, что сіе щастіе есть Самъ Богъ. Богъ могъ бы, естьли бы Онъ сего хотѣлъ, быть не болѣе Творцемъ блаженства для тебя, какъ и для меня. Должно, чтобъ я Его любилъ, хотя бы Онъ отнюдь не былъ таковымъ для меня; почему же ты не можешь рѣшиться любить Его, не будучи подкрѣпляемъ симъ побужденіемъ, что Онъ есть Творецъ блаженства для тебя? Для чего трепещешь ты при одномъ имени сей любви, которая не дозволяетъ болѣе таковой помощи побужденія къ собственному блаженству?

Естьли бы вѣчное блаженство принадлежало намъ совершенно по праву, и естьли бы Богъ, творя человѣковъ, былъ въ отношеніи къ нимъ должникъ, обязанный вѣчною жизнію, то могли бы отвергнуть мое предположеніе; но не льзя отвергнуть оное безъ явнаго нечестія. Величайшее изъ благодѣяній, вѣчная жизнь, не была бы болѣе благодѣяніемъ; награжденіе должноствовало бы намъ независимо отъ обѣтованія; Богъ былъ бы обязанъ вѣчнымъ существованіемъ и щастіемъ Своей твари; Онъ не могъ бы болѣе пребывать безъ нея — и она содѣлалась бы для Него существомъ необходимымъ. Сіе ученіе нелѣпо. Съ другой стороны, мое предположеніе доставляетъ очевидность правамъ Бога, и показываетъ возможные случаи, въ коихъ безкорыстная любовь была бы необходима. Ежели она

не есть шакова въ случаѣ порядка, учрежденнаго посредствомъ обѣтованія благодатнаго, то сіе потому, что Богъ не признаетъ насъ достойными столь великихъ испытаніи, и потому, что Онъ довольствуется доразумѣваемымъ предпочтеніемъ Его и Его славы намъ и нашему блаженству, которое подобно сѣмени чистой любви въ сердцахъ всѣхъ праведниковъ. Наконецъ, мое предположеніе, сравнивая человѣка, готоваго быть уничтоженнымъ, съ тѣмъ, которой получилъ обѣтованіе вѣчной жизни, даетъ чувствовать, сколь любовь, смѣшанная съ пользою, есть ниже безкорыстной. —

Свидѣтельства язычниковъ.

Но въ ожиданіи того, когда Христіяне сдѣлаются способными хорошо понимать безконечныя права Бога на Его твореніе, я хочу постараться по крайней мѣрѣ побудить ихъ войти въ собственное ихъ сердце, дабы посовѣтоваться въ ономъ съ идеею того, что они называютъ дружбою.

Каждый хочетъ быть любимъ своими друзьями безъ побужденія интереса и единственно для него самаго. Ежели человѣкъ, совершенной любви недостойный, не можетъ терпѣть, чтобъ его любили для выгодъ, то какъ осмѣливаемся мы думать, что Богъ не имѣетъ таковой же разборчивости? — Люди бываютъ проницательны даже до безконечности, чтобы различить самыя тончайшія побужденія интереса, благопристойности, удовольствія, или чести, кои привязываютъ къ намъ друзей нашихъ; приходятъ въ

отчаяніе, ежели бываютъ отъ нихъ любимы токмо изъ благодарности, и еще болѣе, ежели для другихъ побужденій, гораздо оскорбительнѣйшихъ; хотятъ быть любимы изъ чистой склонности, изъ почтенія, изъ удивленія. Дружба столь ревнива и столь нѣжна, что даже одинъ атомъ, которой съ нею смѣшивается, ее ранитъ; она можетъ терпѣть въ другѣ токмо даръ простой и совершенной дружбы. Тотъ, кто любитъ, не хочетъ ничего другаго въ восторгѣ своей страсти, какъ быть любимымъ для него одного, быть любимымъ выше всего, и единственно, быть любимымъ такимъ образомъ, чтобъ для него жертвовали цѣлымъ міромъ, чтобъ забывали себя и считали себя за ничто, наконецъ быть всѣмъ для тѣхъ, кои его любятъ: такова бѣшеная ревность и вздорное неправосудіе страстной любви; — сія ревность есть ничто иное, какъ тиранство самолюбія.

Нужно токмо испытать самаго себя, дабы найти въ себѣ сіе основаніе идолослуженія; и кто не видитъ его тамо, тотъ еще не довольно знаетъ самаго себя. То, что въ насъ есть самое смѣшное и ненавистное неправосудіе, есть высочайшее правосудіе въ Богѣ. Нѣтъ ничего столь обыкновеннаго и столь постыднаго въ людяхъ, какъ ревность; но Богъ, Который не можетъ уступить славы Своея иному, Самъ Себя именуетъ Богъ - ревнитель, и Его ревность необходима для Его совершенства. И такъ познавайте, о вы, которые сіе читаете! поврежденіе вашего сердца, и да послужитъ вамъ ревность ваша къ тому, чтобы понимать безконечную разборчивость любви Божественной. Когда вы

находите сію разборчивость въ вашемъ сердцѣ въ разсужденіи дружбы, которой требуете отъ друзей вашихъ, то вы не считаете оную за химерическое утонченіе; но напротивъ, вы оскорбились бы грубостію друзей, которые не имѣли бы таковой разборчивости въ дружбѣ. Токмо одному Богу хотите вы запретить оную: вы не хотите, чтобы Онъ хотѣлъ быть любимъ такъ, какъ вы требуете, чтобъ ваши друзья васъ любили; вы не можете повѣрить, чтобы Его благодать могла доставить Ему въ сей жизни поклонниковъ, которые бы любили Его такимъ образомъ, какъ вы не стыдитесь хотѣть быть любимыми: судите сами себя, и воздайте наконецъ славу Богу. —

Я признаюсь, что мірскіе люди, имѣющіе таковую идею о чистой дружбѣ, оной не слѣдуютъ, и что всѣ ихъ привязанности безъ благодати суть ничто иное, какъ тонкостями прикрытое самолюбіе; но при всемъ томъ они имѣютъ таковую идею. Должно ли, чтобы они ее имѣли, когда дѣло идетъ токмо о любви къ низкой и поврежденной твари, и чтобъ мы одни не познавали ее, когда говорится о любви къ Богу? —

Самые язычники имѣли сіе чистое понятіе о дружбѣ, и намъ остается только читать ихъ сочиненія, дабы удивляться тому, что Христіяне не почитаютъ возможнымъ любить Бога посредствомъ Его благодати, когда язычники думали, что должно любить взаимно другъ друга, дабы заслужить имя друзей.

Послушаемъ Цицерона (de Amicitia): *быть нетерпѣливымъ въ тѣхъ вещахъ*, говоритъ

онъ, *кой сносятъ въ дружбѣ, значитъ любить себя, а не своего друга.* Онъ присовокупляетъ въ послѣдствіи, что дружба можетъ быть токмо между добрыми, то есть между тѣми, которые, слѣдуя симъ началамъ, всегда предпочитаютъ честное тому, что обыкновенно именуется полезнымъ; иначе, говоритъ онъ, ежели польза будетъ правиломъ и побужденіемъ въ дружбѣ, то наименѣе добродѣтельные, которые имѣютъ болѣе нуждъ и желаній, были бы наиспособнѣйшіе къ тому, чтобы соединяться дружбою съ другими — поелику они суть самые страстные любители всего, что для нихъ полезно.

И такъ мы думаемъ, далѣе говоритъ Цицеронъ, что должно искать дружбы не для надежды выгодъ, кои отъ нея получаютъ, поелику весь плодъ дружбы состоитъ въ самой дружбѣ. Люди корыстолюбивые не могутъ имѣть сей превосходной и весьма естественной дружбы, которая должна быть изыскиваема чрезъ себя и для себя самой; они не пользуются собственными ихъ примѣрами, дабы познать, какой степени достигаетъ ея сила: ибо каждый любитъ себя не для того, чтобы получить отъ себя какое-либо награжденіе за любовь свою, но потому, что каждый самъ по себѣ дорогъ для самаго себя. Естьли бы не прилагали сего самаго правила къ дружбѣ, то никогда бы не нашли истиннаго друга; ибо тотъ можетъ назваться истиннымъ нашимъ другомъ, который есть какъ бы другой я самъ: — но большая часть людей требуютъ несправедливо (чтобы не сказать наглымъ образомъ) друга такого, какими бы они не захотѣли быть сами, и требуютъ

отъ него того, чего сами не согласились бы ему дать.

Цицеронъ не могъ простирать далѣе безкорыстія дружбы, какъ хотѣвши, чтобъ нашъ другъ былъ намъ дорогъ для него самаго, безъ всякаго побужденія, такъ какъ мы любезны намъ самимъ безъ всякой надежды, которая бы возбуждала насъ къ сей любви. Самолюбіе есть безъ сомнѣнія въ семъ смыслѣ совершенный образецъ любви безкорыстной. Горацій, хотя Епикуреецъ, не оставилъ разсуждать о семъ началѣ соединенія друзей между собою, когда, говоря о бесѣдахъ Философскихъ, которыя занимали его въ деревнѣ, онъ пишетъ (Sermon. lib. II, Sat. 6), что изслѣдовали, богатствами ли, или добродѣтелію люди бываютъ щастливы? Собственная ли польза, или совершенство въ самомъ себѣ есть побужденіе къ дружбѣ:

. . . . Utrumne
Divitiis homines, an sint virtute beati?
Quidue ad amicitias usus rectumve trahat nos?

Вотъ какъ думали язычники, и язычники Епикурейцы, о дружбѣ къ тварямъ, недостойнымъ быть любимыми. По сей-то идеѣ чистой дружбы Теологи различаютъ въ отношеніи къ Богу любовь, которую они именуютъ дружбою, отъ другихъ видовъ любви, и друзей Божіихъ отъ Его служителей.

Сія столь чистая идея дружбы находится (какъ мы сіе видѣли) не въ одномъ только Цицеронѣ; онъ почерпнулъ ее изъ ученія Сократа, объясненнаго въ книгахъ Платоновыхъ. — Сіи два великіе Философы, изъ коихъ одинъ описываетъ разговоры другаго въ своихъ разговорахъ,

хотѣли, чтобъ люди прилѣплялись къ тому, что называется *прекрасное* и *доброе*, то есть совершенное, посредствомъ одной любви къ прекрасному, доброму, истинному, совершенному въ самомъ себѣ. Для сего-то часто они говорили, что не должно считать за ничто того, что дѣлается, то есть *существа преходящаго*, дабы соединиться съ тѣмъ, что есть, то-есть *существомъ совершеннымъ и непремѣняемымъ*, которое они называли, *то, что есть*. Отъ сего происходитъ, что Цицеронъ, который токмо повторялъ ихъ правила, говоритъ (de Officiis), что *естьли бы мы могли видѣть собственными нашими глазами красоту добродѣтели, то были бы возхищены любовію, превосходствомъ оныя въ насъ произведенною.*

Платонъ заставляетъ говорить Сократа въ своемъ Ужинѣ, что *находится нѣчто болѣе Божественнаго въ томъ, который любитъ, нежели въ томъ, который любимъ.* Вотъ совершенная тонкость чистѣйшей любви. Тотъ, кто любимъ и хочетъ быть любимымъ, занимается собою; тотъ, который любитъ, не думая о томъ, чтобъ быть любимымъ, имѣетъ въ себѣ то, что въ любви находится Божественнѣйшаго: я хочу сказать, восторгъ, забвеніе себя, безкорыстіе. — Прекрасное, говоритъ сей Философъ, не состоитъ ни въ какой изъ частныхъ вещей, каковы суть животныя, земля, или небо; оно существуетъ само чрезъ себя, будучи всегда единообразно съ собою. Всѣ другія красивыя вещи заимствуютъ отъ сего прекраснаго такимъ образомъ, что ежели онѣ родят-

ся, или погибаютъ, то не отнимаютъ отъ него и не прибавляютъ къ нему ничего, и оно не терпитъ отъ сего никакой потери. И такъ, ежели кто возвышается въ доброй дружбѣ, то начинаетъ видѣть прекрасное, и почти касается границъ онаго.

Довольно сего къ тому, дабы видѣть, что Платонъ говоритъ о любви къ прекрасному въ самомъ себѣ, безъ всякаго обращенія къ пользѣ. Это есть та всемірная красота, которая восхищаетъ сердца и приводитъ въ забвеніе всякую частную красоту. Сей Философъ увѣряетъ въ томъ же разговорѣ, что любовь боготворитъ человѣка, дѣлаетъ его вдохновеннымъ, и что она восторгаетъ его. Нѣтъ ни одного человѣка, говоритъ онъ, которой былъ бы столько худъ, чтобы любовь не сдѣлала его Богомъ посредствомъ добродѣтели, и чтобы онъ такимъ образомъ не сдѣлался подобнымъ прекрасному по натурѣ; вдохновеніе, которое Гомеръ приписываетъ своимъ Героямъ, есть то самое, что любовь даетъ любящимъ, ею одушевленнымъ: токмо тѣ одни, которые любятъ, хотятъ умереть за другаго. Далѣе Платонъ приводитъ примѣръ Алцесты, умершей для спасенія жизни своего супруга. Вотъ что, говоритъ Платонъ, дѣлаетъ человѣка Богомъ, то есть, предпочитать изъ любви другаго самому себѣ, даже до того, чтобы забывать себя, жертвовать за него собою, считать себя за ничто. Слѣдуя ему, сія любовь есть Божественное вдохновеніе; она есть неизмѣняемая красота, которая похищаетъ человѣка отъ самаго человѣка, и содѣлываетъ его подобнымъ себѣ посредствомъ добродѣтели.

Такова была идея дружбы у язычниковъ. Дамонъ и Пиѳій при Діонисіѣ Тиранѣ хотѣли умереть одинъ за другаго — и удивленный Тиранъ воздыхалъ, видя сихъ двухъ друзей, толико безкорыстныхъ. Сія идея совершеннаго безкорыстія царствовала въ политикѣ всѣхъ древнихъ законодателей; должно было предпочитать себѣ законы, отечество, поелику правосудіе сего требовало; должно было предпочитать себѣ то, что называется прекраснымъ, добрымъ, совершеннымъ. Это есть тотъ порядокъ, къ которому почитали себя обязанными относить все, и самаго себя столько же, какъ и все прочее. Не предполагали того, чтобы содѣлаться щастливыми, сообразуясь сему порядку; напротивъ того, долженствовало изъ любви къ оному жертвовать ему собою, и погибнуть, не оставляя себѣ никакой другой помощи. Такимъ образомъ Сократъ въ Критонѣ Платоновомъ желаетъ лучше умереть, нежели спастися бѣгствомъ; изъ страха преслушать законы, которые удерживали его въ тюрьмѣ; тотъ же Сократъ въ разговорѣ, названномъ Горгіасъ, описываетъ человѣка, которой самъ обвиняетъ самаго себя, и которой лучше избираетъ предать себя на смерть, нежели посредствомъ молчанія избѣжать строгости законовъ и власти правительства. Всѣ Законодатели и всѣ Философы, которые разсуждали о законахъ, полагали за основное начало общежитія, что должно общество предпочитать самому себѣ, не изъ надежды получить отъ сего какую-либо выгоду, но по единой безкорыстной любви къ порядку, который есть красота, правосудіе и самая добродѣтель. Для сей-то идеи

порядка и правосудія должно было умереть, то есть, слѣдуя язычникамъ, потерять все то, что люди имѣютъ дѣйствительнаго, содѣлаться по смерти тщетною тѣнью, и даже не знать того заподлинно, не есть ли тѣнь сія смѣшная басня Поетовъ. Откажутся ли Христіяне дать столько же Богу, безконечно совершенному, Коего они знаютъ, сколько сіи язычники почитали себя обязанными дать отвлеченной и смѣшанной идеѣ порядка, правосудія и добродѣтели?

Платонъ часто говоритъ, что любовь къ добру составляетъ все благо человѣка; что человѣкъ не можетъ быть щастливъ самъ въ себѣ, и что то, что находится Божественнѣйшаго для него, есть — выходить изъ себя посредствомъ любви: и дѣйствительно, удовольствіе, которое испытываютъ въ восторгѣ страстей, есть ничто иное, какъ дѣйствіе склонности души выступать изъ своихъ тѣсныхъ предѣловъ, и любить внѣ себя безконечную Красоту. Когда сей восторгъ ограничивается красотою преходящею и обманчивою, которая отблескиваетъ въ тваряхъ, — то это есть Божественная любовь, которая заблуждается и находится не на своемъ мѣстѣ; это черта Божественная въ самой себѣ, но которая проведена неправильно: то, что есть Божественно въ себѣ, дѣлается мечтою и глупостію, когда оное относится къ тщетному образу совершеннаго блага, такому, каковъ есть существо созданное, которое есть ничто иное, какъ тѣнь Верховнаго Существа; наконецъ, сія любовь, которая предпочитаетъ безконечное совершенство себѣ, есть движеніе Божественное и вдохновенное, какъ говоритъ Платонъ. Сіе вне-

частлѣніе дано человѣку съ самаго начала его жизни. Его совершенство столь неразрывно соединено съ тѣмъ, чтобъ выходить изъ себя посредствомъ любви, что онъ ищетъ безпрестанно увѣрить себя и другихъ, что онъ любитъ, не обращаясь къ самому себѣ, друзей, съ которыми онъ соединенъ. Сія идея столь сильна, что, не смотря на самолюбіе, стыдятся признать, что не любятъ никого, не примѣшивая къ сему какого-либо корыстолюбиваго побужденія. Единственно для того различаютъ столь тщательно всѣ самолюбивыя побужденія въ дружбѣ, дабы избавиться отъ стыда показаться ищущими въ другихъ самихъ себя. Нѣтъ ничего столь ненавистнаго, какъ идея о человѣкѣ, всегда занимающемся самимъ собою; и ничто напротивъ столько не прельщаетъ насъ, какъ извѣстные благородные поступки, кои увѣряютъ міръ и насъ самихъ, что мы сдѣлали добро изъ любви ко благу въ самомъ себѣ, не искавъ себя при томъ. Даже самолюбіе воздаетъ честь сей безкорыстной добродѣтели посредствомъ тонкостей, съ коими оно тщится принять ея наружность: толико-то справедливо, что человѣкъ, которой не существуетъ самобытно, созданъ не для того, чтобы искать во всемъ самаго себя, но чтобы принадлежать единственно Тому, Который его сотворилъ! Его слава и его совершенство состоятъ въ томъ, чтобы выдти изъ себя, забыть себя, и погрузиться въ простой любви Красоты безконечной.

Сія мысль ужасаетъ человѣка, влюбленнаго въ самаго себя и привыкшаго поставлять себя центромъ всего. Она одна довольна къ тому,

чтобы заставить дрожать самолюбіе и возмутить тайную и сердечную гордость, которая относитЪ всегда кЪ себѣ нечувствительно конецЪ, кЪ которому мы должны относить самихЪ себя.

Но сія идея, которая насЪ удивляетЪ, есть основаніе всякой дружбы и всякаго правосудія. Мы не можемЪ ни согласить сЪ оною самолюбія, ни отвергнуть ее; она есть то, что находится *Божественнѣйшаго* вЪ насЪ; не возможно сказать, что сія мысль есть токмо мечта воображенія. Когда люди изобрѣтаютЪ химеры, то изобрѣтаютЪ ихЪ для удовольствія, или дабы ласкать самимЪ себѣ. НѣтЪ ничего менѣе натуральнаго вЪ человѣкѣ несправедливомЪ, суетномЪ и упоенномЪ гордостію, какЪ мыслить такимЪ образомЪ противЪ своего самолюбія. Не токмо практика сей мысли есть чудо добродѣтели, но даже и сама она есть чудо, коему мы должны удивляться, находя оное вЪ самихЪ себѣ. Ничто другое, кромѣ начала, безконечно насЪ превосходящаго, не могло бы научить насЪ возвышаться столь совершеннымЪ образомЪ превыше насЪ самихЪ. Кто можетЪ дать человѣку, зараженному самолюбіемЪ и идолослуженіемЪ самому себѣ, сію высокую мысль почитать себя за ничто, дѣлаться чуждымЪ самому себѣ, любить себя токмо изЪ любви благочестія, какЪ ближняго? Кто ТотЪ, Который могЪ научить его быть ревнивымЪ кЪ себѣ противЪ самаго себя для другаго предмета невидимаго, которой долженствуетЪ навсегда изгладить *я*, и не оставить ни одного слѣда онаго? — Одна токмо сія идея дѣлаетЪ

человѣка *Божественнымъ*, *вдохновеннымъ*, *и влагаетъ въ него безконечное.*

Я признаюсь, что язычники, которые толико выхваляли безкорыстную добродѣтель, худо исполняли оную. Никто не можетъ вѣрить болѣе меня, что всякая любовь безъ благодати и внѣ Бога есть ничто иное, какъ утонченное самолюбіе. Нѣтъ никого, кромѣ Существа безконечно совершеннаго, кто бы могъ какъ предметъ, помощію Своего безконечнаго совершенства, и какъ причина, помощію Своего безконечнаго могущества, извести насъ изъ самихъ себя, и заставить насъ предпочитать то, что не есть мы, нашему собственному существу. Я признаюсь, что самолюбіе тщетно прославляло себя наружностію чистой любви у язычниковъ, и однакожъ оно тщеславилось таковою наружностію; даже тѣ самые, коими гордость владычествовала наиболѣе, были восхищены сею прекрасною идеею добродѣтели и дружбы безкорыстной; она была напечатлѣна во внутренности ихъ сердца, и не могли ни изгладить, ни помрачить оную; не могли ни слѣдовать ей, ни отвергнуть. Будутъ ли противорѣчить ей Христіяне, и не уже ли они не удовольствуются, подобно язычникамъ, удивляться ей, не слѣдуя вѣрнымъ образомъ? Самое тщеславіе язычниковъ сею добродѣтелію показываетъ, сколь она есть превосходна. На примѣръ, похвала, которую цѣлая древность приписываетъ Алцестѣ, была бы смѣшна и неумѣстна, естьли бы дѣйствительно умереть для своего супруга не было прекрасное и добродѣтельное дѣло; безъ сего основнаго начала поступокъ ея былъ бы чрезвычайное бѣшен-

ство, или ужасное отчаяніе. Языческая древность почитала сіе совсѣмъ иначе; она говоритъ съ Платономъ, что забыть себя для того, кого любятъ, есть то, что находится Божественнѣйшаго въ человѣкѣ.

Алцестѣ удивляются потому, что она хотѣла умереть, и не быть болѣе ничѣмъ, какъ токмо тщетною тѣнью, дабы заставить жить того, котораго она любила. Сіе забвеніе себя, сіе всецѣлое жертвоприношеніе своего бытія, сія потеря навсегда всего самаго себя есть въ глазахъ всѣхъ язычниковъ то, что находится Божественнѣйшаго въ человѣкѣ, то, что содѣлываетъ его Богомъ, то, что приводитъ его почти къ границамъ совершенства.

Вотъ идея чистой добродѣтели и дружбы, напечатлѣнная въ сердцѣ людей, которые никогда не знали Творца, коихъ ослѣпляло *самолюбіе и которые чужды были жизни изъ Бога.*

IV.

О молитвѣ, и о главныхъ упражненіяхъ благочестія.

1. Превосходная молитва есть ничто другое, какъ любовь къ Богу. Превосходство ея не состоитъ во множествѣ словъ, кои мы произносимъ (*), поелику Богъ знаетъ, не имѣя нужды въ словахъ, глубину нашихъ чувствованій.

(*) Матф. 6, 7.

И такъ истинное прошеніе есть сердечное, а сердце проситъ не иначе, какъ посредствомъ своихъ желаній. Слѣдовательно *молить* значитъ желать, но желать того, чего Богъ хощетъ, чтобъ мы желали. Тотъ, кто не желаетъ изъ глубины сердца, приноситъ ложную молитву. Хотя бы проводили цѣлые дни, говоря молитвы, или размышляя, или возбуждая въ себѣ благочестивыя чувствованія, но не молились бы дѣйствительно, естьли бы не желали того, чего просятъ.

II. О, сколь мало людей, которые молятся! ибо гдѣ существуютъ тѣ, которые желаютъ истинныхъ благъ? Сіи блага суть кресты внѣшніе и внутренніе, смиреніе, отреченіе отъ своей собственной воли, смерть самаго себя, Царствіе Божіе на развалинахъ самолюбія; не желать сихъ вещей значитъ совсѣмъ не молиться; дабы молиться, должно желать ихъ основательно, дѣйствительно, постояннымъ образомъ и въ отношеніи ко всѣмъ подробностямъ жизни; иначе молитва будетъ ничто иное, какъ мечта, подобная прекрасному сну, въ коемъ нещастный увеселяется, думая обладать щастіемъ, которое весьма далеко отъ него находится. Увы! сколько душъ, исполненныхъ самими собою и воображаемымъ желаніемъ совершенства среди всѣхъ ихъ произвольныхъ несовершенствъ, которыя никогда не молились сею истинною молитвою сердца! Вотъ начало, слѣдуя которому, Св. Августинъ говоритъ: *Кто любитъ мало, проситъ мало; кто любитъ много, проситъ много.*

III. Но напротивъ, молятся непрестанно, ежели непрестанно имѣютъ истинную любовь и

истинное желаніе въ сердцѣ. Любовь, сокрытая во глубинѣ души, молитъ безпрерывно, даже тогда, когда разумъ не можетъ имѣть къ сему дѣйствительнаго вниманія; Богъ не престаетъ взирать въ сей душѣ на желаніе, которое Онъ производитъ въ ней, и котораго она сама не примѣчаетъ. Сіе желаніе трогаетъ сердце Божіе; это есть тайный гласъ, который привлекаетъ безпрерывно Его милосердіе; это есть тотъ Духъ, Который, по словамъ Апостола Павла (*), молится въ насъ воздыханіями неизглаголанными; Онъ вспомоществуетъ нашей слабости.

IV. Сія любовь побуждаетъ Бога даровать намъ то, чего намъ недостаетъ, и имѣть менѣе вниманія къ нашей бренности, нежели къ чистосердечности нашихъ намѣреній. Любовь изглаждаетъ даже наши легкія ошибки, и очищаетъ насъ, какъ огонь пожирающій; она требуетъ (**) въ насъ и для насъ того, что есть по Богѣ. Ибо, не зная основательно, чего должно просить, мы просимъ часто того, что было бы намъ вредно: мы просимъ извѣстной ревности ко благочестію, и видимыхъ, или кажущихся совершенствъ, кои служили бы токмо къ тому, чтобы питать естественную жизнь и надежду на собственныя наши силы; вмѣсто чего любовь сія, руководствуя насъ, располагая ко всѣмъ дѣйствіямъ благодати и поставляя насъ въ состояніе самопреданности касательно

(*) Къ Римл. 8, 26.
(**) Тамъ же ст. 27.

всего того, что Богъ восхощетъ въ насъ содѣлать, пріуготовляетъ насъ ко всѣмъ тайнымъ намѣреніямъ Божества.

V. Тогда мы хотимъ всего, и не хотимъ ничего. То, что Богъ хощетъ намъ дать, есть точно то, чего мы желаемъ, поелику мы хотимъ всего того, чего Онъ хощетъ, и не хотимъ ничего другаго. Такимъ образомъ сіе состояніе содержитъ въ себѣ всякую молитву. Это есть дѣйствіе сердца, которое обнимаетъ всякое желаніе. Духъ проситъ въ насъ того, что Самъ же Духъ хощетъ намъ дать. Даже тогда, когда мы заняты бываемъ совнѣ, и когда обязанности, Провидѣніемъ на насъ возлагаемыя, заставляютъ насъ чувствовать неизбѣжное разсѣяніе, мы носимъ внутри насъ огнь, который никогда не угасаетъ, и который напротивъ питаетъ тайную молитву, подобно лампадѣ, безпрерывно предъ престоломъ Божіимъ горящей. Естьли мы спимъ, сердце наше бодрствуетъ. — Блаженны тѣ, коихъ Господь найдетъ бдящими (*)!

VI. Дабы сохранить сей духъ молитвы, который долженствуетъ соединить насъ съ Богомъ, нужно исполнять два главныя правила: первое, питать его; второе, убѣгать всего того, что могло бы заставить насъ его потерять.

То, что можетъ питать въ насъ духъ сей, есть порядочное чтеніе, молитва, совершаемая въ извѣстныя времена, ежедневное вхожденіе въ самаго себя, многократно повторяемое, уединеніе, когда чувствуемъ, что имѣемъ

(*) Луки 12, 37.

въ ономъ нужду, и когда оное одобрено опытными людьми, съ коими мы совѣтуемся; наконецъ употребленіе таинствъ, соразмѣрное состоянію духа молитвы.

То, что можетъ заставить лишиться онаго, должно исполнить насъ боязнію и содержать въ точной предосторожности. Такимъ образомъ должно убѣгать свѣтскихъ собраній, которыя слишкомъ развлекаютъ, увеселеній, страсти возбуждающихъ, и всего того, что возобновляетъ склонность къ міру, и прежнія привычки, бывшія для насъ пагубными.

Подробности сихъ двухъ предметовъ безконечны, и не возможно здѣсь означить ихъ иначе, какъ токмо вообще; ибо каждый человѣкъ имѣетъ свои частныя нужды.

VII. Дабы питать въ себѣ духъ молитвы, должно избирать чтеніе, которое объясняло бы намъ наши должности и наши недостатки, и которое, показуя намъ величество Божіе, научало бы насъ тому, чѣмъ мы Ему долженствуемъ, и открывало намъ, сколь мы неспособны къ точному сего исполненію; ибо здѣсь не требуется чтеніе безплодное, при которомъ бы сердце наше содѣлывалось чувствительнымъ, какъ при трогательномъ зрѣлищѣ: должно, чтобы (*) древо приносило плоды, — и невозможно повѣрить, чтобы корень былъ живъ, ежели онъ не оказываетъ сего посредствомъ своей плодотворности.

(*) Матф. 7, 17.

VIII. Первое дѣйствіе искренней любви есть желаніе познать все то, что она должна дѣлать, дабы удовольствовать Возлюбленнаго нашего сердца; поступать иначе, значитъ любить самаго себя подъ видомъ любви къ Богу; есть искать въ Немъ суетнаго и обманчиваго утѣшенія; хотѣть, чтобы Самъ Богъ служилъ къ нашему собственному удовольствію, а не посвятить оное Его славѣ. Да не будетъ угодно Богу, чтобы Его чада любили Его такимъ образомъ! Чего бы то ни стоило, должно познавать и исполнять безусловно все то, чего Онъ отъ насъ требуетъ.

IX. Что касается до времени молитвы, то должно располагать оное по досугу, по состоянію, расположенію и влеченію каждаго человѣка.

Размышленіе не есть молитва, но существенное основаніе оной; оно служитъ намъ къ тому, чтобы исполнить насъ истинами, Богомъ намъ откровенными. И такъ должно знать основательно не токмо всѣ таинства І. Христа и истины Его Евангелія, но и все то, что сіи истины должны напечатлѣть собственно въ насъ для нашего возрожденія; оныя должны проницать насъ на долгое время, какъ краска проникаетъ матерію, которую хотятъ красить.

X. Должно, чтобы сіи истины сдѣлались къ намъ весьма близкими, такъ, чтобы по привычкѣ видѣть ихъ ежечасно, мы были пріучены не судить ни о чемъ иначе, какъ токмо посредствомъ ихъ, чтобъ они были единственнымъ нашимъ свѣтомъ въ сужденіи на самомъ дѣлѣ, какъ лучи солнца суть единственный нашъ свѣтъ для того, дабы замѣчать фигуру и цвѣтъ всѣхъ тѣлъ.

Когда сіи истины суть, такъ сказать, впечатлѣны въ насъ, тогда наша молитва начинаетъ быть дѣйствительною и плодоносною; до сего она была ничто иное, какъ тѣнь молитвы: мы думали видѣть основательно истины Религіи, и касались токмо грубой ихъ поверхности. Всѣ наши нѣжнѣйшія и живѣйшія чувствованія, всѣ наши самыя твердыя рѣшенія, всѣ наши яснѣйшія и подробнѣйшія познанія были еще ничто иное, какъ низкой и безобразный зародышъ того, что Богъ открываетъ въ насъ самихъ.

XI. Когда Его свѣтъ Божественный начинаетъ просвѣщать насъ, тогда мы видимъ въ истинномъ свѣтѣ; тогда не будетъ находиться ни одной истины, которой бы мы тотчасъ не покорились, подобно, какъ не имѣемъ нужды разсуждать, дабы признать ясность солнца, съ той минуты, когда оно восходитъ и поражаетъ наши очи. И такъ должно, чтобъ наше соединеніе съ Богомъ въ молитвѣ было плодъ нашей вѣрности, съ коею мы слѣдуемъ всѣмъ Его хотѣніямъ. Посредствомъ сего-то можно судить о нашей любви къ Нему.

XII. Должно, чтобъ размышленіе содѣлывалось ежедневно болѣе и болѣе глубокимъ и внутреннимъ; я говорю *глубокимъ*, поелику, когда размышляемъ со смиреніемъ о сихъ истинахъ, то вникаемъ въ нихъ часъ отъ часу глубже, дабы открыть въ нихъ новыя сокровища; — я прибавляю *внутреннимъ*, поелику, какъ мы углубляемся болѣе и болѣе, дабы войти въ сіи истины, оныя также болѣе и болѣе углубляются, дабы проникнуть даже въ существо нашей души. — Тогда одно слово, совершенно простое,

проницаетъ гораздо далѣе, нежели цѣлые разговоры.

XIII. Мы должны не преставать никогда питаться извѣстными истинами, которыми были однажды тронуты, пока въ нихъ остается еще нѣкоторой сокъ для насъ, и покамѣстъ они могутъ еще что-либо дать намъ: это есть извѣстный признакъ, что мы имѣемъ нужду получать отъ нихъ. Онѣ питаютъ насъ даже безъ всякаго точнаго и подробнаго наставленія; это есть что-то такое, которое дѣйствуетъ болѣе, нежели всѣ умствованія. Мы видимъ истину, любимъ ее, полагаемся на нее; она укрѣпляетъ сердце, отрѣшаетъ насъ отъ насъ самихъ; должно пребывать при ней совершенно въ покоѣ столь долгое время, сколь сіе возможно.

XIV. Способъ размышлять не долженъ быть ни утонченъ, ни наполненъ великими умствованіями; нужны токмо размышленія простыя, естественныя, извлеченныя непосредственно изъ предмета, о которомъ размышляютъ.

Должно размышлять о немногихъ истинахъ и разсматривать ихъ на досугѣ, безъ усилій, и не изыскивая чрезвычайныхъ мыслей.

Надлежитъ разсматривать каждую истину не иначе, какъ въ отношеніи къ практикѣ. Изучаться истинѣ, не принимая всѣхъ нужныхъ мѣръ къ тому, дабы вѣрно оной слѣдовать, значитъ хотѣть *удержать истину въ неправдѣ*, какъ говоритъ Св. Павелъ (*); значитъ

(*) Къ Римл. 1, 18.

противиться сей истинѣ, напечатлѣнной въ насъ — и слѣдовательно (*) Самому Св. Духу. Это есть ужаснѣйшая изъ невѣрностей.

XV. Что касается до метода молитвы, то его должно сдѣлать зависящимъ отъ чувствованій, которыя послѣ оныя имѣютъ. Тѣ, для которыхъ полезенъ точный методъ, не должны отъ онаго удаляться; тѣ, которые не могутъ подчинить себя ему, должны уважать то, что служитъ къ пользѣ толикаго числа другихъ, и что столь многіе благочестивые люди толико выхваляли. Наконецъ, какъ методы сдѣланы для того, чтобы вспомоществовать, а не для того, чтобы приводить въ замѣшательство, то, когда они вмѣсто перваго производятъ послѣднее, должно ихъ оставить.

XVI. Самое натуральное дѣло для начинающихъ есть взять книгу, которую оставляютъ, какъ скоро чувствуютъ себя обращенными къ самимъ себѣ какимъ-либо читаннымъ мѣстомъ оныя, и которую берутъ опять, когда сіе мѣсто не можетъ болѣе ничего дать намъ къ тому, чтобы питаться внутренно. Вообще извѣстно, что истины, которыя мы чувствуемъ наиболѣе, и которыя даютъ намъ нѣкоторый практическій свѣтъ касательно тѣхъ вещей, кои мы должны посвящать Богу, суть тѣ, въ коихъ Богъ показуетъ намъ стезю благодати, по которой должно шествовать, не останавливаясь. — Духъ (**)

(*) Дѣянія 7, 5.
(**) Іоан. 3, 8.

идѣже хощетъ, дышетъ; а идѣже духъ Господень, ту и свобода (*).

Въ послѣдствіи уменьшаютъ мало помалу размышленія и умствованія; трогательныя чувствованія, познанія удовлетворительныя и желанія умножаются: это значитъ, что довольно наставлены и убѣждены Духомъ. Сердце вкушаетъ, питается, разгорячается, воспламеняется; нужно не болѣе одного слова, дабы занимать его долгое время.

XVII. Наконецъ молитва идетъ всегда возрастая, посредствомъ познаній наиболѣе простыхъ и твердыхъ, такъ, что не бываетъ болѣе нужды въ великомъ множествѣ предметовъ и разсужденій. Обращаются съ Богомъ, какъ съ другомъ. Сначала имѣютъ тысячу вещей сказать своему другу, и о тысячѣ спросить его; но въ послѣдствіи времени сіи подробности обращенія изчерпываются, однако же не такимъ образомъ, чтобы удовольствіе сообщенія могло изчезнуть. Все уже сказано; но не говоря, имѣютъ удовольствіе быть вмѣстѣ, видѣться, чувствовать, что находятся близко другъ къ другу, и покоиться, вкушая сладость чистой дружбы. Не говорятъ между собою; но въ семъ молчаніи взаимно другъ друга разумѣютъ; знаютъ, что во всемъ согласны, и что два сердца составляютъ въ нихъ токмо одно: одно безпрерывно изливается въ другое.

XVIII. Такимъ-то образомъ въ молитвѣ обращеніе съ Богомъ переходитъ къ простому и

(*) II къ Кор. 3, 17.

дружественному соединенію, которое превышаетъ всякое описаніе. Но надлежитъ, чтобы Самъ Богъ произвелъ въ насъ сей видъ молитвы, — и нѣтъ ничего столь безразсуднаго и опаснаго, какъ осмѣлиться входить въ оную самому собою. Должно позволить руководствовать себя шагъ за шагомъ какой-либо особѣ, которая знаетъ пути Божіи, и которая умерщвленіе самой себя поставила себѣ за непремѣнное правило во всемъ томъ, что относится до нравовъ.

XIX. Въ разсужденіи уединеній и учащенія таинствъ должно учреждать себя по мнѣнію людей, къ коимъ мы имѣемъ довѣренность; должно обращать вниманіе на свои нужды, на дѣйствіе, которое причащеніе производитъ въ насъ, и на множество другихъ обстоятельствъ, собственныхъ каждому лицу.

XX. Уединенія зависятъ отъ свободнаго времени и нужды, которую въ нихъ имѣютъ. Я говорю отъ *нужды*, поелику должно, чтобъ душа имѣла нужду въ пищѣ, также какъ и тѣло; когда не можемъ сносить работы безъ нѣкоторой пищи, то надлежитъ подкрѣплять себя оною: иначе же подвергнемся разслабленію. Я прибавляю отъ *досуга*, потому что, исключая сію необходимую нужду въ пищѣ, надлежитъ болѣе стараться исполнять свои должности, нежели слѣдовать своей ревности ко благочестію. Человѣкъ, которой обязанъ собою обществу, и которой употреблялъ бы время, опредѣленное для исполненія его должностей на то, чтобы размышлять въ уединеніи, измѣнялъ бы Богу, воображая, что соединяется съ Нимъ. Истинное соединеніе съ Богомъ состоитъ въ томъ, чтобы

исполнять Его волю безъ послабленія, не смотря на все естественное отвращеніе во всѣхъ должностяхъ своего состоянія, сколь бы оныя ни были скучны и затруднительны.

XXI. Предосторожности противъ разсѣянія суть вообще: убѣгать равномѣрно какъ всякаго долговременнаго обращенія, такъ и довѣренности къ людямъ, кои держатся правилъ, противныхъ благочестію, и особенно, ежели сіи заразительныя правила уже нѣкогда насъ соблазнили. Они откроютъ вновь еще удобнѣе наши раны; они имѣютъ даже тайное согласіе во глубинѣ нашего сердца, которое есть совѣтникъ пріятный и ласкающій, готовый всегда ослѣпить насъ и измѣнять намъ.

XXII. Хотите ли вы, говоритъ Св. Духъ, судить о человѣкѣ? Наблюдайте, каковы суть друзья его (*). Какимъ образомъ тотъ, кто любитъ Бога, и не хочетъ болѣе ничего любить иначе, какъ для Него, можетъ имѣть искренними друзьями людей, которые не любятъ и не знаютъ Бога, и которые смотрятъ на любовь къ Нему, какъ на слабость? Сердце, Богомъ исполненное и собственную свою тлѣнность чувствующее, можетъ ли когда нибудь быть спокойно и довольно съ людьми, которые не мыслятъ ни о чемъ съ нимъ одинаково, и которые всякую минуту въ состояніи похитить все его сокровище? Склонность къ таковымъ людямъ совсѣмъ несовмѣстна съ тѣми склонностями, кои производитъ въ насъ Религія.

(*) Притч. 13, 20

XXIII. Я весьма знаю, что невозможно и не надлежитъ прерывать знакомства съ нѣкоторыми друзьями, съ коими мы соединены уваженіемъ къ ихъ добрымъ натуральнымъ качествамъ, посредствомъ ихъ услугъ, связью искренней дружбы, или наконецъ благоприличіемъ честнаго сообщества. Мы оскорбляемъ весьма живо и опаснымъ образомъ друзей, у коихъ отнимаемъ совершенно извѣстную короткость и довѣренность, которою они обладали; но не прерывая оныхъ вдругъ и не открывая своего охлажденія, можно найти тихіе и нечувствительные способы умѣрить таковое обращеніе. Съ ними видятся особенно; различаютъ ихъ отъ полудрузей, или пріятелей; открываютъ имъ свое сердце въ дѣлахъ, въ коихъ честность и дружба довольны къ тому, чтобы привести ихъ въ состояніе дать благоразумные совѣты, и мыслить одинаково съ нами, хотя мы думаемъ о тѣхъ же вещахъ по чистѣйшимъ и возвышеннѣйшимъ побужденіямъ; наконецъ, имъ служатъ съ попечительностью сердечной дружбы, не предавая однакоже всего своего сердца.

XXIV. Безъ сей предосторожности все подвержено опасностямъ — и ежели съ самаго начала не предпринимаютъ рѣшительнымъ образомъ содѣлаться въ своемъ благочестіи свободными и независимыми отъ сихъ свѣтскихъ друзей — то сіе благочестіе угрожается близкимъ разрушеніемъ. Ежели человѣкъ, котораго таковые друзья держатъ, такъ сказать, въ осадѣ; не имѣетъ постояннаго характера, и ежели его страсти легко возпламеняются, то извѣстно, что сіи друзья, даже самые искренніе, вновь

увлекутъ его. Пусть они будутъ добры, честны, исполнены вѣрности и всего того, что дѣлаетъ дружбу совершенною; нѣтъ нужды: они заразительны для него; чѣмъ болѣе они любезны, тѣмъ болѣе должно ихъ бояться. Что касается до тѣхъ, которые не имѣютъ столь почтенныхъ качествъ, то ихъ должно оставить, и весьма щастливы будемъ, естьли таковое жертвоприношеніе, которое должно столь мало для насъ стоить, сохранитъ намъ безопасность, столь драгоцѣнную для нашего вѣчнаго спасенія.

XXV. И такъ сверхъ того, что должно избирать съ великимъ тщаніемъ людей, съ коими мы видимся, надлежитъ еще оставлять себѣ нужное время для того, чтобы не видѣть никого кромѣ Бога въ молитвѣ. Люди, которые занимаютъ значительныя мѣста въ обществѣ, имѣютъ столько должностей, необходимыхъ къ исполненію, что имъ не остается почти времени для того, чтобъ быть съ Богомъ, особливо, ежели они не привыкли хорошо располагать своимъ временемъ. Какъ скоро они хотя малую имѣютъ наклонность къ увеселеніямъ, то не находятъ болѣе часовъ, опредѣленныхъ для Бога, или для ближняго.

И такъ должно сдѣлать себѣ твердое правило касательно расположенія времени. Строгость въ наблюденіи онаго кажется чрезмѣрною; но безъ нее все впадаетъ въ запутанность: мы разсѣваемся, останавливаемся, теряемъ свои силы, удаляемся нечувствительно отъ Бога, предаемся всѣмъ своимъ склонностямъ, и не прежде примѣчаемъ заблужденіе, въ которое впали, какъ когда уже погрузились въ оное до того, что не

смѣемъ болѣе надѣяться быть въ состояніи выдти изъ онаго.

И такъ будемъ молиться со тщаніемъ. Молитва есть единственное наше спасеніе. Благословенъ буди Господь (*), Который не отнялъ отъ меня ни моей молитвы, ни Своего милосердія! Чтобъ быть вѣрнымъ въ молитвѣ, должно быть постояннымъ въ учрежденіи всѣхъ своихъ дневныхъ занятій, такимъ образомъ, чтобы ничто и никогда не могло нарушить порядка оныхъ. —

V.

О сообразности съ жизнію І. Христа.

Должно подражать Іисусу: это значитъ жить, какъ Онъ жилъ, мыслить, какъ Онъ мыслилъ, и стараться содѣлать себя подобными Его образу, который есть печать нашего освященія.

Какое различіе поступковъ! Ничтожество почитаетъ себя чѣмъ-то, — а Всемогущій уничтожается. Я уничтожу себя съ Тобою, Господи! я воздамъ Тебѣ полное жертвоприношеніе моей гордости и тщеславія, которое обладало мною доселѣ! вспомоществуй моей доброй волѣ; удали отъ меня случаи къ искушенію; отврати мои очи (**), еже не видѣти суеты, — чтобы я не видѣлъ ничего, кромѣ Тебя, и что-

(*) Псаломъ 65, ст. 20.

(**) Псал. 118, 37.

бы видѣлъ себя предъ Тобою: токмо тогда познаю я то, что я есмь, и то, что Ты еси.

I. Христосъ родился въ ясляхъ; Онъ принужденъ былъ бѣжать въ Египетъ; проводилъ 30 лѣтъ Своей жизни въ мастерской художника; терпѣлъ голодъ, жажду, утомленіе; былъ бѣденъ, презрѣнъ и отвергнутъ; Онъ наставлялъ людей небесной наукѣ — и никто Его не слушалъ; всѣ великіе и мудрые Его преслѣдовали, уловляли, заставляли Его терпѣть ужасныя мученія, поступали съ Нимъ какъ съ невольникомъ, и наконецъ предали Его смерти на крестѣ между двухъ разбойниковъ, предпочтя Ему прежде разбойника. Вотъ жизнь, которую I. X. избралъ; а мы, мы имѣемъ отвращеніе ко всѣмъ видамъ уничиженія: малѣйшее презрѣніе для насъ нестерпимо.

Сравнимъ нашу жизнь съ жизнію I. Христа; вспомнимъ, что Онъ есть Господь, а мы рабы; что Онъ всемогущъ, а мы самая немощь; Онъ унижается, а мы возвышаемся. Пріучимъ себя мыслить столь часто о нашей бѣдности, чтобы не имѣть презрѣнія ни къ кому, кромѣ насъ самихъ. Можемъ ли мы по справедливости презирать другихъ и судить объ ихъ недостаткахъ, когда сами оными преисполнены? Начнемъ идти путемъ, который I. X. намъ показалъ, поелику онъ есть одинъ, могущій привести насъ къ Нему.

Но какъ можемъ мы обрѣсти I. Христа, ежели не будемъ Его искать въ состояніяхъ смертной Его жизни, то есть въ уединеніи, въ молчаніи, въ бѣдности и страданіяхъ, въ преслѣдованіяхъ и презрѣніи, въ крестѣ и уни-

чтожении? Святые находятъ Его на небесахъ въ сіяніи славы и въ неизреченныхъ удовольствіяхъ; но это уже послѣ того, когда они жили съ Нимъ на землѣ въ поношеніяхъ, горестяхъ и уничиженіи. Быть Христіянами значитъ быть подражателями І. Христа. Въ чемъ можемъ мы подражать Ему, кромѣ уничиженія? Ничто другое не можетъ приближить насъ къ Нему. Какъ Всемогущаго, мы должны Его обожать; какъ Правосуднаго, должны Его бояться; какъ Благаго и Милосердаго, должны любить Его всѣми силами; какъ смиренному, покорному, отверженному и умерщвленному, мы должны Ему подражать.

Не будемъ искать того, чтобъ имѣть возможность достигнуть сего состоянія собственными нашими силами; все то, что есть въ насъ, сему противится: но утѣшимся въ присутствіи Божіемъ. І. Христосъ возхотѣлъ чувствовать всѣ наши слабости; Онъ есть Первосвященникъ сострадательный, Который хотѣлъ быть искушенъ подобно намъ: и такъ возпріимемъ всю нашу силу въ Томъ, Который содѣлался произвольно слабымъ, дабы укрѣпить насъ; обогатимъ себя Его бѣдностію, и скажемъ съ упованіемъ (*): *Вся могу о укрѣпляющемъ мя І. Христѣ.*

Я хочу идти, о Іисусе, тѣмъ путемъ, которымъ Ты шествовалъ; я хочу подражать Тебѣ, и не могу сего сдѣлать иначе, какъ посредствомъ Твоея благодати. О Спаситель отвер-

---

(*) Къ Филипп 4, 13.

женный и уничиженный; даруй мнѣ знаніе истинныхъ Христіянъ и склонность къ презрѣнію самаго себя; даруй, чтобы я изучилъ урокъ, непостижимый разуму человѣческому, который состоитъ въ томъ, чтобъ умерщвлять самаго себя посредствомъ отрѣшенія, истинное смиреніе производящаго!

Приложимъ трудъ къ совершенію дѣла, и перемѣнимъ сіе сердце, столь жестокое и столь возмутительное, въ сердце І. Христа. Приближимся къ святому сердцу Іисуса, да оживляетъ Онъ наше собственное, и уничтожитъ всѣ наши отвращенія. О благій Іисусе, Ты, Который терпѣлъ изъ любви ко мнѣ столько поношеній и уничиженія! напечатлѣй могуществомъ Твоимъ уваженіе и любовь къ нимъ въ моемъ сердцѣ, и низпошли мнѣ желаніе участвовать въ Твоей смиренной жизни!

VI.

О смиреніи.

Сколъ великое благо есть смиреніе для души, которая чистосердечно къ оному стремится! Въ немъ находятъ тысячу благословеній для себя и для своего поведенія въ отношеніи къ другимъ; ибо Господь нашъ даетъ благодать Свою смиреннымъ.

Смиреніе заставляетъ насъ сносить другихъ. Одинъ взглядъ на нашу бѣдность можетъ сдѣлать насъ сострадательными и снисходительными къ недостаткамъ прочихъ людей.

Двѣ вещи, взятыя вмѣстѣ, производятъ смиреніе: первое есть бездна недостатковъ, изъ которой извлекла насъ всемогущая рука Божія, и надъ коею она держитъ насъ еще какъ бы висящими на воздухѣ; второе, присутствіе сего Бога, Который есть все.

Токмо видя Бога и любя Его безпрерывно, можно забыть себя, выдти изъ заблужденія сего ничтожества, которое насъ ослѣпляетъ, и пріучиться умалять себя безъ огорченія предъ симъ Верховнымъ Величествомъ, которое поглощаетъ все. Да любимъ Бога, — и мы содѣлаемся смиренными; да любимъ Бога — и мы не будемъ болѣе любить самихъ себя безпорядочною любовію; да любимъ Бога, — и мы будемъ любить все то, что Онъ хощетъ, чтобъ мы любили.

Самыя несноснѣйшія погрѣшности обращаются во благо, ежели мы ими пользуемся для того, чтобы смирить себя, не замедляя въ употребленіи оныхъ къ нашему исправленію. Уныніе не излѣчаетъ ничего; оно есть ничто иное, какъ отчаяніе раздраженнаго самолюбія. Истинное средство пользоваться уничиженіемъ, отъ ошибокъ нашихъ происходящимъ, есть видѣть ихъ во всей ихъ гнусности, не теряя надежды на Бога, и не ожидая ничего и никогда отъ самихъ себя. Мы имѣемъ необходимую нужду быть уничиженными нашими погрѣшностями, и чрезъ нихъ-то Богъ разрушаетъ нашу гордость и приводитъ въ смятеніе надмѣнную нашу мудрость. Когда Богъ отниметъ отъ насъ всякое пособіе, въ насъ самихъ находящееся, тогда построитъ Свое зданіе; до тѣхъ поръ Онъ будетъ сокрушать все, употребляя къ сему даже самыя наши

погрѣшности. Оставимъ Его дѣйствовать, и будемъ трудиться со смиреніемъ, не обѣщая себѣ ничего отъ нашихъ собственныхъ силъ.

Должно сносить себя, ни лаская себѣ, ни лишая себя мужества; это есть средина, которую рѣдко находятъ; обѣщаютъ себѣ много отъ самихъ себя, или отчаяваются во всемъ совершенно. Да не надѣемся ничего отъ себя, и будемъ ожидать всего отъ Бога. Отчаяніе нашей слабости, къ исправленію безнадежной, и безусловная довѣренность ко всемогуществу Божію суть истинныя основанія духовнаго храма.

Это есть ложное смиреніе, признавая себя недостойными милостей Божіихъ, не осмѣливаться ожидать ихъ съ упованіемъ; истинное же состоитъ въ томъ, чтобы видѣть все свое недостоинство, и жить, предоставя себя Богу, отнюдь не сомнѣваясь, чтобы Онъ не могъ сдѣлать въ насъ величайшихъ дѣлъ. Естьли бы Богъ для Своихъ намѣреній имѣлъ нужду находить въ насъ основанія уже положенныя, то мы могли бы думать, что наши грѣхи все разрушили, и что мы недостойны быть избранными Божественною Премудростію. Но Богъ не имѣетъ нужды находить въ насъ ничего. Онъ никогда не можетъ найти въ насъ ничего другаго, кромѣ того, что Онъ Самъ вложилъ въ насъ посредствомъ Своея благодати. Даже можно сказать, что Онъ часто избираетъ душу невѣрную и никакого блага въ себѣ не имѣющую, дабы содѣлать изъ нея предметъ, наиболѣе способный принимать Его милости. Онъ съ удовольствіемъ изливаетъ ихъ на таковую душу, дабы оныя ощутительнѣе могли быть видимы. Сіи грѣш-

ныя души, которыя никогда не чувствовали въ себѣ ничего, кромѣ немощей, не могутъ присвоить себѣ ничего изъ даровъ Божіихъ. Такимъ образомъ *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ*, какъ говоритъ Св. Павелъ (*), *и немощная міра избра Богъ; да посрамитъ крѣпкая.*

И такъ не будемъ бояться, чтобы наши невѣрности могли сдѣлать насъ недостойными милосердія Божія; нѣтъ ничего столь достойнаго сего милосердія, какъ величайшая бѣдность. Онъ пришелъ съ неба на землю для грѣшныхъ, а не для праведныхъ; Онъ пришелъ искать того, что безъ Него было потеряно: врачь ищетъ больныхъ, а не здоровыхъ. О, колико Богъ любитъ тѣхъ, которые смѣло предстаютъ къ Нему въ замаранныхъ и разодранныхъ своихъ рубищахъ, и которые просятъ у Него, какъ у Отца ихъ, одѣянія, которое было бы Его достойно!

Вы ожидаете, что Богъ покажетъ вамъ лице тихое и смѣющееся, дабы ознакомить васъ короче съ Собою; а я говорю, что когда вы откроете Ему просто свое сердце съ совершенною дружественностію, то не будете болѣе заботиться о томъ, какимъ образомъ Онъ васъ приметъ. Пусть Онъ показываетъ вамъ, ежели Ему угодно, лице строгое и раздраженное; оставьте Его дѣйствовать: Онъ никогда не любитъ столько, какъ когда угрожаетъ — ибо угрожаетъ единственно для того, дабы испы-

(*) Iе къ Коринф. 1, 27.

жать, смирить и отрѣшить. Одного ли токмо утѣшенія, Богомъ даруемаго, или Самаго Бога безъ всякаго ощутительнаго утѣшенія ищетъ ваше сердце? Естьли это одно только утѣшеніе, то вы любите Бога не изъ любви къ Нему Самому, но изъ любви къ себѣ: въ семъ случаѣ вы ничего отъ Него не заслуживаете. Ежели напротивъ вы ищете единаго токмо Бога, — то найдете Его еще ближе въ искушеніяхъ, нежели въ утѣшеніи. Когда Онъ утѣшаетъ васъ, то вы должны бояться, чтобы не прилѣпиться болѣе къ Его кротости, нежели къ Нему Самому; когда Онъ взираетъ на васъ строгимъ образомъ, и ежели вы не престаете пребывать съ Нимъ соединенными, то тогда къ Нему единому прилѣпляетесь. Увы! колико люди обманываются! Упиваются тщетнымъ утѣшеніемъ, когда еще чувственностію бываютъ подкрѣпляемы; воображаютъ себя уже до третіяго неба возхищенными, и не дѣлаютъ ничего основательнаго. Но когда имѣютъ сухую и нагую токмо вѣру, тогда впадаютъ въ уныніе, и думаютъ, что все потеряно; въ самомъ же дѣлѣ тогда токмо все усовершенствуется, ежели не теряютъ мужества.

И такъ оставьте дѣйствовать Бога; не вамъ принадлежитъ учреждать пріемы, кои вы отъ Него получать долженствуете; Онъ знаетъ лучше, нежели вы, то, что вамъ нужно; вы весьма заслуживаете нѣкоторой сухости и испытанія: сносите же оныя терпѣливо. Богъ дѣлаетъ съ Своей стороны то, что Ему прилично, когда Онъ васъ отдаляетъ; вы съ своей стороны исполняйте также свою обязанность,

которая состоитъ въ любви къ Нему, не ожидая того, чтобы Онъ оказывалъ вамъ взаимно любовь ощутительнымъ образомъ. Ваша любовь будетъ отвѣчать вамъ за Его, ваша довѣренность Его обезоружитъ, и перемѣнитъ всю Его строгость въ нѣжности. Естьли же и сего не случится, то вы должны оставить себя правосудному Его руководству, и обожать Его намѣреніе заставить васъ умирать на крестѣ въ безпомощномъ состояніи съ Его Сыномъ возлюбленнымъ, дабы увѣнчать васъ потомъ съ Нимъ на небесахъ. Вотъ твердый хлѣбъ чистой вѣры, и благородная любовь, которою вы должны питать вашу душу, и которая сдѣлаетъ ее крѣпкою и сильною.

Люди, истинно смиренные, не могутъ слышать безъ смятенія того, что служитъ къ ихъ возвышенію. Тѣ, которые обладаютъ сею добродѣтелію, суть тихи и миролюбивы, имѣютъ сердце сокрушенное и уничиженное, къ милосердію и состраданію склонное; они спокойны, веселы, послушны, бодрствующи, исполнены ревности и неспособны къ противорѣчіямъ; они поставляютъ себя всегда въ послѣдней степени, увеселяются, когда ихъ презираютъ, почитаютъ всѣхъ прочихъ людей выше самихъ себя; они снисходительны къ слабостямъ другихъ, видя свои собственныя, и весьма удалены отъ того, чтобы предпочитать себя кому-либо. Токмо чрезъ испытаніе уничиженій и презрѣнія можемъ мы узнать, успѣваемъ ли въ смиреніи.

VII.

О молитвѣ.

Мы впадаемъ въ искушеніе думать, что не молимся болѣе, какъ скоро перестали вкушать нѣкоторое удовольствіе въ молитвѣ. Дабы выдти изъ сего заблужденія, надлежало бы разсуждать, что совершенная молитва и любовь къ Богу суть одно и то же.

И такъ молитва не есть ни пріятное ощущеніе, ни прелесть разгоряченнаго воображенія, ни свѣтъ разума, который легко открываетъ въ Богѣ высокія истины, ни даже извѣстное утѣшеніе при видѣ Бога; всѣ сіи вещи суть дары внѣшніе, безъ которыхъ любовь можетъ существовать въ чистѣйшемъ состояніи, поелику, будучи лишена всѣхъ сихъ свойствъ, кои суть ничто иное, какъ дары Божіи, прилѣпляется единственно и непосредственно къ Нему Самому.

Вотъ *любовь чистой вѣры*, которая приводитъ въ отчаяніе натуру, поелику не оставляетъ ей никакой помощи. Она думаетъ, что все потеряно — и сіе по тому самому, что все сохранено. —

Чистая любовь существуетъ токмо въ единой волѣ; такимъ образомъ она не есть любовь чувствованія, ибо воображеніе совсѣмъ не имѣетъ въ ней участія: это есть любовь, которая любитъ, такъ сказать, не чувствуя, какъ чистая вѣра вѣритъ, не видя. Не должно бояться, чтобы сія любовь была воображаемая; ибо ничто не можетъ быть менѣе таковымъ, какъ воля, от-

рѣшенная отъ всякаго воображенія. Чѣмъ болѣе наши дѣйствія суть чисто умственныя и духовныя, тѣмъ болѣе онѣ имѣютъ подлинности и совершенства, коего Богъ требуетъ; образъ дѣйствія бываетъ въ нихъ гораздо совершеннѣе, въ то же время исполняется въ оныхъ вѣра и сохраняется смиреніе.

Тогда любовь чиста, ибо предметъ оныя есть Богъ Самъ въ Себѣ и для Него Самаго; и мы прилѣпляемся уже не къ тому, что Онъ даетъ чувствовать: мы Ему слѣдуемъ, но не для хлѣбовъ умножаемыхъ.

Какъ — скажутъ мнѣ — все благочестіе не будетъ ли состоять тогда токмо въ одномъ желаніи соединиться съ Богомъ, которое, можетъ быть, есть одна мечтательная мысль, а не дѣйствительное желаніе?

Ежели сіе желаніе не подкрѣпляется вѣрностію къ оному въ главныхъ случаяхъ, то я повѣрю, что оно не есть истинное; ибо доброе дерево приноситъ добрые плоды, и таковое желаніе должно содѣлывать насъ внимательными къ исполненію воли Божіей. Но оно совмѣстно въ сей жизни съ малыми непостоянствами, которыя Богъ оставляетъ душѣ, дабы смирить оную. И такъ, ежели мы не испытываемъ ничего другаго, кромѣ сихъ ежедневныхъ невѣрностей, то должно извлекать изъ нихъ плодъ смиренія, не теряя мужества.

Наконецъ, истинная добродѣтель и чистая любовь состоятъ единственно въ волѣ. Сколь много стоитъ хотѣть всегда верховнаго блага, какъ скоро оное примѣчаемъ; обращать вновь къ нему свои помышленія, какъ скоро замѣтили,

что оныя отъ него уклонились; не хотѣть никогда и ничего по избранію, кромѣ того, что содержится въ его порядкѣ; и наконецъ пребывать покорными въ духѣ жертвоприношенія и самопредавности къ нему, какъ скоро не имѣемъ болѣе ощутительныхъ утѣшеній? Можно ли считать маловажнымъ уничтожить всѣ размышленія безпокойнаго самолюбія; шествовать всегда, ни слишкомъ искавъ видѣть, куда идемъ, ни останавливаясь; не мыслить никогда съ состраданіемъ о самомъ себѣ, или по крайней мѣрѣ не мыслить никогда о семъ иначе, какъ такимъ образомъ, естьлибъ мы думали о другомъ лицѣ, дабы исполнить должность, Провидѣніемъ въ настоящую минуту намъ назначаемую, не смотря на будущее? Все сіе не болѣе ли заставляетъ умереть ветхаго человѣка, нежели прекрасныя размышленія, въ коихъ еще занимаются собою по самолюбію, и многія внѣшнія дѣянія, въ коихъ сами себѣ воздаютъ свидѣтельство въ своемъ успѣхѣ?

Всегдашнее желаніе увѣриться въ томъ, что мы хорошо поступаемъ, происходитъ отъ нѣкотораго вида невѣрности ко влеченію чистой вѣры; это значитъ хотѣть знать то, что мы дѣлаемъ — и сего-то мы никогда не узнаемъ, поелику Богъ хощетъ, чтобъ мы сего не знали; разсуждать о пути, по которому мы идемъ, значитъ забавляться на самомъ пути. Надежнѣйшій и кратчайшій путь есть отказаться отъ себя, забыть себя, оставить себя и не думать болѣе о самомъ себѣ изъ вѣрности къ Богу. Вся Религія состоитъ единственно въ томъ,

чтобы выдти изъ себя и отказаться отъ своего самолюбія, дабы стремиться къ Богу.

Что касается до невольныхъ развлеченій, то онѣ ни мало не развлекають любви, поелику она состоитъ въ волѣ, и потому, что воля не имѣетъ никогда развлеченій, ежели она не хочетъ ихъ имѣть. Какъ скоро ихъ замѣчаютъ, то оставляютъ ихъ безъ вниманія, и обращаются къ Богу; такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ внѣшнія чувства супруги бываютъ усыплены, ея сердце бодрствуетъ, ея любовь не утомляется. Нѣжный отецъ не всегда мыслитъ подробнымъ образомъ о своемъ сынѣ; тысяча другихъ предметовъ увлекаютъ его воображеніе и его разумъ; но сіи разсѣянія не прерываютъ никогда любви отеческой: въ какое бы время сынъ его ни представился его разуму, онъ его любитъ и чувствуетъ во глубинѣ своего сердца, что не преставалъ ни на одно мгновеніе любить его, хотя иногда и не мыслилъ о немъ. Такова должна быть любовь наша къ нашему Отцу небесному — любовь простая, безъ недовѣрчивости и безпокойства.

Ежели воображеніе заблуждается, ежели разумъ увлеченъ, не будемъ симъ возмущаться: всѣ сіи силы души не суть истинный человѣкъ внутренній, *потаенный сердца человѣкъ*, о которомъ говоритъ Св. Петръ (*), *въ неизтлѣніи кроткаго и молчаливаго духа.* — Должно токмо дѣлать хорошее употребленіе изъ свободныхъ мыслей, обращая ихъ всегда къ присут-

---

(*) Петр. 3, 4.

ствїю Возлюбленнаго, не заботясь о другихъ; впрочемъ принадлежитъ Богу увеличить, когда Ему будетъ угодно, сію ощутительную удобность сохранять Его присутствіе.

Часто Онъ отнимаетъ ее у насъ, дабы понудить насъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ; ибо сія удобность слишкомъ задерживаетъ насъ размышленіями; размышленія же суть истинныя развлеченія, которыя прерываютъ простой и прямой взоръ къ Богу, и чрезъ сіе удаляютъ насъ отъ мраковъ чистой вѣры.

Въ сихъ размышленіяхъ по большой части ищутъ спокойствія самолюбія и утѣшенія въ свидѣтельствѣ, которое воздаютъ самимъ себѣ, и такимъ образомъ развлекаютъ себя сею чувственною горячностью. Напротивъ не молятся никогда столь чисто, какъ тогда, когда впадаютъ въ искушеніе думать, что совсѣмъ не молятся; тогда боятся просить худо: но надлежало бы бояться токмо того, чтобъ не позволить себѣ впасть въ отчаяніе слабой натуры, въ философическую невѣрность, которая хочетъ всегда показывать себѣ самой собственные свои успѣхи въ вѣрѣ, и въ нетерпѣливыя желанія видѣть и чувствовать, дабы утѣшиться.

Не находится покаянія столь труднаго, какъ сіе состояніе чистой вѣры безъ всякой ощутительной помощи; изъ чего я заключаю, что это есть покаяніе дѣйствительнѣйшее, самое крестоносное и наиболѣе отъ всякой мечтательности удаленное. Странное искушеніе! Ищутъ всегда ощутительнаго утѣшенія изъ страха быть недовольно кающимися! Почему не принимаютъ за покаяніе отреченіе отъ утѣшенія, ко-

тораго столь прилѣжно ищутъ! Наконецъ должно привести себѣ на память І. Христа, Котораго Отецъ Его оставилъ на крестѣ; Богъ удалилъ всякое чувствованіе и размышленіе, дабы сокрыться отъ Него: это былъ послѣдній ударъ руки Божіей, который поразилъ мужа болѣзней. Сіе-то совершило жертвоприношеніе. Никогда не должно столько предавать себя Богу, какъ тогда, когда Онъ кажется насъ оставляющимъ. И такъ пріимемъ свѣтъ и утѣшеніе, когда Онъ его изливаетъ, но не прилѣпляясь къ оному; когда же Онъ погружаетъ насъ въ ночь чистой вѣры, тогда оставимъ себя идти въ сей ночи, гдѣ все есть душевное страданіе.

Одно мгновеніе стоитъ тысячи оныхъ въ сей скорби. Тогда мы бываемъ возмущены и находимся въ спокойствіи; Богъ скрываетъ не токмо Себя отъ насъ, но даже скрываетъ насъ отъ насъ самихъ, для того, чтобы все пребывало во мракѣ вѣры. Мы чувствуемъ себя впадшими въ уныніе, и однако имѣемъ непремѣнную волю, которая хочетъ всего того, что Богу угодно, сколь бы сіе трудно ни было; хотимъ всего, принимаемъ все, и даже самое смятеніе, посредствомъ коего испытуемся: такимъ образомъ пребываемъ тайно въ покоѣ посредствомъ сей воли, которая сохраняется во глубинѣ души даже во время сильнѣйшаго ея возмущенія. Благословенъ буди Господь, Который творитъ въ насъ столь великія дѣла, не взирая на наше недостоинство!

VIII.

Молитва о томъ, чтобы предаться совершенно Богу въ уединеніи.

Боже мой! я хощу дать себя Тебѣ — даруй мнѣ къ сему твердость духа, укрѣпи мою слабую волю, которая стремится къ Тебѣ; я простираю къ Тебѣ руки — пріими меня; ежели я не имѣю силы предаться Тебѣ, привлеки меня сладостію благовоній Твоихъ: заключи меня въ узы любви Твоея. Господи! кому буду я принадлежать, ежели не Тебѣ? Сколь жестоко быть рабомъ самаго себя и страстей своихъ! — О истинная свобода чадъ Божіихъ! Люди не познаютъ Тебя! Щастливъ тотъ, кто открылъ, гдѣ Ты существуешь, и кто не ищетъ Тебя болѣе тамъ, гдѣ нѣтъ Тебя! Щастливъ тысящекратно тотъ, кто зависитъ отъ Бога во всемъ, дабы не зависѣть болѣе ни отъ кого, кромѣ Его единаго!

Но откуда происходитъ, о мой Божественный Супругъ! боязнь разорвать свои цѣпи? Преходящія суеты больше ли стоятъ, нежели Ты и Твоя вѣчная истина? Можно ли бояться предать себя Тебѣ? О ужасное безуміе? Это значитъ бояться своего щастія; бояться выдти изъ Египта, дабы войти въ землю Обѣтованную; роптать въ пустынѣ и отвращаться отъ манны, воспоминая лукъ Египетскій.

Это не есть *я*, которое даетъ себя Тебѣ; но Ты, Боже мой, Самъ даешь Себѣ все во мнѣ. Я не медлю дать Тебѣ мое сердце. — Какое щастіе быть въ уединеніи, и быть въ ономъ

съ Тобою, не слушать и не говорить болѣе ничего тщетнаго и безполезнаго, дабы слушать единственно Тебя. О безконечная Мудрость! не лучше ли Ты будешь говорить со мною, нежели сіи суетные человѣки? О любовь моего Бога! Ты будешь говорить со мною; Ты наставишь меня; Ты научишь меня бѣгать суеты и лжи; Ты будешь питать меня собою; Ты удержишь во мнѣ всякое тщетное любопытство. Господи! когда я взираю на Твое иго, то оно кажется мнѣ весьма легкимъ: и такъ, есть ли оно крестъ, который я долженствую носить во всѣ дни моей жизни? Не заставишь ли Ты меня выпить до капли другую чашу Твоего страданія, еще горчайшую? Ограничишь ли Ты симъ мирнымъ убѣжищемъ и наблюденіемъ священнаго устава между толикими добрыми примѣрами строгое покаяніе, которое я заслужилъ моими прегрѣшеніями? О Любовь! Ты токмо любишь; Ты не поражаешь, но щадишь мою слабость. Буду ли я страшиться послѣ сего приближиться къ Тебѣ? Кресты уединенія могутъ ли ужасать меня? Тѣ, которыми міръ обременяетъ, должны приводить въ трепетъ. Какое ослѣпленіе не бояться оныхъ!

О безконечная нищета, которую единое Твое милосердіе превзойти можетъ! чѣмъ меньше я имѣлъ свѣта и твердости, тѣмъ болѣе былъ достоинъ Твоего сострадания. — О Боже! я сдѣлалъ себя недостойнымъ Тебя, хотя могъ содѣлаться чудомъ Твоея благодати. Даруй мнѣ все то, чего мнѣ недостаетъ, и во мнѣ не будетъ находиться ничего, что бы не превозносило дары Твои!

IX.

О размышленіи.

Извѣстно, что когда положены твердыя основанія совершеннаго премѣненія сердца, точнаго покаянія и основательнаго размышленія о всѣхъ Христіянскихъ добродѣтеляхъ, подробнымъ образомъ и въ отношеніи къ практикѣ, то мы пріучаемся мало по малу столько ко всѣмъ симъ истинамъ, что наконецъ взираемъ на нихъ просто и твердо, не имѣя нужды начинать всегда снова покорять себя каждой въ особенности. Тогда всѣ сіи истины соединяются въ нѣкоторой родъ привязанности къ Богу, столь чистой и столь сердечной, что мы находимъ все въ Немъ единомъ. Это почти не есть разумъ, которой ищетъ и разсуждаетъ; это воля, которая любитъ и погружается въ безконечномъ благѣ.

Но сіе состояніе не есть ваше. Должно, чтобъ вы шествовали долгое время по пути грѣшниковъ, которые начинаютъ искать Бога: обыкновенное размышленіе есть вашъ удѣлъ. Весьма щастливы, ежели Богъ удостоиваетъ васъ допустить къ сему.

И такъ шествуйте въ духѣ, какъ Авраамъ, не зная, куда вы идете, довольствуйтесь хлѣбомъ насущнымъ, и помните, что въ пустынѣ манна, которую собирали болѣе, нежели для одного дня, тотчасъ портилась: толико-то справедливо, что чада Божіи должны заключать себя въ порядкѣ настоящихъ даровъ благодати,

не желая предускорить намѣренія Его о нихъ провидѣнія.

Такимъ образомъ вы должны размышлять о всѣхъ таинствахъ І. Христа и о всѣхъ истинахъ Евангелія, коихъ вы столь долго не знали, и которымъ противорѣчили. Когда Богъ совершенно изгладитъ въ васъ впечатлѣнія всѣхъ мірскихъ правилъ, и когда Духъ І. Христа не оставитъ болѣе въ васъ никакого слѣда прежнихъ вашихъ предразсудковъ, тогда должно испытывать влеченіе, которое Благодать вамъ даруетъ, и слѣдовать оному шагъ за шагомъ, не предупреждая его. Однако пребывайте спокойны въ нѣдрахъ Божіихъ, какъ малое дитя въ объятіяхъ своей матери; довольствуйтесь тѣмъ, чтобы мыслить о вашихъ предметахъ размышленія простымъ и легкимъ способомъ; оставьте себя идти тихо къ истинамъ, которыя васъ трогаютъ и питаютъ ваше сердце. Убѣгайте всѣхъ усилій, которыя разгорячаютъ голову, и которыя заставляютъ насъ поставлять благочестіе не въ чистомъ и справедливомъ желаніи предать себя Богу, но въ опасной пылкости воображенія. Убѣгайте также всѣхъ тонкихъ размышленій; довольствуйтесь спокойнымъ разсматриваніемъ, и повторяйте оное сколь можно чаще. Тѣ, которые переходятъ весьма скоропоспѣшно отъ одной истины къ другой, питаютъ свое безпокойное любопытство — и даже развлекаютъ свой разумъ весьма великимъ множествомъ предметомъ. —

Должно дать каждой истинѣ время пустить глубокіе корни въ сердцѣ: существенное есть любить. Ничто не производитъ столь великихъ

несвареній въ желудкѣ, какъ принимать въ скорости много пищи. И такъ переваривайте на досугѣ каждую истину, ежели вы хотите извлечь изъ нея питательный сокъ для себя; но убѣгайте безпокойныхъ обращеній на самихъ себя. Думайте, что ваша молитва будетъ хороша не иначе, какъ тогда, ежели вы будете приносить оную безъ горячности и безпокойства.

Я очень знаю, что вы не будете имѣть недостатка въ развлеченіяхъ; но должно токмо сносить ихъ безъ нетерпѣливости, и оставлять разсѣваться, пребывая внимательнымъ къ своему предмету каждой разъ, когда примѣтите заблужденіе вашего воображенія. И такъ сіи невольныя развлеченія не могутъ вамъ вредить; терпѣливость же, съ которою вы будете сносить ихъ, доставитъ вамъ болѣе успѣховъ, нежели самая свѣтоносная молитва, при которой бы вы наиболѣе были для самихъ себя пріятны. Истинное средство побѣдить развлеченія есть не нападать на нихъ прямымъ образомъ; не утомляйтесь ни ихъ долговременностью, ни ихъ множествомъ.

Теперь спрашивается токмо о томъ, какимъ образомъ занять васъ безъ напряженія предметами, которые вы избрали. Вы должны сдѣлать сіе занятіе святѣйшимъ, сколько возможно, и вотъ какимъ образомъ.

Не обременяйте себя великимъ числомъ различныхъ мыслей о какомъ-либо предметѣ; но останавливайтесь на каждой столь долгое время, покамѣстъ она можетъ дать нѣкоторую пищу вашему сердцу. Мало помалу вы пріучите себя смотрѣть на истины основательно и не перебѣ-

гая отъ одной къ другой. Сіе твердое и постоянное разсматриваніе каждой истины послужитъ къ вящшему углубленію оныхъ въ вашемъ сердцѣ. Вы получите привычку останавливаться въ вашихъ предметахъ по склонности, вмѣсто чего большая часть людей разсматриваютъ ихъ поверхностнымъ образомъ. Это будетъ истинное основаніе всего того, что Богъ, можетъ быть, хощетъ сдѣлать въ послѣдствіи въ васъ самихъ; чрезъ сіе Онъ умертвитъ въ васъ естественную дѣятельность духа, который ищетъ всегда открывать новыя вещи, вмѣсто того, чтобы углубляться болѣе въ тѣхъ, кои онъ уже позналъ. Однако же не должно слишкомъ усиливаться продолжать размышленія объ истинѣ, какъ скоро не находимъ въ ней болѣе никакого сока; я предлагаю единственно не оставлять ее до тѣхъ поръ, когда вы почувствуете, что она не можетъ болѣе ничего дать вамъ къ питанію души.

Что касается до усердія, наблюдайте все то, что разсматриваніе вашего предмета вдохнетъ вамъ, и дозвольте себѣ слѣдовать оному тихими стопами; но не возбуждайте себя слишкомъ къ великимъ усиліямъ, ибо сіи усилія изтощатъ васъ, разгорячатъ вашу голову, изсушатъ васъ даже; и поелику они займутъ васъ собственными вашими движеніями, то и дадутъ вамъ опасную надежду на собственную вашу тщательность; наконецъ привяжутъ васъ слишкомъ къ чувственнымъ склонностямъ, и чрезъ сіе пріуготовятъ вамъ великія ошибки для будущаго времени. И такъ довольствуйтесь тѣмъ, чтобы слѣдовать просто и безъ дальнихъ размышленій трогающимъ движеніямъ, которыя

Богъ вамъ даетъ при разсматриваніи вашего предмета, или какой-либо истины. Что касается до предметовъ, принадлежащихъ къ состоянію, болѣе возвышенному, то вы не должны заниматься оными: есть время всякой вещи — и нужно токмо никогда не предускорять онаго.

Одно изъ важнѣйшихъ правилъ духовной жизни состоитъ въ томъ, чтобы заключать себя въ настоящемъ мгновеніи, не смотря на будущее. Вы знаете, что Израильтяне слѣдовали въ пустынѣ столпу облачному, или огня, не зная, куда онъ ихъ руководствовалъ; они не могли собирать манны больше, какъ токмо на одинъ день: остальное портилось. Не требуется того, чтобы идти скоро въ настоящее время; думайте токмо о томъ, чтобы положить основаніе зданія и хорошо углубить оное посредствомъ совершеннаго отреченія отъ самаго себя и безусловной самопреданности повелѣніямъ Божіимъ; послѣ сего Богъ воздвигнетъ на семъ основаніи такое зданіе, какое Ему угодно будетъ. Предайте себя Ему и закройте глаза. Сколь величественъ сей образъ мыслей, при которомъ шествуютъ, подобно Аврааму, не зная, куда идутъ, и колико оный привлекаетъ благословеній!

Тогда Богъ будетъ вашимъ руководителемъ; Онъ Самъ будетъ путешествовать съ вами, какъ сказано, что Онъ содѣлался путешественникомъ съ Израильтянами, дабы руководствовать ихъ шагъ за шагомъ сквозь пустыню даже до земли Обѣтованной. Сколь вы будете щастливы, ежели допустите Бога принять влады-

чество надъ вами, дабы творить въ васъ сообразно Его намѣреніямъ, а не вашимъ склонностямъ, все то, что Ему угодно будетъ! —

X.

О внутреннемъ умерщвленіи самаго себя.

Богъ заставляетъ насъ умерщвлять самихъ себя всякой часъ и всякую минуту; но нѣтъ ничего ложнѣе сего правила, что должно всегда избирать то, что наиболѣе умерщвляетъ. Слѣдуя сему правилу, тотчасъ бы разрушили свое здравіе, свою честь, свои дѣла, свои связи съ родственниками и друзьями, и добрыя дѣла, которыя Провидѣніе на насъ возлагаетъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что должно избѣгать нѣкоторыхъ вещей, когда мы испытали, что онѣ вредятъ здравію, какъ-то извѣстныя кушанья и проч. Это конечно предохранитъ насъ отъ нѣкоторыхъ страданій; но не служитъ къ тому, чтобы нѣжить тѣло, и не требуетъ употребленія избранныхъ вещей, а напротивъ руководствуетъ къ жизни воздержной и слѣдовательно умерщвленной во многихъ случаяхъ.

Слабость здравія и умѣренность въ пищѣ и питіи суть два лучшіе вида покаянія. Недостатокъ въ умерщвленіи себя производитъ недостатокъ въ умѣренности, или поползновенность къ удовольствіямъ и нетерпѣливость противъ всего того, что принуждаетъ. Покориться умѣренности, дабы избѣгнуть разрушенія здоровья, есть великое принужденіе. Мы менѣе бо-

имся страдать и быть больными, нежели быть всегда въ несогласіи съ самими собою, дабы побѣдить свои склонности; мы еще болѣе любимъ свободу и удовольствіе, нежели здравіе. Но Богъ исправляетъ все въ сердцѣ, какъ скоро Онъ имъ обладаетъ; Онъ производитъ, что мы пріучаемся нечувствительно къ порядку; Онъ отнимаетъ извѣстную непреклонность въ волѣ, и опасную довѣренность, которую мы имѣемъ къ своему собственному смыслу. Богъ притупляетъ желанія, охлаждаетъ страсти, отрѣшаетъ человѣка не токмо отъ внѣшнихъ предметовъ, но даже и отъ него самаго; Онъ его содѣлываетъ тихимъ, смиреннымъ, простымъ и любви достойнымъ, готовымъ хотѣть и не хотѣть, слѣдуя Его благой волѣ. Будемъ таковыми — Богъ сего хощетъ; не станемъ Ему противиться. Умерщвленіе себя, которое происходитъ изъ порядка Божія, бываетъ болѣе полезно, нежели сладость молитвы, приносимой по нашей склонности и выбору.

Что касается до строгостей къ самому себѣ, то должно имѣть вниманіе ко влеченію благодати, къ состоянію, нуждамъ и сложенію каждаго человѣка. Часто простое умерщвленіе себя, въ непрерывной вѣрности ко крестамъ Провидѣнія состоящее, бываетъ превыше исканія великихъ строгостей, которыя содѣлываютъ жизнь нашу отъ прочихъ людей отличною и искушаютъ насъ тщетнымъ самодовольствіемъ. Кто не отказывается ни отъ чего въ порядкѣ Божіемъ, и не ищетъ ничего внѣ сего порядка, тотъ ежедневно будетъ участникомъ въ крестѣ І. Христа. Промыслъ печется о доставленіи намъ

крестовъ, какъ вещей, необходимыхъ въ жизни; они суть хлѣбъ насущный — и Богъ не оставитъ насъ никогда въ недостаткѣ оныхъ. *Даже* иногда случается, что для душъ ревностныхъ чистѣйшее умерщвленіе себя состоитъ въ томъ, чтобъ не умерщвлять себя собственнымъ своимъ способомъ, а предоставить сіе Богу, чтобы Онъ умерщвлялъ ихъ отъ одного мгновенія до другаго, слѣдуя Своимъ намѣреніямъ.

Когда мы не бываемъ вѣрны въ умерщвленіяхъ, Промысломъ низпосылаемыхъ, то должны опасаться мечтательности въ другихъ, коихъ ищемъ по усердію. Сіе усердіе часто бываетъ обманчиво, и я думаю, что хорошо начинать испытывать душу въ ея вѣрности при крестахъ ежедневныхъ, Провидѣніемъ налагаемыхъ.

Когда человѣкъ равномѣрно готовъ изыскивать строгостей, или не искать ихъ, то можно или оставить его дѣйствовать, или воздержать его, или возбуждать, смотря по надобности, которую онъ имѣетъ въ руководствѣ, но притомъ должно всегда щадить его тѣло и духъ; ибо духъ вкушаетъ иногда пріятный миръ и нѣкоторую радость о добродѣтели, которую не кстати было бы возмущать слишкомъ строгимъ руководствомъ; должно оставить сію радость на свободѣ; принужденіе и отягощеніе не входятъ въ царствіе небесное, гдѣ все есть миръ, радость и любовь. —

XI.

Объ отреченіи отъ самаго себя.

Ежели вы хотите хорошо понимать то, что значитъ *отрещись самаго себя*, то вы должны только вспомнить о трудности, которую вы чувствовали, и въ которой весьма естественно самимъ себѣ признавались, когда я говорилъ, что должно считать за ничто это *я*, которое намъ столь дорого. Отрещись себя значитъ считать себя за ничто, и кто чувствуетъ въ семъ трудность, тотъ уже понялъ, въ чемъ состоитъ сіе отреченіе, которое возмущаетъ цѣлую натуру. Поелику вы почувствовали ударъ, то надлежитъ, чтобы находилась рана въ вашемъ сердцѣ; вы должны оставить дѣйствовать руку Всемогущаго Бога, которая будетъ умѣть исторгнуть васъ изъ васъ самихъ.

Сущность зла въ насъ состоитъ въ томъ, что мы любимъ себя любовію слѣпою, которая доходитъ даже до идолопоклонства. Все то, что мы любимъ внѣ насъ, любимъ токмо для самихъ себя. Должно выдти изъ заблужденія касательно тѣхъ благородныхъ видовъ дружбы, въ коихъ мы кажемся забывающими самихъ себя, чтобъ не мыслить болѣе ни о чемъ, кромѣ пользы тѣхъ особъ, къ коимъ чувствуемъ привязанность. Когда не ищутъ низкой и грубой пользы въ дружескомъ обращеніи, то изыскиваютъ въ немъ другаго интереса, который, будучи нѣжнѣе, скрытнѣе и честнѣе, тѣмъ болѣе опасенъ, и способнѣе отравить насъ, питая лучше самолюбіе.

И такЪ въ сихЪ видахЪ дружбы, которые кажутся и другимЪ и намЪ самимЪ столь благородными и безкорыстными, мы ищемЪ сего удовольствія любить безЪ интереса, и возноситься посредствомЪ столь благороднаго чувствованія превыше всѣхЪ сердецЪ слабыхЪ и кЪ гнуснымЪ выгодамЪ прилѣпленныхЪ. СверхЪ сего свидѣтельство, которое мы воздаемЪ самимЪ себѣ, ищемЪ вЪ мірѣ славы безкорыстія и великодушія; хотимЪ быть любимы своими друзьями, хотя и не желаемЪ получать отЪ нихЪ услуги; надѣемся, что они будутЪ возхищены всѣмЪ тѣмЪ, что мы для нихЪ сдѣлали, не мысля о самихЪ себѣ, — и такимЪ образомЪ находимЪ сію мысль о себѣ, которую кажемся оставившими: ибо, что можно вымыслить пріятнѣйшаго и болѣе лестнаго для благоразумнаго самолюбія и разборчиваго вкуса, какЪ видѣть себя выхваляемымЪ даже до того, чтобЪ не почитаться болѣе самолюбіемЪ?

Мы видимЪ тогда человѣка, которой кажется совершенно принадлежащимЪ другимЪ и нисколько самому себѣ, которой составляетЪ утѣху честныхЪ людей, и нисколько не мыслитЪ о самомЪ себѣ. Забвеніе самаго себя есть столь великая добродѣтель, что даже самолюбіе хочетЪ оному подражать, и не находитЪ славы равной тому, чтобы не казаться ищущимЪ самаго себя вЪ другомЪ. Сія умѣренность и сіе отрѣшеніе отЪ самаго себя, которое было бы смертію натуры, естьли бы оно было подлинное и дѣйствительное чувствованіе, содѣлывается напротивЪ тончайшею и непримѣтнѣйшею пищею гордости, которая презираетЪ всѣ обыкновенныя средства кЪ возвышенію, и стремится попрать ногами

всѣ грубые предметы тщеславія, надмѣвающіе остатокъ рода человѣческаго.

Но легко обнаружить сію скромную гордость, хотя она и не кажется гордостью ни съ которой стороны — толико-то она показываетъ себя отрекшеюся всего того, что прельщаетъ другихъ! Ежели ее осуждаютъ, она сноситъ нетерпѣливо осужденіе; ежели люди, коихъ она любитъ, и которымъ дѣлаетъ услуги, не платятъ за сіе дружбою, почтеніемъ и довѣренностью, — то она живо симъ оскорбляется. Изъ сего можно видѣть, что она не безкорыстна, хотя и усиливается показать себя таковою; правда, она не хочетъ, чтобъ ей платили столь грубою монетою, какъ другимъ; ей не нужны ни глупыя похвалы, ни деньги, ни щастіе, въ отличныхъ должностяхъ и достоинствахъ состоящее; однако же она хочетъ, чтобъ ей платили; она ищетъ уваженія честныхъ людей; хочетъ любить для того, чтобы ее взаимно любили, и имѣли вниманіе къ ея безкорыстію; она кажется забывающею себя единственно для того, чтобы лучше занимать собою цѣлое общество.

Это не значитъ, чтобы человѣкъ, гордостію обладаемый, дѣлалъ всѣ сіи размышленія открытымъ образомъ; онъ не говоритъ: я хочу обмануть всѣхъ людей моимъ безкорыстіемъ, дабы всѣ любили меня и удивлялись мнѣ; нѣтъ, онъ не осмѣлится сказать самому себѣ столь грубыхъ нелѣпостей; но онъ обманывается, обманывая другихъ; онъ любуется собою въ своемъ безкорыстіи, какъ прекрасная женщина въ своемъ зеркалѣ; онъ утѣшается самъ собою, видя себя искреннѣйшимъ и безкорыстнѣйшимъ, неже-

ли другіе люди; мечтаніе, которое онъ распространяетъ на другихъ, обращается на него самаго; онъ выдаетъ себя другимъ не иначе, какъ за то, чѣмъ думаетъ быть дѣйствительно, то есть за безкорыстнаго — и сіе-то наиболѣе льститъ ему.

Естьли мы хотя нѣсколько войдемъ основательнымъ образомъ во внутренность самихъ себя, дабы замѣтить то, что намъ пріятно и непріятно, то легко согласимся, что гордость, смотря потому, грубѣе ли она, или нѣжнѣе, имѣетъ различныя склонности.

Но гордость, сколь бы она хорошую ни имѣла наружность, всегда есть гордость — и та, которая кажется умѣреннѣйшею и разумнѣйшею, есть наиболѣе діявольская; ибо, уважая себя, она презираетъ другихъ; она сожалѣетъ о людяхъ, которые услаждаются глупымъ тщеславіемъ; она почитаетъ за ничто величія и высочайшія степени; не можетъ терпѣть людей, которые упиваются своимъ щастіемъ, и хочетъ посредствомъ своей умѣренности вознестись превыше самаго щастія, и такимъ образомъ доставить себѣ новую степень возвышенія, дабы видѣть подъ своими ногами всю ложную славу рода человѣческаго: это значитъ хотѣть, подобно Люциферу, содѣлаться равнымъ Всевышнему. Хотятъ быть нѣкоторымъ видомъ Божества, превыше страстей и выгодъ человѣческихъ, и не замѣчаютъ того, что сія обманчивая гордость, насъ ослѣпляющая, поставляетъ насъ превыше цѣлаго рода человѣческаго.

И такъ заключимъ, что кромѣ любви къ Богу нѣтъ ничего такого, что бы могло заста-

вить насъ выдти изъ самихъ себя. Ежели бы не подкрѣпляла насъ всемогущая Десница Божія, то мы не могли бы сдѣлать ни одного шага внѣ насъ самихъ.

Нѣтъ средины между сими двумя крайностями: должно относить все къ Богу, или къ намъ самимъ. Ежели мы относимъ все къ самимъ себѣ, то не имѣемъ другаго Бога, кромѣ сего *я*, о которомъ столько говорено; ежели напротивъ относимъ все къ Богу, то находимся въ порядкѣ, — и тогда, взирая на себя не болѣе, какъ и на другія творенія, оставивъ собственную пользу, и имѣя въ виду единственно исполненіе воли Божіей, мы входимъ въ сіе отреченіе отъ самихъ себя, которое вы желаете хорошо разумѣть.

Но еще разъ: ничто столько не можетъ закрыть ваше сердце для благодати отреченія, какъ сія философическая гордость и сіе свѣтское благородство, коему вы должны не довѣрять по причинѣ естественной склонности и привычки, которую весьма многіе къ нему имѣютъ. — Чѣмъ болѣе мы имѣемъ по своему сложенію свободы мыслей, безкорыстія, удовольствія дѣлать добро, тонкости чувствованія, стремленія къ честности и дружбѣ безкорыстной, тѣмъ болѣе должно отрѣшать себя отъ себя самихъ, и страшиться возхищенія собою въ сихъ естественныхъ дарахъ.

Что никакая тварь не можетъ извлечь насъ изъ насъ самихъ, сіе происходитъ отъ того, что нѣтъ ни одной, которая бы заслуживала, чтобъ мы предпочитали ее самимъ себѣ. Не находится ни одного созданнаго существа, кото-

рое бы имѣло право похищать насъ отъ насъ самихъ, или совершенства, необходимаго къ тому, чтобы привязать насъ къ себѣ безъ обращенія къ намъ самимъ, или наконецъ возможности напитать наше сердце въ семъ отрѣшеніи. Отъ того происходитъ, что мы не любимъ ничего внѣ себя иначе, какъ для того, чтобы относить оное къ себѣ самимъ: мы избираемъ предметы любви нашей или слѣдуя нашимъ скотскимъ и грубымъ страстямъ, — ежели оныя составляютъ основаніе нашего характера, или слѣдуя склонности, которую гордость наша имѣетъ къ славѣ, ежели мы имѣемъ довольно разборчивости, чтобы не довольствоваться тѣмъ, что принадлежитъ къ скотскому состоянію.

Но Богъ дѣлаетъ двѣ вещи, которыя Онъ единъ можетъ дѣлать: и первое состоитъ въ томъ, что Онъ показываетъ намъ Себя со всѣми Его правами на тварь Свою и со всѣми красотами Его доброты. Мы весьма чувствуемъ, что не создали самихъ себя, и что слѣдовательно созданы не для насъ самихъ, а для славы Того, Которому угодно было создать насъ; что Онъ весьма великъ для того, чтобы создать что-либо не для Самаго Себя, — и что такимъ образомъ все наше совершенство и все наше щастіе есть терять себя въ Немъ.

Вотъ то, чего никакое твореніе, сколь бы оное ни было блистательно, не можетъ никогда заставить насъ къ себѣ чувствовать. Далече отъ того, чтобы находить въ немъ сіе безконечное, которое насъ исполняетъ и которое возхищаетъ насъ въ Богѣ, мы находимъ всегда напротивъ въ твари пустоту, невозможность

исполнить наше сердце, и несовершенство, которое заставляетЪ насЪ опять обращаться кЪ самимЪ себѣ.

Второе чудо, которое БогЪ дѣлаетЪ, есть то, что ОнЪ движетЪ наше сердце, какЪ Ему угодно, просвѣтивЪ прежде нашЪ разумЪ. ОнЪ не довольствуется тѣмЪ, чтобы показывать Себя безконечно любезнымЪ; но заставляетЪ любить Себя, производя посредствомЪ Своея благодати любовь кЪ Себѣ вЪ сердцахЪ нашихЪ. ТакимЪ образомЪ ОнЪ СамЪ исполняетЪ вЪ насЪ то, что заставляетЪ насЪ почитать долженствующимЪ Ему сЪ нашей стороны.

Вы можетЪ быть скажете, что желательно бы знать ощутительнѣйшимЪ и подробнѣйшимЪ образомЪ, что такое значитЪ *отрещись себя*. Я постараюсь васЪ удовольствовать.

Легко понять можно, что мы должны отказаться отЪ виновныхЪ удовольствiй, несправедливыхЪ выгодЪ и грубыхЪ суетностей; поелику отреченiе отЪ всѣхЪ сихЪ вещей состоитЪ вЪ презрѣнiи, при которомЪ отвергаемЪ ихЪ совершенно и осуждаемЪ всякое наслажденiе оными, — но не столь легко понимать отреченiе отЪ благЪ, законнымЪ образомЪ прiобрѣтенныхЪ, отЪ прiятностей честной и скромной жизни, наконецЪ отЪ чести, которая основывается на добромЪ имени и добродѣтели, превыше зависти вознесенной.

Затрудненiе, которое мы имѣемЪ понимать, почему должно отказаться отЪ сихЪ вещей, происходитЪ отЪ того, что не должно отвергать ихЪ сЪ ужасомЪ, а напротивЪ надлежитЪ сохранять ихЪ, дабы пользоваться оными, со-

образно состоянію, въ которомъ Божественное Провидѣніе насъ поставило.

Мы имѣемъ нужду въ утѣшеніяхъ пріятной и спокойной жизни, дабы подкрѣпить себя въ трудныхъ ея обстоятельствахъ; должно для сохраненія чести имѣть вниманіе къ благопристойности; должно для нуждъ своихъ сохранять блага, которыми мы обладаемъ. Какъ же отказаться отъ всѣхъ сихъ вещей, когда мы занимаемся попеченіемъ сохранять ихъ? — Должно дѣлать умѣреннымъ образомъ и безъ страсти все то, что можно, дабы сохранить сіи вещи для того, чтобы употреблять ихъ съ воздержностію, а не хотѣть наслаждаться ими и прилѣплять къ нимъ свое сердце.

Я говорю: *употреблять съ воздержностію;* ибо, когда мы не привязываемся къ вещи съ страстію, дабы оною наслаждаться и искать въ ней своего щастія, то беремъ отъ нея токмо то, безъ чего обойтись невозможно, подобно какъ благоразумный домостроитель старается не брать изъ имѣнія своего господина ничего, кромѣ того, что ему точно необходимо для истинныхъ его нуждъ.

Такимъ образомъ способъ отказываться отъ худыхъ вещей есть отвергать употребленіе оныхъ съ ужасомъ, а способъ отказываться отъ добрыхъ есть не употреблять оныхъ никогда иначе, какъ съ воздержаніемъ и для необходимости, стараясь отсѣкать всѣ воображаемыя нужды, коими жадная натура ищетъ себѣ потворствовать.

Замѣтьте, что должно отказаться не токмо отъ худыхъ вещей, но и отъ добрыхъ; ибо

І. Христосъ говоритъ безъ исключенія, что ежели кто не отречется всего того, чѣмъ Онъ обладаетъ, не можетъ быть Его ученикъ.

И такъ должно, чтобы каждый Христіянинъ отказался отъ всего того, чѣмъ онъ владѣетъ, и даже отъ самыхъ невинныхъ вещей; поелику онѣ престанутъ быть таковыми, ежели онъ отъ нихъ не отречется.

Онъ долженъ отказаться даже отъ тѣхъ вещей, которыя обязанъ сохранять съ великимъ тщаніемъ, какъ-то благо своего семейства, или собственное свое доброе имя. — Поелику онъ не долженъ прилѣплять свое сердце ни къ одному изъ всѣхъ сихъ предметовъ, онъ долженъ сохранять ихъ единственно для воздержнаго и умѣреннаго употребленія; наконецъ, онъ долженъ быть готовъ все потерять всякой разъ, когда Провидѣніе возхощетъ лишить его оныхъ.

Онъ долженъ также отрещись людей, которыхъ любитъ, и которыхъ любить обязанъ. Отреченіе отъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобъ любить ихъ не иначе, какъ для Бога, употреблять воздержно и для нужды утѣшенія ихъ дружбы; быть готовымъ потерять ихъ, когда Богу сіе угодно будетъ, и не искать никогда въ нихъ истиннаго спокойствія своего сердца. Такова чистота истинной Христіянской дружбы, которая ищетъ единственно священнаго Супруга въ земномъ и смертномъ другѣ. Находясь въ семъ состояніи, мы употребляемъ тварь и міръ, какъ бы не употребляя оныхъ, по выраженію Св. Павла (*). Не хотимъ наслаждаться,

(*) Е. къ Коринф. 7, 31.

а единственно пользуемся тѣмъ, что Богъ далъ, и что Онъ повелѣваетъ намъ любить — и пользуемся симъ съ умѣренностію сердца, которое употребляетъ что-либо земное не иначе, какъ по необходимости, и сохраняетъ себя для достойнѣйшаго предмета.

Въ семъ-то смыслѣ І. Христосъ повелѣваетъ намъ оставить отца, мать, братьевъ, сестръ, друзей, и говоритъ, что Онъ пришелъ внести мечь въ средину семействъ.

Богъ есть Ревнитель: ежели вы привязаны во внутренности сердца къ какой-либо твари, то ваше сердце болѣе Его недостойно; Онъ отвергаетъ его какъ супругу, которая дѣлитъ себя между супругомъ и постороннимъ.

Отрекшись всего того, что находится внѣ насъ и что не есть мы сами, должно наконецъ приступить къ послѣднему жертвоприношенію, которое есть отреченіе отъ всего, что есть въ насъ, и отъ насъ самихъ.

Отреченіе отъ нашего тѣла наводитъ ужасъ большей части изнѣженныхъ свѣтскихъ людей. Сіи слабые люди не знаютъ ничего, что бы существеннѣе составляло ихъ самихъ, нежели ихъ тѣло, которое они ласкаютъ и украшаютъ съ толикимъ стараніемъ. Даже часто случается, что сіи люди, будучи ослѣплены красотами тѣла, сохраняютъ любовь къ тѣлесной жизни, которая доводитъ ихъ до постыдной трусости и заставляетъ дрожать при одномъ имени смерти.

Я вѣрю, что ваше естественное мужество возноситъ васъ превыше сихъ страховъ; вы можетъ быть скажете: Я не хочу ни ласкать

мое тѣло ни медлить согласиться на его разрушеніе, когда Богу угодно будетъ разрушить его и превратить въ прахъ, изъ коего оно создано. —

Но хотя мы и отрекаемся такимъ образомъ отъ своего тѣла, все еще остаются великія препятствія къ отреченію отъ своего духа. Чѣмъ болѣе мы презираемъ сіе бренное тѣло, тѣмъ болѣе впадаемъ въ искушеніе уважать то, что носимъ во внутренности самихъ себя, и которое столь возвышено, что достигаетъ даже до презрѣнія сего тѣла.

Люди въ разсужденіи своего разума, своей мудрости и своей добродѣтели суть то же, что молодая свѣтская женщина въ разсужденіи своей красоты: любуются въ оныхъ самими собою; знаютъ быть по доброй волѣ мудрыми, воздержными и предохранять себя отъ омраченія другихъ, и чрезъ сіе-то упиваются самымъ удовольствіемъ не казаться ослѣпленными благодѣйствіемъ; отказываются по воздержанію, мужества исполненному, отъ наслажденія всѣмъ тѣмъ, что міръ имѣетъ прелестнѣйшаго: но хотятъ наслаждаться самою своею умѣренностію.

О, сколь сіе состояніе опасно! сколь тонокъ ядъ сей! Колико вы измѣните Богу, ежели предадите ваше сердце сему утонченію самолюбія! Должно отрещись всякаго услажденія и всякаго естественнаго самодовольствія, изъ вашей мудрости и добродѣтели проистекающаго.

Замѣтьте, что чѣмъ чище и превосходнѣе бываютъ дары Божіи, тѣмъ болѣе Богъ къ онымъ ревнуетъ.

Онъ даровалъ милосердіе первому человѣку-грѣшнику, и осудилъ безъ милосердія Ангела-возмутителя. Ангелъ и человѣкъ согрѣшили чрезъ любовь къ самимъ себѣ; но какъ Ангелъ былъ толико совершенъ, что впалъ въ искушеніе почитать себя нѣкоторымъ видомъ Божества, то Богъ наказалъ его невѣрность строжайшимъ образомъ, нежели какъ наказалъ невѣрность перваго человѣка. И такъ заключимъ, что Богъ ревнуетъ болѣе къ Своимъ дарамъ превосходнѣйшимъ, нежели къ обыкновеннымъ; Онъ хочетъ, чтобы не стремились ни къ чему, кромѣ Его, и чтобы прилѣплялись къ Его дарамъ, сколь бы чисты оныя ни были, не иначе, какъ слѣдуя Его намѣреніямъ, дабы удобнѣйшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ соединить насъ съ Самимъ Собою. Кто взираетъ съ самодовольствіемъ и нѣкоторымъ услажденіемъ собственнолюбія на даруемую ему благодать, тотъ ее въ ядъ обращаетъ.

И такъ не присвоивайте себѣ не токмо внѣшнія вещи, какъ-то щастіе, ваши таланты и проч., но даже и дары внутренніе. Ваша добрая воля есть не менѣе даръ милосердія, какъ бытіе и жизнь, которыя происходятъ отъ Бога. Живите, какъ бы вы получили жизнь заимственно: все то, что находится въ васъ, и все то, что составляетъ васъ самихъ, есть ничто иное, какъ благо заемное; пользуйтесь онымъ сообразно намѣренію Того, Который васъ имъ ссужаетъ, но не располагайте никогда какъ бы благомъ, вамъ принадлежащимъ.

Въ семъ-то духѣ отчужденія всякой собственности и простаго употребленія самаго себя

къ тому, чтобы слѣдовать намѣреніямъ Бога, Который Единъ есть истинный Обладатель Своея твари, состоитъ основательное отреченіе отъ самихъ себя.

Можетъ быть вы спросите, какая должна быть въ подробности практика сего отреченія и отчужденія самаго себя? Но я буду отвѣчать вамъ, что сіе чувствованіе не ранѣе бываетъ въ основаніи воли, какъ тогда, когда Богъ руководствуетъ душу шагъ за шагомъ, дабы упражнять ее въ семъ отреченіи во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ.

Мы отрекаемся самихъ себя не посредствомъ трудныхъ размышленій и не чрезъ безпрерывныя напряженія, а теряемъ себя въ Богѣ единственно тогда, ежели воздерживаемся отъ того, чтобы искать себя во всемъ и хотѣть обладать собою по своему способу.

XII.

Объ отрѣшеніи отъ самаго себя.

Когда я сказалъ, что ежели кто не привязанъ къ самому себѣ посредствомъ воли, тотъ истинно отрѣшенъ отъ себя, то я хотѣлъ чрезъ сіе предупредить или излѣчить сомнѣнія, которыя могутъ случиться касательно обращеній на самаго себя. Души вѣрныя самоотверженію часто бываютъ возмущены нѣкоторыми видами собственной пользы, къ коей онѣ стремятся говоря, или дѣйствуя. Онѣ боятся, что не противостояли тщетному самодовольствію, побужденію славы, склонности къ спокойствію, иска-

нію самаго себя въ утѣшеніяхъ добродѣтели. Все сіе наводитъ страхъ нѣжной душѣ — и она обвиняетъ себя въ подобныхъ недостаткахъ. Дабы ее успокоить, нужно сказать ей, что всякое благо и всякое зло существуютъ въ волѣ. Когда сіи обращенія къ своей собственной пользѣ бываютъ непроизвольны, то они не препятствуютъ намъ быть истинно отрѣшенными отъ самихъ себя.

Но вы скажете: когда мы дѣйствительно отрѣшены отъ себя, то можемъ ли имѣть невольнымъ образомъ сіи виды собственной пользы, которые были бы произвольны? На сіе я отвѣчаю, что рѣдко случается, чтобы душа, истинно отрѣшенная отъ себя и прилѣпленная къ Богу, изыскивала еще собственной своей пользы умышленнымъ образомъ. Но дабы доставить ей свободу и избавить отъ безпрерывныхъ замѣшательствъ, должно удостовѣрить ее, что невольныя обращенія къ собственной нашей пользѣ не дѣлаютъ насъ непріятными Богу, также какъ и другія искушенія, на которыя мы не даемъ никакого согласія. Впрочемъ должно разумѣть, что люди, которые имѣютъ искреннее благочестіе, но которые несовершенно еще умерли спокойствію жизни, или дружбѣ, позволяютъ себѣ нѣсколько искать себя во всѣхъ сихъ вещахъ, и сіе дѣлаютъ не прямымъ и открытымъ образомъ, но оставляютъ себя увлекаться ими какъ бы по случаю. Всѣ сіи вещи служатъ къ тому, чтобы привязывать насъ къ намъ самимъ, и очевидный сего знакъ есть то, что ежели что-либо колеблетъ сіи подпоры природы нашей, то она приходитъ въ отчаяніе. Ежели какой-либо слу-

чай возмущаетъ спокойствіе нашей жизни, угрожаетъ нашей доброй славѣ, или отвлекаетъ отъ насъ людей, коихъ дружбу мы дорого цѣнимъ, то мы чувствуемъ тогда въ себѣ живую горесть, которая означаетъ, колико самолюбіе еще живо и чувствительно.

И такъ мы придерживаемся еще себя, не замѣчая себя въ томъ, и токмо случаи потери открываютъ намъ глубину нашего сердца. Токмо по мѣрѣ того, какъ Богъ извлекаетъ насъ изъ насъ самихъ, мы теряемъ въ себѣ худую и неправедную собственность посредствомъ жертвоприношенія, которое мы Ему изъ оныя дѣлаемъ.

Все то, что называютъ умѣреннымъ употребленіемъ, не столько удостовѣряетъ насъ въ нашемъ отрѣшеніи, сколько мы въ томъ бываемъ увѣрены посредствомъ спокойнаго лишенія. Токмо одна потеря, и притомъ такая, которую Богъ Самъ производитъ, истинно отчуждаетъ насъ отъ всякой собственности.

Въ семъ состояніи искренняго, но еще несовершеннаго благочестія, мы имѣемъ безконечное множество сихъ тайныхъ изысканій самаго себя. Бываетъ время, въ которое мы еще не видимъ ихъ подробнымъ образомъ, и когда Богъ не позволяетъ внутреннему свѣту простираться далѣе, какъ соразмѣрно силѣ приносить себя въ жертву. І. Х. говоритъ внутри насъ то, что Онъ сказалъ Своимъ Апостоламъ: *Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (*).

(*) Іоан. 16, 12.

Мы видимъ въ себѣ добрыя намѣренія, которыя суть истинны; но ужаснулись бы, естьли бы могли увидѣть, сколь ко многому еще сердце наше прилѣплено. Таковыя привязанности не суть слѣдствіе отрѣшенной воли нашей, и дѣлаются безъ размышленія; мы не говоримъ въ самихъ себѣ: я имѣю ихъ и хочу имѣть; но, не смотря на сіе, имѣемъ ихъ, и даже иногда боимся слишкомъ углубляться въ самихъ себя и находить ихъ тамо. Чувствуемъ свою слабость и не осмѣливаемся проникать далѣе. Также иногда хотѣли бы найти все, дабы принести все въ жертву; но это есть нескромная и безразсудная ревность, подобная ревности Св. Петра, который говорилъ: я готовъ умереть — и служанка заставила трепетать его. Мы ищемъ открыть всѣ свои слабости — и Богъ щадитъ насъ въ семъ изысканіи. Онъ отказываетъ намъ въ свѣтѣ, рановременномъ для нашего состоянія; Онъ не позволяетъ, чтобъ мы видѣли въ нашемъ сердцѣ то, чего не наступило еще время изъ онаго исторгнуть. Такова удивительная снисходительность благости Божіей, что Онъ не возбуждаетъ насъ никогда внутренно посвящать Ему какую-либо вещь, которую мы любимъ и которою обладаемъ, не давъ намъ къ сему свѣта, и не даетъ намъ никогда свѣта къ жертвоприношенію, не давъ къ оному силы. Даже до сего времени мы бываемъ въ разсужденіи сего жертвоприношенія то же, что Апостолы были касательно того, что І. Х. предсказывалъ имъ о Своей смерти: они не понимали ничего, и ихъ очи были затворены для свѣта. Души праведнѣйшія и неусыпнѣйшія противъ своихъ недо-

статковЪ находятся еще вЪ семЪ состояніи темноты касательно нѣкоторыхЪ отрѣшенностей, которыя БогЪ сохраняетЪ для отдаленнѣйшаго вѣры и смерти состоянія. Не должно хотѣть предускорять время оныхЪ, а довольно пребывать вЪ мирѣ, сЪ тѣмЪ токмо, ежели будемЪ вѣрны во всемЪ томЪ, что уже знаемЪ. Ежели остается еще что-либо знать, то БогЪ намЪ и сіе откроетЪ.

ОнЪ сокрываетЪ отЪ насЪ завѣсою милосердія то, что мы были бы неспособны еще носить. Люди имѣютЪ нѣкоторую нетерпѣливую ревность кЪ своему собственному совершенству; хотятЪ видѣть тотчасЪ все, и принести все вЪ жертву; но смиренное ожиданіе подЪ управленіемЪ БожіимЪ и спокойное сношеніе самаго себя безЪ ласкательства себѣ вЪ семЪ состояніи мрака и зависимости несравненно полезнѣе для насЪ кЪ тому, чтобы умереть самимЪ себѣ, нежели всѣ сіи безпокойныя усилія достигнуть кЪ нашему совершенству.

И такЪ удовольствуемся тѣмЪ, чтобы слѣдовать безостановочно, не взирая вЪ отдаленность, тому свѣту, который намЪ дается отЪ одного мгновенія до другаго. Это есть хлѣбЪ насущный; БогЪ не даетЪ его иначе, какЪ токмо для одного дня. ОнЪ есть также манна; кто хочетЪ взять ея двойной участокЪ, и имѣть вЪ запасѣ для завтрашняго дня, тотЪ ошибается грубымЪ образомЪ: она испортится вЪ его рукахЪ, и онЪ не болѣе можетЪ употребить ее, какЪ и тотЪ, который взялЪ ее токмо для одного дня.

Къ сей-то дѣтской зависимости Богъ хочетъ преклонить насъ даже въ отношеніи къ дарамъ духовнымъ. Онъ расточаетъ намъ свѣтъ внутренній, подобно какъ благоразумная мать даетъ своей дочери дѣло для занятія: она не прежде даетъ ей новое, какъ тогда, когда уже первое будетъ кончено.

Ежели вы окончили все то, что Богъ положилъ предъ вами, то Онъ въ то же мгновеніе дастъ вамъ новую работу; ибо Онъ не оставляетъ никогда душу праздною въ дѣлѣ отрѣшенія. Ежели, напротивъ, вы еще не кончили первой работы, то Онъ скрываетъ отъ васъ то, что должно слѣдовать. Путешественникъ, которой идетъ пространною, весьма ровною долиною, не видитъ ничего по ту сторону маленькаго возвышенія, которое ограничиваетъ горизонтъ въ отдаленности отъ него; достигнувъ сей возвышенности, онъ открываетъ новое пространство, столь же обширное, какъ и первое: такимъ образомъ на пути лишенія и отреченія самаго себя мы воображаемъ открыть все съ перваго взгляда, думаемъ, что не сохраняемъ ничего, и не прилѣпляемся ни къ себѣ, ни къ другой какой-либо вещи. Лучше бы желали умереть, нежели замедлить сдѣлать всеобщее жертвоприношеніе.

Но Богъ показуетъ намъ безпрерывно новыя страны въ ежедневныхъ подробностяхъ. — Мы находимъ въ своемъ сердцѣ тысячу вещей, о коихъ поклялись бы, что оныя въ немъ не существуютъ. Богъ показуетъ намъ ихъ токмо по мѣрѣ того, какъ заставляетъ ихъ выходить оттуда. Это подобно вереду, который прорывается; мгновеніе, когда онъ прорывается, есть

одно, которое наводитъ страхъ; прежде носили его не чувствуя, и не думали имѣть его; однакоже его имѣли, и онъ прорвался по сей самой причинѣ. Когда онъ былъ сокрытъ, то мы считали себя здоровыми и чистыми; когда онъ прорвался, тогда почувствовали вонь гноя. Сіе мгновеніе, когда онъ прорывается, есть мгновеніе спасительное, не смотря на то, что оное болѣзненно и отвратительно. Каждый носитъ во глубинѣ своего сердца кучу нечистоты, которая бы заставила его умереть со стыда, естьли бы Богъ показалъ ему всю ядовитость и гнусность оныя; самолюбіе получило бы нестерпимое наказаніе. Я не говорю о тѣхъ, коихъ сердце заражено чрезвычайными пороками; я говорю о душахъ, которыя кажутся праведными и чистыми. Мы увидѣли бы глупое тщеславіе, которое не смѣетъ открыться, и которое пребываетъ посрамленное въ послѣднихъ изгибахъ нашего сердца. Узрѣли бы въ себѣ самоугожденіе, кичливость гордости, тонкія изысканія самолюбія, и тысячу другихъ внутреннихъ сгибовъ, кои суть толико же дѣйствительны, какъ и неиспытуемы. Мы ихъ увидимъ токмо по мѣрѣ того, какъ Богъ начнетъ изглаждать ихъ. Смотрите, скажетъ Онъ намъ внутренно: вотъ поврежденіе, которое таилось во глубинѣ бездны вашего сердца. Послѣ сего прославляйте себя, и обѣщайте себѣ что-либо отъ самихъ себя.

И такъ оставимъ дѣйствовать Бога, и ограничимъ себя тѣмъ, чтобъ быть вѣрными свѣту настоящаго мгновенія. Онъ приноситъ съ собою все то, что намъ нужно, дабы приуготовить насъ къ свѣту слѣдующаго мгновенія; и сіе сцѣп-

леніе даровъ благодати, которыя входятъ, какъ кольца цѣпи, одно въ другое, пріуготовляетъ насъ нечувствительно къ отдаленнѣйшимъ жертвоприношеніямъ, о которыхъ мы въ настоящее время и понятія не имѣемъ. — Сіе умертвіе намъ самимъ и всему тому, что мы любимъ, которое есть еще всеобщее и поверхностное въ нашей волѣ, открывъ прежде наружность, пуститъ потомъ глубокіе корни во внутреннѣйшемъ сей воли. Оное проникнетъ даже до центра, не оставитъ ничего твари, и изгонитъ въ наружность безъ остатка все то, что не есть Богъ.

Впрочемъ, вѣрьте словамъ другаго, покамѣстъ опытность не заставитъ васъ чувствовать, что сіе отрѣшеніе отъ себя и всего того, что мы любимъ, вмѣсто того, чтобъ умертвить всякую добрую дружбу и ожесточить сердце, производитъ напротивъ въ Богѣ дружбу не токмо чистую и постоянную, но и совершенно сердечную, вѣрную, снисходительную, исполненную пріятнаго обращенія, и въ ней находятъ всѣ прелести той дружбы, которой сама натура ищетъ для своего утѣшенія.

XIII.

О насиліи, которое каждый Христіянинъ долженъ дѣлать себѣ безпрерывно.

Кому, думаете вы, говоритъ Св. Павелъ (*): *Мы буи Христа ради, вы же мудри о*

(*) I. Къ Коринф. 4, 10.

Христѣ? Это вамъ, это мнѣ, а не тѣмъ людямъ, которые потеряли всякой стыдъ, и которые совсѣмъ не знаютъ Бога; такъ, это намъ, которые думаемъ трудиться для своего спасенія, но не оставляемъ бѣгать буйства креста и искать средствъ казаться мудрыми въ глазахъ міра; это намъ, которые не трепещемъ, видя нашу слабость. Гдѣ Св. Павелъ находитъ себя слабымъ, тамъ мы находимъ себя крѣпкими; и мы не можемъ не согласиться, что, не смотря на добрыя наши намѣренія, мы почти противоположны сему великому Апостолу. Сіе состояніе не должно казаться намъ хорошимъ: и такъ размыслимъ о семъ, — и сдѣлавъ себѣ надлежащее испытаніе, увидимъ, въ чемъ мы различествуемъ отъ истинныхъ служителей Божіихъ.

Будемъ подражатели І. Христа, сдѣлавшись подражателями Св. Павла (*), который представляетъ намъ себя за образецъ; сравнивая себя съ симъ первымъ образцомъ, мы не должны болѣе имѣть угожденій для міра, угожденій для насъ самихъ и снисходительности къ нашимъ страстямъ, къ нашимъ чувствамъ и къ нашей духовной слабости. Не въ словахъ состоитъ практика добродѣтели; они недостаточны къ тому, чтобы приближить насъ къ царствію Божію: но ее составляютъ сила, мужество и насиліе, которое мы себѣ дѣлаемъ, насиліе во всѣхъ случаяхъ, когда должно противостоять влеченію міра, который препятствуетъ намъ

(*) Тамъ же 11, 1.

дѣлать добро, заставлявши насъ прежде столько времени исполнять зло; насиліе, когда должно отказаться отъ нѣкоторой части нужнаго, дабы не обмануться, думая отрещись отъ излишняго; насиліе, когда должно умертвить себя по духу, умертвивъ прежде по тѣлу, и не думая, чтобы Богъ долженствовалъ намъ за сіе чѣмъ-либо; насиліе, дабы умножить часы молитвы, чтенія и уединенія; насиліе, чтобы почитать всегда совершенно хорошимъ то состояніе, въ которомъ мы находимся, не желая ни большаго спокойствія, ни большей чести, ни лучшаго здравія, ни другаго общества, даже честныхъ людей; наконецъ, насиліе, дабы достигнуть сей степени равнодушія, безусловно необходимаго для Христіянина, которой не имѣетъ другой воли, кромѣ воли Бога, Творца Своего; которой вручаетъ Ему успѣхъ всѣхъ дѣлъ своихъ, хотя и не оставляетъ трудиться надъ оными, которой дѣйствуетъ сообразно своему положенію, но дѣйствуетъ не возмущаясь; которой съ удовольствіемъ созерцаетъ Бога, и не боится быть отъ Него видимымъ; который надѣется, что сей взоръ послужитъ къ исправленію его недостатковъ, и который пребываетъ спокойнымъ, видя, что Богъ по Своему милосердію назначаетъ ему наказаніе за его прегрѣшенія. Вотъ гдѣ вы должны остановиться, дабы вы могли въ возмущеніи и суетахъ жизни свѣтской сохранять себя въ мирѣ. Боже великій! можемъ ли мы надѣяться, чтобы въ насъ было видимо что-либо изъ жизни І. Христа? Чѣмъ болѣе боимся мы страданій, тѣмъ болѣе имѣемъ въ оныхъ нужду.

XIV.

Царствіе Божіе дается токмо тѣмъ, которые исполняютъ Его волю.

Спасеніе не зависитъ единственно отъ того, чтобы не дѣлать зла; должно еще присоединить къ сему исполненіе добра. Царство небесное слишкомъ великой цѣны для того, чтобъ могло быть наградою страху раба, который воздерживается отъ зла единственно потому, что не смѣетъ его дѣлать. Богъ ищетъ дѣтей, любящихъ Его благость, а не рабовъ, которые служатъ Ему не иначе, какъ страшась Его могущества. И такъ должно любить Его, и слѣдовательно дѣлать все то, чему научаетъ истинная любовь.

Многіе люди, которые кажутся впрочемъ благонамѣренными, обманываются касательно сего предмета; но легко вывести ихъ изъ заблужденія, ежели они захотятъ разсмотрѣть его по доброй совѣсти.

Заблужденіе ихъ происходитъ отъ того, что они не знаютъ ни Бога, ни самихъ себя. Они ревнуютъ къ своей вольности, и боятся потерять ее, предаваясь слишкомъ благочестію; но они должны разсмотрѣть, что они не существуютъ для самихъ себя: они принадлежатъ Богу, Который, создавъ ихъ для Себя, а не для нихъ самихъ, долженствуетъ ихъ руководствовать, какъ Ему угодно, съ отрѣшенною властію. Они долженствуютъ Ему собою всесовершенно и безусловно. Мы не имѣемъ даже, говоря собственно, права предавать себя Богу, ибо мы

не имѣемъ никакого права на самихъ себя; по ежели мы не предаемъ себя Богу, какъ вещь, которая по своей натурѣ принадлежитъ совершенно Ему, то дѣлаемъ святотатство, которое низпровергаетъ порядокъ натуры и нарушаетъ существенный законъ творенія.

Не наше дѣло разсуждать о законѣ, который Богъ на насъ налагаетъ; но наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы принять его, покланяться ему и слѣпо оному слѣдовать. Богъ знаетъ лучше, нежели мы, то, что намъ приличествуетъ. Естьли бы мы сдѣлали Евангеліе, то можетъ быть впали бы въ искушеніе ослабить его предписанія, дабы приспособить его къ нашей слабости; но Богъ не совѣтовался съ нами, творя его: Онъ далъ его совсѣмъ готовое, и не оставилъ намъ никакой надежды ко спасенію, кромѣ исполненія сего высочайшаго закона, который одинаковъ для всѣхъ состояній. *Небо и земля прейдутъ — словеса же* сіи живота или смерти *не прейдутъ никогда* (*). Не возможно отнять отъ него ни одного слова, ни одной буквы. Горе Священникамъ, которые осмѣлятся ослабить силу онаго, дабы облегчить насъ! Они не сдѣлали сего закона, и суть токмо простые хранители онаго. И такъ не должно относиться къ нимъ, дабы избѣжать строгости Евангельскаго закона. Сей законъ толико же страшенъ для нихъ, какъ и для прочихъ людей, — и еще болѣе для нихъ, нежели для другихъ, поелику они будутъ отвѣчать и за другихъ и за самихъ

(*) Матф. 24, 35.

себя о сохраненіи сего закона. Горе слѣпцу, который водитъ другаго, говоритъ Сынъ Божій: они упадутъ оба въ яму. Горе Священнику-невѣждѣ, или слабому и льстецу, который хочетъ разширить путь тѣсный; ибо путь широкій есть тотъ, который ведетъ къ погибели (*).

И такъ да молчитъ гордость человѣческая! Мы думаемъ имѣть право разполагать собою, и не имѣемъ онаго; мы обязаны сносить иго закона, и надѣяться, что Богъ дастъ намъ силы, соразмѣрныя тяжести сего ига. Дѣйствительно, Тотъ, Кто имѣетъ верховную власть надъ Своимъ твореніемъ, дабы повелѣвать ему, даетъ ему посредствомъ своей внутренней благодати силу хотѣть и дѣлать то, что Онъ повелѣваетъ.

XV.

Противъ искушеній.

Противъ искушенія я знаю токмо два правила: первое, быть вѣрнымъ внутреннему свѣту, дабы отсѣкать безъ пощады и безъ замедленія все то, что мы можемъ удалить отъ себя, и что служитъ къ возбужденію и укрѣпленію искушеній. Я говорю: все то, что мы можемъ удалить, поелику не всегда отъ насъ зависитъ избѣгать случаевъ. Тѣ, которые соединены съ состояніемъ, въ коемъ Провидѣніе насъ поставило, не должны быть почитаемы находящимися въ нашей власти.

(*) Лук. 6, 39.

Второе правило есть обращаться къ Богу во время искушенія, не возмущаясь и не безпокоясь о томъ, чтобы знать, не дали ли мы на оное полусогласія, и не прерывая своего непосредственнаго стремленія къ Богу. Мы подвергаемся опасности впасть вторично въ искушеніе, желая разсмотрѣть ближайшимъ образомъ, не сдѣлалиль какой-либо невѣрности. Самое кратчайшее и надежнѣйшее средство убѣгать искушеній есть, поступать подобно грудному младенцу: ему показываютъ страшнаго звѣря; онъ отворачивается и скрывается въ объятіяхъ своей матери, чтобъ ничего не видѣть.

Опытъ присутствія Божія есть высочайшее врачевство въ семъ случаѣ; оное подкрѣпляетъ, утѣшаетъ и успокоиваетъ. Не должно удивляться искушеніямъ, и даже самымъ постыднѣйшимъ. Въ Писаніи сказано: *иже не искусися, мало вѣсть (*)*; и еще: *Чадо! аще приступаеши служити Господу Богу, уготови душу твою во искушеніе.* Мы находимся здѣсь на землѣ единственно для того, чтобъ быть испытанными посредствомъ искушенія.

Все есть искушеніе на землѣ. Кресты искушаютъ насъ, раздражая нашу гордость, а благопріятные случаи ласкательствуя оной. Наша жизнь есть безпрерывное сраженіе, но сраженіе такое, въ которомъ І. Христосъ сражается за насъ.

Должно оставить искушенія шумѣть вокругъ насъ, и не переставать идти, подобно,

---

(*) І Сираха 34, 9; тамъ же 2, 1.

какъ путешественникъ, застиженный въ полѣ великимъ вѣтромъ, завертывается въ свой плащъ, и идетъ далѣе, не смотря на худую погоду.

Касательно прошедшаго, ежели мы удовлетворили благоразумнаго духовника, который запрещаетъ намъ возвращаться къ оному, то не остается ничего болѣе дѣлать, какъ повергнуть всѣ свои прегрѣшенія въ бездну милосердія. Даже при живой горести о своихъ грѣхахъ мы имѣемъ нѣкоторую радость, чувствуя, что недостойны ничего, кромѣ вѣчнаго наказанія, и что отъ онаго свободны по милости Бога, Которому всѣмъ долженствуемъ, не могши никогда быть чѣмъ-либо обязанными самимъ себѣ для своего вѣчнаго спасенія.

Когда приходитъ намъ на мысль невольное воспоминаніе прошедшихъ нашихъ недостатковъ, то мы должны токмо пребывать смятенными и уничтоженными предъ Богомъ, нося спокойно предъ Его покланяемымъ лицемъ весь стыдъ и все поношеніе грѣховъ своихъ; но совсѣмъ не должно ни искать, ни приводить себѣ на память сіе весьма опасное воспоминаніе.

Заключимъ, что дабы дѣлать то, чего Богъ хощетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ весьма мало дѣлъ находится. Справедливо, что мы должны чрезвычайно много дѣлать, поелику обязаны никогда и ничего ни сохранять, ни противопоставлять ни на одно мгновеніе сей любви ревнивой, которая преслѣдуетъ всегда безъ отдыха въ самыхъ тайнѣйшихъ изгибахъ души даже малѣйшія собственныя склонности, даже малѣйшія привязанности, коихъ она сама не есть творецъ. Но съ другой стороны ни множество

свѣдѣній, ни строгости къ самому себѣ; ни принужденіе, ни напряженіе не производятъ истиннаго въ семъ успѣха. Напротивъ требуется единственно того, чтобы не хотѣть ничего и хотѣть всего безъ исключенія и безъ выбора; шествовать съ веселіемъ ко свѣту при руководствѣ Провидѣнія; не искать ничего, не отвергать ничего, находить все въ настоящее мгновеніе, оставить дѣйствовать Того, Который творитъ все, и погрузить свою волю безъ всякаго противорѣчія въ волѣ Божіей. О, сколь мы щастливы въ семъ состояніи, и сколь сердце бываетъ насыщено, даже тогда, когда оно совершенно пустымъ кажется!

Будемъ молить Господа, да откроетъ намъ все безконечное пространство Своего отеческаго сердца, да погрузитъ въ ономъ наше собственное, чтобы оно въ немъ потерялось, и чтобы наше и Его сердце составляли не болѣе одного. Сего-то желалъ вѣрнымъ Св. Апостолъ Павелъ въ своихъ Посланіяхъ.

XVI.

О печали.

Что касается до извѣстной печали, которая сжимаетъ сердце и ослабляетъ его, вотъ два правила, кои, кажется мнѣ, нужно наблюдать. Первое есть излѣчать себя отъ оной средствами, которыя Провидѣніе намъ показуетъ, на примѣръ не слишкомъ обременять себя трудными дѣлами, дабы не пасть подъ несоразмѣр-

ною тяжестію; щадить не токмо тѣлесныя свои силы, но также и силы души, не принимая на себя занятій, при коихъ слишкомъ бы надѣялись на свою твердость; оставлять себѣ часы для молитвы, для чтенія и дабы ободрить себя хорошимъ обращеніемъ; даже забавляться, чтобы доставить отдохновеніе вмѣстѣ духу и тѣлу, смотря по надобности.

Должно еще имѣть надежнаго и скромнаго человѣка, которому бы мы могли открыть наше сердце касательно всего того, что не относится къ секрету другаго; ибо сіе открытіе подкрѣпляетъ и облегчаетъ угнѣтенное сердце.

Часто заботы, долгое время скрываемыя, возрастаютъ до того, что разрываютъ сердце. Естьли бы онѣ могли проникнуть во внѣшность, то мы увидѣли бы, что онѣ не заслуживаютъ всей той горести, которую причиняютъ.

Ничто столько не извлекаетъ душу изъ извѣстной глубокой задумчивости, какъ простота и малость, съ которою она старается избѣгнуть своего унынія на счетъ своей славы, требуя свѣта и утѣшенія въ сообщеніи, которое должно быть между чадами Божіими.

Второе правило есть сносить спокойно всѣ невольныя впечатлѣнія печали, кои мы терпимъ, не смотря на вышеизъясненныя вспоможенія и предосторожности.

Внутреннее невольное уныніе заставляетъ насъ больше, нежели все прочее, идти скорѣе по пути вѣры, естьли токмо произвольная слабость души не предастъ ее сей печали, ко-

торая овладѣваетъ, какъ бы насильно, всѣмъ внутреннимъ.

Одинъ шагъ, сдѣланный въ семъ состояніи, бываетъ всегда шагъ гигантскій; онъ стоитъ болѣе, нежели тысяча дѣлъ въ пріятнѣйшемъ и утѣшительнѣйшемъ состояніи. И такъ остается токмо презирать наше уныніе и идти безпрерывно, дабы сдѣлать сіе состояніе слабости полезнѣйшимъ и величайшимъ, нежели состояніе бодрости и силы, наиболѣе героической.

О, сколь сія чувственная бодрость, которая содѣлываетъ все нетруднымъ, которая дѣлаетъ и терпитъ все, которая умѣетъ никогда не останавливаться, есть обманчива! Сколь она питаетъ самонадѣянность и извѣстную надмѣнность сердца! Сіе мужество, которое иногда удивительнымъ образомъ наставляетъ другихъ, питаетъ внутри насъ извѣстное самодовольствіе и свидѣтельство, которое мы воздаемъ самимъ себѣ, и которое есть тонкій ядъ.

Люди имѣютъ пристрастіе къ своей собственной добродѣтели, любуются ею, хотятъ ею обладать, и знаютъ съ удовольствіемъ о ея силѣ.

Душа ослабленная и уничиженная, которая не находитъ болѣе подпоры въ самой себѣ, которая боится, которая возмущена, которая печальна даже до смерти, какъ І. Христосъ, когда Онъ былъ въ саду Геѳсиманскомъ, которая восклицаетъ наконецъ подобно Ему на крестѣ: Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ! гораздо болѣе очищена, болѣе отрѣшена отъ себя самой, болѣе уничтожена и болѣе мертва для всякаго собственнаго желанія, нежели сіи души

сильныя, кои наслаждаются въ мирѣ плодами своей добродѣтели.

Щастлива душа, которую Богъ уничижаетъ, которую поражаетъ, у которой отнимаетъ всю силу, чтобы она не могла болѣе подкрѣплять себя иначе, какъ въ Немъ; которая видитъ свою бѣдность и оною довольна; которая носитъ сверхъ креста внѣшняго великій крестъ внутренній непроизвольнаго унынія, безъ коего всѣ другіе никакого вѣсу не имѣли бы!

XVII.

О разсѣянности и печали.

Вы находитесь въ затрудненіи касательно двухъ вещей: первое, избѣжать разсѣянія, а второе подкрѣплять себя противъ печали. Отъ разсѣянія невозможно излѣчить себя принужденными размышленіями. Не надѣйтесь исполнить дѣло благодати силами и тщаніемъ натуры; удовольствуйтесь совершеннымъ преданіемъ вашей воли Богу, и не думайте никогда ни о какомъ горестномъ состояніи, что вы его не приняли бы чрезъ оставленіе себя Его Божественному провидѣнію.

Берегитесь ускорять когда-либо сіи крестныя мысли; но когда Богъ позволяетъ онымъ приходить къ вамъ безъ всякаго съ вашей стороны исканія, то не оставляйте ихъ никогда проходить безполезно.

Принимайте, не смотря на отвращеніе и ужасъ натуры, все то, что Богъ представитъ

душѣ вашей, какъ испытаніе, посредствомъ коего Онъ могъ бы познать вашу вѣру. Не заботьтесь о томъ, чтобы знать, будете ли вы имѣть силу выполнить при случаѣ то, что вы желали бы сдѣлать въ будущемъ; представившійся случай будетъ имѣть свою благодать; но благодать мгновенія, въ которое вы разсуждаете о сихъ крестахъ, есть принимать ихъ охотно, когда Богъ дастъ вамъ ихъ.

Положивъ сіи основанія, шествуйте спокойно и съ упованіемъ. Ежели только сіе расположеніе вашей воли не будетъ перемѣнено произвольными привязанностями къ какимъ-либо вещамъ противъ порядка Божія, то оное будетъ всегда существовать.

Ваше воображеніе будетъ блуждать по тысячѣ тщетныхъ предметовъ; оно будетъ болѣе, или менѣе волнуемо, смотря по случаямъ, въ коихъ вы будете находиться, и потому болѣе, или менѣе оно будетъ возмущено сильнѣйшими, или слабѣйшими впечатлѣніями. Но что нужды? Воображеніе, какъ говоритъ Св. Тереза, есть домашняя дурочка; она непрестанно дѣлаетъ шумъ и оглушаетъ; самый разумъ ею увлекается, и не можетъ запретить себѣ видѣть предметы, которые она ему представляетъ. Вниманіе къ симъ изображеніямъ неизбѣжно — и сіе вниманіе есть истинное развлеченіе; но ежели оно непроизвольно, то никогда не разлучаетъ съ Богомъ; развлеченія же воли суть вина всего зла.

Ежели вы не хотите никогда имѣть развлеченій, то не будете никогда развлечены, и тогда можно будетъ сказать, что ваша молитва не имѣетъ недостатковъ. Каждый разъ, когда

вы замѣтите въ себѣ развлеченіе, пропускайте оное безъ вниманія, не сражаясь съ нимъ — и вы возвратитесь непримѣтно къ Богу, безъ всякаго напряженія разума.

Какъ скоро вы не замѣчаете въ себѣ таковаго разсѣянія, то сіе значитъ, что оно не есть сердечное; когда же замѣтите его, возведите очи къ Богу. Вѣрность, съ которою вы будете искать Его присутствія всякой разъ, когда вы замѣчаете свое состояніе, заслужитъ вамъ благодать присутствія весьма учащаемаго, и это есть, ежели я не ошибаюсь, средство сдѣлать въ скоромъ времени сіе присутствіе обыкновеннымъ.

Сія вѣрность поспѣшно отвращаться отъ другихъ предметовъ всякой разъ, когда мы замѣчаемъ въ себѣ развлеченіе, не останется долгое время въ душѣ безъ дара частаго и легкаго вхожденія въ самаго себя. Но не должно воображать, чтобъ мы могли войти въ сіе состояніе посредствомъ собственныхъ своихъ усилій; сіе напряженіе сдѣлало бы васъ принужденными, мнительными, безпокойными въ обращеніи и въ дѣлахъ, въ коихъ вы имѣете нужду быть свободными. Вы будете всегда страшиться, чтобы присутствіе Божіе отъ васъ не избѣгло, всегда бѣгать, дабы получить оное обратно — и окружите себя всѣми призраками вашего воображенія.

Такимъ образомъ присутствіе Божіе, которое долженствуетъ своею сладостію и своимъ свѣтомъ облегчить занятіе всѣми другими предметами, кои мы имѣемъ нужду разсматривать въ порядкѣ Божіемъ, заставило бы васъ напротивъ всегда колебаться, и сдѣлало бы почти

неспособнымъ ко внѣшнимъ должностямъ вашего состоянія.

И такъ не заботьтесь никогда о томъ, что сіе ощутительное присутствіе Божіе отъ васъ удалится; но выше всего берегитесь хотѣть присутствія Божія, подкрѣпляемаго многими размышленіями.

Ограничьте себя въ ежедневныхъ подробностяхъ вашихъ занятій всеобщимъ внутреннимъ взоромъ къ Богу, такимъ образомъ, что ежели бы васъ когда-либо спросили, какое есть расположеніе вашего сердца, то справедливо можно было бы сказать, что оно стремится къ Богу, хотя бы тогда вниманіе ваше было обращено къ другому предмету.

Не затрудняйте себя заблужденіями вашего воображенія, коихъ вы не можете удержать: часто развлекаютъ себя страхомъ развлеченій, и потомъ сожалѣніемъ о томъ, что ихъ имѣли.

Что сказали бы вы о человѣкѣ, который, находясь въ пути, вмѣсто того, чтобы идти не останавливаясь, проводилъ бы время въ томъ, чтобы предусматривать паденія, кои могутъ съ нимъ случиться; и когда одно изъ нихъ случилось, обращаться видѣть мѣсто, на которомъ онъ упалъ?

Иди безпрерывно, сказали бы вы ему. Я вамъ говорю то же: идите, не оглядываясь назадъ и не останавливаясь (*). *Ходите*, говоритъ Апостолъ, *да избыточествуете паче.* Изобиліе любви Божіей исправитъ васъ болѣе, неже-

---

(*) I Къ Солун. 4, 1.

ли ваши безпокойства и ваши тщательныя обращенія на самихъ себя.

Сіе правило просто; но натура, пріученная дѣлать все посредствомъ чувствованія и размышленія, находитъ его простымъ до излишества.

Мы хотѣли бы вспомоществовать самимъ себѣ и дать себѣ болѣе движенія; но по сему-то самому и полезно сіе правило, поелику оно содержитъ насъ въ состояніи чистой вѣры, въ коемъ не надѣемся ни на что, кромѣ Бога, и въ которомъ умираемъ самимъ себѣ, уничтожая все то, что происходитъ отъ себя.

Посредствомъ сего не умножаютъ внѣшнихъ занятій благочестія, которыя могли бы принуждать людей, слишкомъ обремененныхъ дѣлами, или вредить здравію; ихъ обращаютъ всѣ къ тому, чтобы любить, но любить просто; наконецъ не дѣлаютъ ничего, кромѣ того, что любовь заставляетъ дѣлать, и такимъ образомъ не бываютъ никогда слишкомъ отягощены, поелику исполняютъ токмо то, что любятъ. Сіе правило, хорошо понимаемое, служитъ также для излѣченія печали.

Часто печаль происходитъ отъ того, что, искавъ Бога, не довольно чувствуютъ Его присутствіе, дабы удовлетворить себя. Хотѣть чувствовать сіе присутствіе не значитъ хотѣть обладать имъ, но хотѣть увѣриться изъ любви къ самимъ себѣ, что имъ обладаютъ, дабы утѣшиться.

Сраженная и унылая натура ищетъ съ нетерпѣливостію извлечь себя изъ сего состоянія чистой вѣры, въ коемъ всякая помощь ей оскудѣваетъ; она находится въ немъ какъ бы на

воздухѣ, и хотѣла бы чувствовать свое преспѣяніе.

Гордость негодуетъ при видѣ своихъ недостатковъ — и сіе негодованіе гордости принимаютъ за чувство раскаянія.

Люди хотѣли бы изъ самолюбія имѣть удовольствіе видѣть себя совершенными; ропщутъ, что не суть таковы; бываютъ нетерпѣливы, высокомѣрны и недовольны самими собою и другими. Плачевное заблужденіе! Какъ будто бы дѣло Божіе могло исполниться посредствомъ нашего огорченія! Можемъ ли мы надѣяться соединиться съ Богомъ мира, потерявши миръ внутренній?

Марфа, Марфа, для чего ты печешься о столь многихъ вещахъ, дабы служить І. Христу? Одно токмо необходимо: любить Его и пребывать внимательною при Его стопахъ.

Когда мы предали себя Богу надлежащимъ образомъ, тогда исполняемъ все, не дѣлая ничего безполезнаго; оставляемъ себя руководствовать съ довѣренностью; въ будущемъ хотимъ всего того, что Богу угодно будетъ, и закрываемъ глаза, дабы не предвидѣть ничего излишняго; однако же стараемся въ настоящемъ о исполненіи Его воли.

Для каждаго дня довольно его благо и его зло. Сіе ежедневное исполненіе воли Божіей есть вступленіе въ Его царство, внутри насъ находящееся, и вмѣстѣ хлѣбъ нашъ насущный.

Мы должны почитать себя невѣрными и виновными въ языческой недовѣрчивости, ежели захотимъ проникнуть въ сіе будущее, которое Богъ отъ насъ скрываетъ; оставимъ оное Ему, ибо Ему принадлежитъ сдѣлать его пріят-

нымъ, или горестнымъ, краткимъ, или долгимъ: да творитъ Онъ то, что есть благо предъ Его очами.

Совершеннѣйшее пріуготовленіе къ сему будущему, каково бы оное ни было, есть умереть всѣмъ собственнымъ своимъ желаніямъ, дабы предать себя всесовершенно волѣ Божіей.

Какъ манна имѣла всѣ вкусы, такъ и сіе всеобщее расположеніе заключаетъ въ себѣ всѣ дары благодати, и всѣ чувствованія, приличныя всѣмъ состояніямъ, которыя Богъ можетъ въ послѣдствіи намъ назначить.

Когда мы такимъ образомъ бываемъ готовы ко всему, тогда бываемъ столь же спокойны въ разсужденіи прошедшаго, какъ и будущаго.

Тогда мы ожидаемъ отъ себя всего худшаго, чего только можно ожидать; но повергаемся съ закрытыми глазами въ объятія Божіи, теряемъ себя въ Немъ, забываемъ себя, и сіе забвеніе самаго себя есть совершеннѣйшее покаяніе: ибо все обращеніе состоитъ единственно въ томъ, чтобы отречься себя, дабы заняться Богомъ. Сіе забвеніе себя есть мученіе для самолюбія: стократно лучше хотѣли бы противорѣчить себѣ, осуждать себя, мучиться тѣломъ и духомъ, нежели забыть себя.

Сіе забвеніе есть уничтоженіе самолюбія, при которомъ оное не находитъ себѣ никакой помощи: тогда сердце расширяется; мы чувствуемъ облегченіе, освободившись отъ всей тяжести самихъ себя, которою были удручены, и приходимъ въ удивленіе, видя, сколь путь, намъ предлежащій, прямъ и простъ. Мы думали, что нужно безпрерывное напряженіе и всегда

какое-либо новое дѣйствіе; напротивъ того примѣчаемъ, что весьма мало должно дѣлать, и что довольно, не разсуждая ни о будущемъ, ни о прошедшемъ, взирать на Бога съ довѣренностію, какъ на благаго Отца, Который руководствуетъ насъ въ настоящее мгновеніе шагъ за шагомъ.

Ежели какое-либо развлеченіе заставитъ насъ потерять изъ виду Его присутствіе, то, не останавливаясь на самомъ развлеченіи, должно обращаться паки къ Тому, отъ Котораго были удалены. Ежели мы дѣлаемъ погрѣшности, то должны приносить покаяніе, которое бы состояло все въ любви: обратимся паки къ Богу, и Онъ дастъ чувствовать то, чего Онъ хощетъ.

Грѣхъ кажется безобразнымъ; но смиреніе, отъ него происходящее и для коего Богъ оный допускаетъ, есть прекрасно.

Сколько размышленія гордости о собственныхъ нашихъ погрѣшностяхъ непріятны, безпокойны и досадны, столько же обращеніе души къ Богу послѣ ея проступковъ бываетъ сосредоточено, мирно и подкрѣпляемо упованіемъ.

Вы будете чувствовать по опыту, что сіе простое и мирное обращеніе содѣлаетъ для васъ несравненно легче ваше исправленіе, нежели вся ваша досада на недостатки, вами обладающіе.

Будьте токмо вѣрны въ томъ, чтобы просто обращаться къ единому Богу съ той минуты, какъ скоро вы замѣтите свою погрѣшность. Вы не должны совѣтоваться съ самими собою, дабы принять свои мѣры. Когда вы ропщете на вашу бѣдность, то я не вижу въ вашемъ совѣтѣ никого, кромѣ васъ самихъ съ вами

же самими. Бѣдный совѣтъ, въ коемъ Богъ не присутствуетъ!

Кто подастъ вамъ руку, дабы выдти изъ грязи? Вы ли это сами? Такъ, вы сами погрузили себя въ нее, и не можете изъ оныя выдти. Сверхъ того, сія грязь есть вы сами; вся сущность вашего зла состоитъ въ невозможности выдти изъ самихъ себя.

Надѣетесь ли вы успѣть въ семъ, встрѣчаясь всегда съ самими собою и питая чрезъ сіе вашу чувствительность познаніемъ своихъ слабостей? Всѣ сіи обращенія на себя послужатъ единственно къ тому, чтобы смягчить васъ къ самимъ себѣ. Но малѣйшій взоръ на Бога утишилъ бы ваше сердце, возмущенное симъ занятіемъ самими собою. Его присутствіе производитъ всегда выступленіе изъ самихъ насъ — и сіе то намъ нужно. Выдьте изъ самихъ себя, и вы будете спокойны. Но какъ выдти изъ себя? Должно токмо обращаться тихо къ Богу и сдѣлать мало помалу къ сему привычку посредствомъ вѣрности обращаться къ Богу всякой разъ, какъ скоро замѣтимъ въ себѣ разсѣяніе.

Что касается до естественной скорби, которая начинается отъ меланхоліи, то она происходитъ единственно отъ тѣла; воздержаніе и лѣкарства могутъ уменьшить оную.

Справедливо, что она всегда опять возвращается, но не есть произвольная. Когда Богъ даетъ ее, то ее должно сносить, какъ лихорадку и другія тѣлесныя болѣзни.

Воображеніе, находясь въ глубокой мрачности, бываетъ совершенно устремлено къ печали; но воля, единственно чистою вѣрою питающаяся,

хочетъ испытать надлежащимъ образомъ сіи впечатлѣнія: такимъ образомъ мы бываемъ въ мирѣ, поелику имѣемъ его непрерывно съ собою и имѣемъ покорность къ Богу.

Здѣсь спрашивается не о томъ, что мы чувствуемъ, но чего хотимъ; хотимъ всего того, что имѣемъ, и не хотимъ ничего изъ того, чего не имѣемъ. Не хотѣлибы даже освободиться сами собою отъ того, что мы терпимъ; поелику единому Богу принадлежитъ разпредѣлять кресты или утѣшенія. Радуемся посреди напастей — какъ говоритъ Апостолъ, — и это не есть радость чувствъ, но радость чистой воли.

Нечестивые, пресыщаясь удовольствіями, имѣютъ волю стѣсненную, поелику они не бываютъ никогда довольны самими собою; они хотѣли бы отдалить нѣкоторыя непріятности, и вкусить еще нѣкоторыя сладости, коихъ имъ недостаетъ.

Напротивъ вѣрная душа имѣетъ волю, которая ни въ чемъ не стѣснена; она принимаетъ охотно все, что Богъ даетъ ей горестнаго; она сего хочетъ и любитъ; она не хотѣла бы оставить сего даже и тогда, когда бы это не стоило ей ничего, кромѣ одного желанія, поелику сіе желаніе было бы желаніе собственное и противное ея самопреданности Промыслу, Коего она не хочетъ никогда ни въ чемъ предупреждать.

Токмо сія самопреданность способна разширить сердце и даровать ему свободу. Она разливаетъ въ сердцѣ миръ, аки рѣку, и правду;

яко волну морскую (*), по выраженію Исаіи. Токмо сіе поведеніе простое, дѣтское и свободное въ объятіяхъ Божіихъ можетъ сдѣлать разумъ чистымъ, разсѣять его сомнѣнія и его страхи, усладить труды его любви—помазаніемъ, дать ему нѣкоторую крѣпость во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и разлить радость Св. Духа во всѣхъ его внѣшнихъ поступкахъ.

Мы разсуждаемъ слишкомъ много, и портимся посредствомъ разсужденій. Надлежитъ столько же бояться искушенія умствовать, какъ и другихъ искушеній.

Находится занятіе самимъ собою, ощутительное, безпокойное и недовѣрчивое, которое есть искушеніе тѣмъ болѣе тонкое, что его совсѣмъ не считаютъ за искушеніе; напротивъ углубляются въ него болѣе и болѣе, поелику принимаютъ его за бдительность, повелѣваемую въ Евангеліи.

Бдительность, которую І. Х. имѣть повелѣваетъ, есть вѣрное вниманіе любить всегда и исполнять волю Божію въ настоящее мгновеніе, слѣдуя знакамъ, которые къ сему имѣютъ; но она отнюдь не состоитъ въ томъ, чтобы возмущаться, мучить себя и заниматься безпрерывно самимъ собою болѣе, нежели возводить очи къ Богу, отъ Коего происходитъ единственная наша помощь противъ насъ самихъ.

Для чего подъ предлогомъ бдительности упорствовать открыть въ насъ самихъ то, чего Богъ не хочетъ допустить насъ видѣть

(*) Исаіи 48, 18.

въ теченіи сей жизни? Для чего терять чрезъ сіе плодъ чистой вѣры и внутренняго мира? Для чего отвращаться отъ присутствія Божія, которое Онъ хощетъ содѣлать въ насъ непрерывнымъ? Онъ не сказалъ: будьте вы сами предметъ, предъ которымъ бы вы всегда ходили; но говоритъ (*): *благоугождай предо Мною, и буди непороченъ.*

Давидъ, исполненный Его Духа, сказалъ (**): *Предзрѣхъ Господа предо мною выну;* — и еще: *Очи мои выну ко Господу, яко Той изторгнетъ отъ сѣти нозѣ мои* (***). Опасность находится для его стопъ, но очи его суть горѣ: не столь полезно разсматривать нашу опасность, какъ помощь Божію. Сверхъ того, мы видимъ все соединенно въ Богѣ — и свою собственную бѣдность и Его благость; одинъ взоръ души правой и чистой, сколь бы простъ онъ ни былъ, примѣчаетъ все въ семъ свѣтѣ безконечномъ.

Но напротивъ, что можемъ мы видѣть въ собственной нашей тьмѣ, ежели не самую тьму? О Боже мой! естьли только я не престану Тебя видѣть, не престану видѣть себя во всей моей бѣдности, и увижу себя гораздо лучше въ Тебѣ, нежели во мнѣ самомъ. Истинная бдительность состоитъ въ томъ, чтобы видѣть въ Тебѣ волю Твою, дабы исполнять ее, а не разсуждать до безконечности о состояніи моей собственной.

(*) Бытія 17, 1.
(**) Псал. 15, 8.
(***) Псал. 24, 15.

Когда внѣшнія упражненія воспрепятствуютъ мнѣ видѣть Тебя единаго, заключая молитвою входъ къ моимъ чувствамъ, тогда по крайней мѣрѣ я узрю Тебя, Господи, творящаго все во всемъ.

Я узрю вездѣ съ радостію волю Твою исполняющуюся какъ внутри меня, такъ и внѣ; буду говорить безпрерывно *аминь*, какъ блаженные; непрестанно буду воспѣвать въ моемъ сердцѣ пѣснь небеснаго Сіона; буду благословлять Тебя даже въ злыхъ, которые посредствомъ худой ихъ воли исполняютъ невольнымъ образомъ волю Твою, справедливѣйшую, святѣйшую, всемогущую. Въ непорочной свободѣ духа, которую Ты даешь чадамъ Своимъ, я буду дѣйствовать и говорить просто, радостно и съ упованіемъ (*). *Аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.* Я не буду искать никогда никакой опасности, не войду никогда ни въ какое обязательство иначе, какъ по знакамъ Твоего провидѣнія, которые будутъ моею силою и моимъ утѣшеніемъ. Въ сихъ самыхъ состояніяхъ, въ коихъ призываніе Твое будетъ подкрѣплять меня, я посвящу вхожденію въ самаго себя, молитвѣ и уединенію всѣ дни, всѣ часы, всѣ минуты, кои Ты оставишь мнѣ свободными; я не оставлю никогда сего блаженнаго занятія иначе, какъ тогда, когда Ты призовешь меня къ какой-либо внѣшней должности. Тогда я выду по видимому изъ Тебя, но и Ты выступишь со мною, — и

(*) Псал. 22. 4.

вѣ семѣ кажущемся выступленіи. Ты будешь носить меня вѣ нѣдрахѣ Своихѣ; я не буду искать себя самаго вѣ сообщеніи сѣ тварями; не буду бояться, чтобы вхожденіе вѣ самаго себя уменьшило мое удовольствіе вѣ сообщеніи сѣ ними, и изсушило мое обращеніе: ибо я хочу быть угоднымѣ людямѣ не иначе, какѣ потолику, сколь сіе нужно, чтобѣ быть угоднымѣ Тебѣ.

Ежели Ты хочешь употребить меня для исполненія Твоего дѣла вѣ сихѣ тваряхѣ, я предаю себя Тебѣ, и безѣ размышленія о себѣ буду разливать на нихѣ все то, что Ты низпошлешь мнѣ изѣ даровѣ Твоихѣ; я не стану ходить во тьмѣ, возвращаясь всегда кѣ себѣ самому; сколь бы опасна и развлекательна ни была сія должность, я буду ходить просто предѣ лицемѣ Твоимѣ, сѣ правымѣ намѣреніемѣ, зная, сколь велика благость Отца, предѣ Которымѣ я хожу, и что Онѣ не терпитѣ хитрости вѣ Своихѣ.

Ежели напротивѣ Ты не хощешь употреблять меня для другихѣ, я не представляю себя; не стану предупреждать Тебя ни вѣ чемѣ; буду дѣлать другія дѣла, кѣ коимѣ Ты меня назначишь: ибо, слѣдуя влеченію самопреданности, которое Ты мнѣ даешь, я ни желаю, ни отвергаю; принаравливаюсь ко всему, и соглашаюсь не быть полезнымѣ ни кѣ чему.

Ищутѣ ли меня, или отвергаютѣ; извѣстенѣ ли я, или незнаемѣ; хвалятѣ ли меня, или порицаютѣ, что мнѣ нужды? Это Ты, а не я; Ты, а не дары Твои, отѣ Тебя и любви

Твоей различные, есть то, чего я ищу. Всѣ состоянія для меня одинаковы, лишь бы только я находился въ томъ, въ которомъ Тебѣ угодно.

XVIII.

О упованіи на Бога.

Самое лучшее дѣло, какое только мы можемъ сдѣлать, есть принимать равномѣрно и съ одинаковою покорностію все то, что Богъ даетъ намъ ежедневно внѣ и внутри насъ.

Во внѣшности находятся вещи непріятныя, которыя должно сносить съ бодростію, и вещи пріятныя, къ коимъ не должно прилѣплять своего сердца. Мы противимся искушеніямъ, происходящимъ отъ вещей непріятныхъ, принимая ихъ; а отъ пріятныхъ, не открывая имъ своего сердца. Въ разсужденіи вещей внутреннихъ должно дѣлать то же самое. Тѣ, кои суть горькі, служатъ къ тому, чтобы распинать насъ, и онѣ дѣйствуютъ въ душѣ во всей ихъ силѣ, ежели мы принимаемъ ихъ просто, неограниченно и не искавъ усладить ихъ. Тѣ, которыя сладостны, и которыя даны намъ для того, дабы подкрѣпить нашу слабость утѣшеніемъ ощутительнымъ во внѣшнихъ испытаніяхъ, должны также быть приняты, но другимъ образомъ. Ихъ надлежитъ принимать, поелику Богъ даетъ ихъ для нашей нужды, но надлежитъ принимать не изъ любви къ нимъ самимъ, а единственно сообразуясь намѣреніямъ Божіимъ. Должно употреблять ихъ такъ, какъ пользу-

ются лѣкарствомъ, безъ угожденія себѣ, безъ привязанности къ нимъ, безъ собственнолюбія. Сіи дары должны быть въ насъ приняты, но не должны владѣть нами, дабы, когда Богъ отыметъ оные, лишеніе ихъ не могло никогда ни возмутить насъ, ни привести въ уныніе. Источникъ превозношенія состоитъ въ привязанности къ симъ дарамъ ощутительнымъ и преходящимъ. Мы думаемъ о себѣ, что надѣемся единственно на даръ Божій; но вмѣсто того надѣемся на себя, поелику присвоиваемъ себѣ даръ сей, и смѣшиваемъ его съ самими собою. Невыгодность сего поведенія состоитъ въ томъ, что всякой разъ, когда находимъ какую-либо ошибку въ самихъ себѣ, впадаемъ въ уныніе. Но душа, которая полагается на одного Бога, не удивляется собственной своей бѣдности; ей пріятно видѣть, что она не можетъ ничего, и что Богъ единъ можетъ все. Я почти не безпокоюсь, видя себя бѣднымъ, и зная, что мой Отецъ обладаетъ благами безконечными, которыя Онъ хочетъ дать мнѣ. Токмо питая свое сердце чистымъ упованіемъ на Бога, мы научаемся обходиться безъ довѣренности къ самимъ себѣ.

Вотъ для чего должно менѣе надѣяться на ощутительное усердіе, и на извѣстныя мѣры мудрости, которыя мы принимаемъ съ самими собою для своего совершенства, нежели на простоту, умаленіе себя, отреченіе отъ всякаго собственнаго движенія и на совершенную покорность, дабы оставить себя всѣмъ впечатлѣніямъ благодати. Все прочее, утверждая блистательныя добродѣтели, внушаетъ намъ тайнымъ

образомъ болѣе довѣренности къ нашимъ собственнымъ усиліямъ.

Будемъ молить Бога, чтобы Онъ исторгнулъ изъ нашего сердца все то, что мы сами хотѣли насадить въ ономъ, и да насадитъ въ немъ Своими собственными руками древо жизни, обремененное плодами. —

XIX.

Какъ должно бодрствовать надъ собою.

Касательно способа бодрствовать надъ собою, не будучи симъ слишкомъ занятымъ, вотъ что показалось мнѣ дѣйствительнымъ.

Мудрый и рачительный путешественникъ смотритъ за всѣми своими шагами, а также непрерывно обращаетъ вниманіе на то мѣсто дороги, которое непосредственно предъ нимъ находится; но не возвращается безпрестанно, чтобы считать всѣ свои шаги, разсматривать слѣды свои: онъ потерялъ бы время, нужное для того, чтобы идти впередъ.

Душа, которую Богъ истинно руководствуетъ (ибо я не говорю о тѣхъ, которые учатся еще ходить, и которые ищутъ токмо дороги), должна бодрствовать на пути, но неусыпностію простою, спокойною, ограниченною настоящимъ и безъ заботливости изъ любви къ себѣ. Это есть непрерывное вниманіе къ волѣ Божіей, дабы исполнять ее въ каждую минуту, а не обращеніе на самаго себя, дабы узнать о своемъ состояніи, между тѣмъ какъ Богъ хощетъ, чтобъ

мы были объ немъ неизвѣстны. Вотъ для чего Псалмопѣвецъ говоритъ (*): *Очи мои выну ко Господу, и той изторгнетъ отъ сѣти нозѣ мои.*

Замѣтьте, что дабы шествовать съ безопасностію по пути, устланному сѣтями, вмѣсто того, чтобы потупить глаза, дабы испытывать всѣ свои шаги, онъ возводитъ ихъ напротивъ ко Господу. Это для того, что мы никогда не наблюдаемъ столь хорошо за собою, какъ тогда, ежели ходимъ съ Богомъ, присутствующимъ въ очахъ нашихъ, какъ Онъ заповѣдалъ сіе Аврааму. И дѣйствительно, къ чему должно служить наше бодрствованіе? Къ тому, чтобы слѣдовать шагъ за шагомъ волѣ Божіей. Кто сообразуется ей совершенно, тотъ бодрствуетъ надъ собою и освящаетъ себя во всемъ.

И такъ, ежели мы не теряемъ никогда присутствія Божія, то не престаемъ никогда бодрствовать надъ собою, но бодрствованіемъ простымъ, дружественнымъ, спокойнымъ и безкорыстнымъ; напротивъ того другое бодрствованіе, коего мы ищемъ, дабы удостовѣриться о своемъ состояніи, строго, безпокойно и исполнено своекорыстія. Мы должны шествовать не при нашемъ собственномъ свѣтѣ, но при свѣтѣ Божіемъ. Невозможно видѣть святость Божію, не ужасаясь малѣйшихъ своихъ невѣрностей. Къ присутствію Божію и вхожденію въ самихъ себя присоединяютъ еще испытанія совѣсти, смотря по нуждѣ, которую въ нихъ

(*) Псал. 24, 15.

имѣютъ, дабы не ослабить себя, и сдѣлать удобнѣйшею обыкновенную исповѣдь; но сіи испытанія дѣлаются часъ отчасу простѣе, и бываютъ удалены отъ всякаго безпокойнаго обращенія на самихъ себя. Испытываютъ себя не для собственной своей пользы, но дабы сообразоваться мнѣніямъ, которыя приняли, и исполнить волю Божію.

Впрочемъ предаютъ себя во власть Божію, и столь же бываютъ довольны симъ состояніемъ, какъ были бы огорчены, ежели бы предались собственному своему руководству. Не хотятъ видѣть ничего изъ всего того, что Ему скрывать угодно. Поелику же любятъ безконечно болѣе Его, нежели самихъ себя, то посвящаютъ себя Его удовольствію безусловно, и думаютъ единственно о томъ, чтобы любить Его и забыть себя. Тотъ, кто теряетъ столь благородно свою душу, найдетъ ее вновь для вѣчной жизни.

XX.

Что Духъ Божій поучаетъ внутренно.

Изъ Писанія извѣстно, что Духъ Божій обитаетъ внутри насъ, что Онъ въ насъ дѣйствуетъ, что Онъ молитъ въ насъ безпрерывно, что Онъ воздыхаетъ въ насъ, что Онъ въ насъ желаетъ, что Онъ требуетъ въ насъ того, чего мы сами требовать не умѣемъ; что Онъ насъ движетъ, одушевляетъ насъ, говоритъ намъ въ молчаніи, внушаетъ намъ всякую истину и толико соединяетъ насъ съ Собою, что мы со-

ставляемъ (*) единъ и тотъ же духъ съ Господемъ. Вотъ то, чему научаетъ насъ вѣра и чего учители, наиболѣе отъ внутренней жизни удаленные, не могутъ запретить себѣ признавать. Однако, не смотря на сіи начала, они стремятся всегда предполагать, что законъ внѣшній, или еще болѣе, извѣстный свѣтъ ученія и умствованія просвѣщаетъ насъ внутри насъ самихъ, и что слѣдовательно это есть нашъ разумъ, которой дѣйствуетъ въ таковомъ наставленіи. Не надѣются нисколько на внутренняго учителя, который есть Духъ Святый, и который творитъ въ насъ все. Онъ есть душа души нашей: мы не можемъ произвести въ себѣ ни мысли, ни желанія иначе, какъ чрезъ Него. Увы! сколь велико наше ослѣпленіе! Мы думаемъ, что находимся одни въ семъ внутреннемъ святилищѣ; и совсѣмъ напротивъ Богъ присутствуетъ тамъ еще внутреннѣе, нежели какъ мы сами въ ономъ существуемъ.

Можетъ быть вы мнѣ скажете: То ли сіе значитъ, что мы вдохновенны? Да, безъ сомнѣнія; но не такъ, какъ Пророки и Апостолы. Безъ дѣйствительнаго вдохновенія благодати мы не можемъ ни дѣлать, ни хотѣть, ни мыслить никакого добра. И такъ мы бываемъ всегда вдохновенны; но безпрестанно погашаемъ сіе вдохновеніе. Богъ не престаетъ говорить; но шумъ тварей во внѣшности и страстей нашихъ во внутренности насъ самихъ оглушаетъ насъ и препятствуетъ намъ Его слышать. Дол-

---

(*) I Къ Коринф. 6, 17.

жно заставить молчать всякую тварь, должно заставить молчать самаго себя, дабы слушать вЪ семЪ глубокомЪ молчанiи неисповѣдимый гласЪ Супруга. Должно прiуготовить себя Его слышать; ибо это есть гласЪ тихiй и нѣжный, который бываетЪ неслышенЪ ни для кого, кромѣ тѣхЪ, кои не слушаютЪ ничего болѣе. О сколь рѣдко таковое молчанiе души, необходимое кЪ тому, чтобы оставить говорить Бога! Малѣйшiй ропотЪ суетныхЪ нашихЪ желанiй, или рачительнаго о себѣ самолюбiя, смѣшиваетЪ всѣ слова Духа Божiя. Мы хорошо понимаемЪ, что ОнЪ говоритЪ, и что ОнЪ чего-то требуетЪ, но не знаемЪ того, что такое ОнЪ говоритЪ; и часто бываемЪ довольны тѣмЪ, что сего не отгадываемЪ. Малѣйшая осторожность, малѣйшее обращенiе на самаго себя, малѣйшiй страхЪ слышать весьма ясно, что БогЪ требуетЪ болѣе, нежели сколько мы хотимЪ дать Ему, возмущаетЪ сiе внутреннее слово. Должно ли же удивляться, естьли столь многiе люди, даже благочестивые, но еще исполненные мыслiю обЪ увеселенiяхЪ, тщетными желанiями, ложною мудростiю, довѣренностью кЪ своимЪ добродѣтелямЪ, не могутЪ его слышать, и почитаютЪ сiе внутреннее слово за нелѣпую мечту изступленнаго воображенiя. Увы! что хотятЪ они выразить пренебрегательными ихЪ разсужденiями? КЪ чему служило бы внѣшнее слово Пастырей и даже Писанiя, ежели бы не существовало внутреннее слово самаго Св. Духа, которое даетЪ внѣшнему всю его силу и дѣйствительность? Слово внѣшнее, даже Евангельское, безЪ сего животворящаго и плодотворнаго слова

внутренняго было бы ничто иное, какъ пустой звукъ. Это буква (*), которая одна *убиваетъ*, а *Духъ* одинъ можетъ насъ *животворить*. О Глаголъ, о Слово вѣчное и всемогущее Отца! Ты говоришь во глубинѣ душъ! Сіе слово, исходя изъ устъ Спасителя во время смертной Его жизни, имѣло столько силы и произвело толико плодовъ на землѣ единственно потому, что оно было одушевлено симъ Словомъ жизни; которое есть Самъ Глаголъ. И потому Св. Петръ говоритъ (**): ***Господи! къ кому идемъ; глаголы живота вѣчнаго имаши.***

И такъ это не есть единственно внѣшній законъ Евангелія, который Богъ показуетъ намъ внутренно посредствомъ свѣта разума и вѣры: но Духъ Его, Который говоритъ, трогаетъ насъ, дѣйствуетъ въ насъ, и Который насъ одушевляетъ — и такимъ образомъ Духъ сей дѣлаетъ въ насъ и съ нами все то, что мы ни дѣлаемъ добраго, подобно какъ наша душа оживляетъ наше тѣло и управляетъ движеніями онаго.

Слѣдовательно справедливо, что мы бываемъ безпрестанно вдохновенны, и что мы токмо тогда живемъ жизнію благодати, когда имѣемъ сіе внутреннее вдохновеніе. Но немногіе изъ Христіянъ оное чувствуютъ; ибо изъ нихъ весьма мало такихъ находится, которые не уничтожали бы его своимъ произвольнымъ разсѣяніемъ, или своимъ противоборствомъ.

Сіе вдохновеніе не должно заставлять насъ думать, чтобъ мы были подобны Пророкамъ.

(*) 1 Къ Корине 3, 6.
(**) Іоан. 6, 69.

Вдохновеніе ПророковЪ было исполнено извѣстности касательно того, что БогЪ открывалЪ имЪ, или повелѣвалЪ имЪ дѣлать; это было необыкновенное движеніе, низпосланное для того, дабы или открыть будущее, или содѣлать чудеса, или дѣйствовать со всею Божественною властію. Здѣсь совсѣмЪ напротивЪ: вдохновеніе бываетЪ безЪ свѣта, безЪ извѣстности; оно ограничивается тѣмЪ, чтобы внушить намЪ нечувствительно покорность, терпѣливость, кротость, смиреніе и всѣ другія добродѣтели, для каждаго Христіянина необходимыя. Это совсѣмЪ не есть Божественное движеніе, дабы предсказывать, дабы измѣнить законы натуры и дабы повелѣвать людямЪ со стороны Божіей; а токмо простое призываніе во глубинѣ души, дабы повиноваться и дабы позволить себя разрушить и уничтожить, слѣдуя намѣреніямЪ любви Божіей. И такЪ сіе вдохновеніе, принимаемое вЪ его границахЪ и вЪ его простотѣ, не заключаетЪ вЪ себѣ ничего, кромѣ ученія, общаго всей Церкви; оно не содержитЪ само по себѣ, ежели собственное наше воображеніе ничего кЪ нему не прибавляетЪ, никакого превозношенія, или мечтательности; оно содержитЪ насЪ вЪ рукѣ Божіей подЪ правленіемЪ Церкви, приписываетЪ все благодати, не оскорбляя нашей вольности, и не оставляетЪ ничего ни гордости, ни воображенію.

ПоложивЪ сіи основанія, должно признать, *что БогЪ говоритЪ вЪ насЪ безпрестанно.* ОнЪ говоритЪ вЪ нераскаянныхЪ грѣшникахЪ; но сіи грѣшники, оглушенные шумомЪ міра и страстей своихЪ, не могутЪ Его слышать; слово Его

есть для нихъ басня. — Онъ говоритъ въ грѣшникахъ, которые обращаются; сіи чувствуютъ угрызенія своей совѣсти — и сіи угрызенія суть гласъ Божій, который упрекаетъ ихъ внутренно за ихъ пороки. Когда таковые грѣшники бываютъ тронуты, то имъ не трудно понимать сей тайный голосъ; ибо онъ есть то, что ихъ столь живо проникаетъ: Онъ есть въ нихъ тотъ мечь, обоюду острый (*), о которомъ говоритъ Св. Павелъ; онъ проходитъ даже до раздѣленія души и духа. Богъ заставляетъ Себя чувствовать, вкушать и слѣдовать Себѣ; мы слышимъ сей тихій голосъ, который вноситъ во глубину сердца упреки нѣжные, и сердце оными раздирается. Вотъ истинное и чистое сокрушеніе о грѣхахъ. Богъ говоритъ въ людяхъ просвѣщенныхъ, ученыхъ, и которыхъ жизнь, по внѣшности во всемъ правильная, кажется украшенною множествомъ добродѣтелей; но часто сіи люди, исполненные самими собою и своимъ просвѣщеніемъ, слушаютъ себя слишкомъ много, для того, чтобы слушать Бога. Они обращаютъ все въ разсужденія; дѣлаютъ себѣ начала естественной мудрости и методы благоразумія касательно всего, что приходило бы къ намъ несравненно лучше чрезъ каналъ простоты и покорности Духу Божію. Сіи люди кажутся добрыми, и иногда болѣе, нежели другіе; они суть таковы въ самомъ дѣлѣ до извѣстнаго пункта: но эта доброта смѣшенная. Они обладаютъ собою, и хотятъ всегда обладать по мѣрѣ своего разума; хотятъ

(*) Къ Евр. 4, 12.

быть всегда въ руцѣ своего собственнаго совѣта; суть сильны и велики въ своихъ собственныхъ глазахъ. О Боже мой! я воздаю Тебѣ благодареніе со І. Христомъ за то, что Ты скрываешь неисповѣдимыя тайны Твои отъ сихъ великихъ и мудрыхъ, между тѣмъ какъ благоволишь открывать оныя душамъ слабымъ и малымъ! Токмо съ дѣтьми входишь Ты въ совершенное дружество; съ прочими же поступаешь по ихъ наклонности. Они хотятъ знанія и высокихъ добродѣтелей; Ты даешь имъ свѣтъ блистательный и дѣлаешь ихъ подобными героямъ. Но не въ семъ состоитъ лучшій удѣлъ. Находится нѣчто, наиболѣе сокрытое, для Твоихъ любезнѣйшихъ дѣтей опредѣленное; они покоятся со Іоанномъ на персяхъ Твоихъ. Что касается до сихъ великихъ, которые всегда боятся унизиться и умалить себя, Ты оставляешь ихъ въ ихъ великости. Они не будутъ никогда чувствовать Твоихъ нѣжностей и Твоей дружественности; должно быть младенцемъ и играть на колѣнахъ Твоихъ, дабы заслужить оныя. Я часто примѣчалъ, что невѣдущій и грубый грѣшникъ, который начинаетъ трогаться любовію Божіею во время его обращенія, болѣе расположенъ слышать сей внутренній языкъ духа благодати, нежели нѣкоторые просвѣщенные и ученые люди, кои состарѣлись въ собственной своей мудрости. Богъ, Который ищетъ токмо сообщать Себя, не можетъ, такъ сказать, найти для Себя мѣста въ сихъ душахъ, исполненныхъ самими собою и слишкомъ упитанныхъ своею мудростію и своими добродѣтелями; но Его дружескій разговоръ бываетъ токмо съ простыми.

Гдѣ суть сіи простые? Я почти ихъ не вижу; но Богъ ихъ видитъ, и въ нихъ благоугодно Ему обитать. О, колико душа, преданная благодати безъ обращенія къ себѣ, не считая себя ни за что и слѣдуя безъ мѣры волѣ чистой любви, которая есть совершенный путеводецъ, испытываетъ вещей, коихъ мудрые не могутъ ни испытывать, ни понимать! Я былъ мудръ (смѣю это сказать), какъ и другіе; но тогда, думая видѣть все, я не видѣлъ ничего. Я ходилъ во тьмѣ ощупью посредствомъ умствованія; но свѣтъ не освѣщалъ тьмы моей, — и я былъ доволенъ разсужденіями. Но какъ скоро одинъ разъ заставимъ молчать все то, что есть въ насъ, дабы слушать Бога, тогда знаемъ все, не зная ничего, и не можемъ сомнѣваться, что даже до сего времени не знали всего того, что думали разумѣть. Все то, что мы имѣли, изчезаетъ, и о семъ болѣе не заботимся; не имѣемъ болѣе ничего намъ принадлежащаго; потеряли все: потеряли самихъ себя. Находится нѣчто неизвѣстное, которое говоритъ внутри, какъ невѣста въ Пѣсняхъ (*): *услышанъ сотвори ми гласъ Твой, яко гласъ Твой сладокъ.* О, сколь сладокъ гласъ сей! онъ заставляетъ трепетать всю мою внутренность. Говори, о Супругъ мой, и чтобъ никто другой, кромѣ Тебя, не осмѣливался говорить. Умолкни, душа моя; говори моя любовь. — Я говорю, что тогда мы знаемъ все, не зная ничего. Это не потому, чтобъ мы имѣли превозношеніе думать о себѣ, что обладаемъ

(*) Пѣсн. 2, 14.

всякою истиною. Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, мы чувствуемъ, что не видимъ ничего, не можемъ ничего и не составляемъ ничего. Но при семъ безостаточномъ лишеніи всякой собственности находимъ въ нѣкоторыя минуты въ безконечности Божіей все то, что намъ нужно по ходу Его провидѣнія. Тамъ-то находимъ насущный хлѣбъ истины, равно какъ и все прочее, не дѣлая себѣ изъ онаго запаса. — Тогда-то помазаніе научаетъ насъ всякой истинѣ, отнимая отъ насъ всякую мудрость, всякую славу, всякую пользу, всякое собственное желаніе, и содержа насъ довольными въ нашей немощи, ниже всякой твари, готовыхъ уступить послѣднимъ червямъ земнымъ, готовыхъ исповѣдовать тайнѣйшіе наши недостатки предъ лицемъ всѣхъ человѣковъ, страшась въ заблужденіяхъ болѣе невѣрности, нежели наказанія и стыда. Въ семъ состояніи, говорю я, духъ наставляетъ насъ на всяку истину; ибо всякая истина находится въ совершенствѣ въ семъ жертвоприношеніи любви, въ коемъ душа отнимаетъ у себя все, дабы дать все Богу. Вотъ манна, которая, не будучи каждымъ мясомъ въ особенности, имѣетъ вкусъ всѣхъ мясъ. —

XXI.

О молитвѣ Фарисея.

Мытари, или сборщики податей были въ великой ненависти у Іудейскаго народа, ревностнаго къ своей вольности и привыкшаго не имѣть Государемъ никого, кромѣ Самаго Бога,

или Князей своего поколѣнія. Во время I. Христа Іудеи были порабощены владычеству Римлянъ, которое сносили нетерпѣливо. Когда Спаситель представляетъ мытаря, то Онъ полагаетъ предъ очами Своихъ учениковъ то, что находилось самаго порочнаго и соблазнительнаго. Потому-то Онъ приводитъ вмѣстѣ женщинъ худаго поведенія и мытарей.

Что касается до Фарисеевъ, это была секта людей, которые исполняли въ строжайшей точности даже малѣйшія обстоятельства, означенныя буквою закона. Ихъ жизнь была примѣрна и блистательна во внѣшнихъ добродѣтеляхъ; но они были горды, высокомѣрны, ревностны къ вышшимъ степенямъ и ко власти, исполнены самими собою и своими добрыми дѣлами, презирали и критиковали другихъ; однимъ словомъ, были ослѣплены довѣренностію къ собственному своему правосудію.

I. X. говоритъ притчу (*), которая представляетъ сіи два характера, дабы показать, что Фарисей еще болѣе удаленъ отъ истиннаго царствія Божія, нежели мытарь, неправдою обремененный. Мытарь оплакиваетъ грѣхи свои; Фарисей разсказываетъ свои добродѣтели. Мытарь не смѣетъ испрашивать милостей; Фарисей тщеславится съ самодовольствіемъ тѣми, которыя онъ получилъ. Богъ объявляетъ Себя со стороны мытаря. Онъ любитъ лучше смиреннаго и смятеннаго при видѣ своей бѣдности грѣшника, нежели праведнаго, кото-

---

(*) Луки 18, 10.

рый любуется своимъ правосудіемъ, и который изъ даровъ Божіихъ извлекаетъ собственную славу свою. Присвоивать себѣ дары Божіи значитъ обращать ихъ противъ Самаго Бога, дабы потворствовать собственной своей гордости. О сколь дары Божіи опасны для души, которая ищетъ себя въ себѣ самой! Она обращаетъ въ ядъ пищу жизни вѣчной; все то, что долженствовало бы заставить ее умереть жизни Адама, служитъ токмо къ тому, чтобы привязывать ее къ сей жизни. Мы питаемъ самолюбіе добрыми дѣлами и строгостями; разсказываемъ самимъ себѣ тайнымъ образомъ свои умерщвленія, побѣды надъ своими склонностями, свои дѣянія правосудія, терпѣливости, смиренія и безкорыстія; мы думаемъ находить во всѣхъ сихъ вещахъ духовное утѣшеніе — и вмѣсто того ищемъ въ нихъ подпоры, дабы полагаться на самихъ себя, и дабы сдѣлать себѣ выгодное свидѣтельство о своемъ собственномъ правосудіи; хотимъ всегда быть въ состояніи представлять самимъ себѣ то, что сдѣлали добраго. Когда сіе внутреннее свидѣтельство изчезаетъ, тогда мы бываемъ безутѣшны, возмущены, изумлены, почитаемъ себя все потерявшими.

Сіе ощутительное свидѣтельство есть подпора начинающихъ: это молоко душъ нѣжныхъ и раждающихся. Должно, чтобы они сосали его долгое время; опасно было бы лишить ихъ онаго. Богу единому принадлежитъ отнимать мало помалу сію пищу, и замѣнять ее хлѣбомъ твердымъ. Но когда душа, съ давнихъ временъ наставленная и испытанная въ свѣтѣ вѣры, не чувствуетъ болѣе сего столь сладкаго и столь

утѣшительнаго свидѣтельства, что она должна пребывать спокойною въ испытаніи, и не мучить себя воспоминаніемъ того, что Богъ удаляетъ отъ нее; и что а надлежитъ ей укрѣпляться противъ себя самой, и быть довольною, какъ мытарь, тѣмъ, чтобы показывать бѣдность свою Богу, едва осмѣливаясь возводить глаза къ Нему. Въ семъ-то состояніи Богъ очищаетъ душу тѣмъ болѣе, что Онъ скрываетъ отъ нея познаніе ея чистоты.

Душа толико заражена самолюбіемъ, что она всегда марается нѣсколько познаніемъ своей добродѣтели; она всегда беретъ въ ономъ нѣчто для самой себя; она воздаетъ благодарность Богу, но съ удовольствіемъ познаетъ, что она лучше, нежели другой человѣкъ, на котораго изливаются дары небесные. Сей способъ присвоять себѣ дары благодати весьма тонокъ и непримѣтенъ въ нѣкоторыхъ душахъ, кои кажутся справедливыми и простыми; онѣ сами не примѣчаютъ дѣлаемаго ими святотатства. Сіе святотатство тѣмъ хуже, что это значитъ утаевать наичистѣйшее благо, и которое слѣдовательно возбуждаетъ ревность Божію.

Сіи души перестаютъ присвоять себѣ свои добродѣтели не иначе, какъ тогда, когда перестаютъ ихъ видѣть, и когда все кажется отъ нихъ убѣгающимъ. Тогда онѣ восклицаютъ, какъ Св. Петръ, когда онъ погружался въ волнахъ: Спаси насъ, Господи, мы погибаемъ. Онѣ не находятъ болѣе въ себѣ ничего: все оскудѣваетъ. Во глубинѣ ихъ существуетъ токмо предметъ осужденія, ужаса, ненависти къ самимъ себѣ, жертвоприношенія и самопреданности. Такимъ

образомъ, теряя сіе собственное Фарисейское правосудіе, входятъ въ истинное правосудіе І. Христа, котораго не почитали за свое собственное.

Сіе Фарисейское правосудіе есть болѣе общее, нежели какъ мы думаемъ. Первый недостатокъ онаго состоитъ въ томъ, что Фарисеи поставляли его во внѣшнихъ дѣяніяхъ, привязываясь суевѣрнымъ образомъ къ строгости буквы закона, дабы наблюдать его съ точностію, не искавъ въ немъ духа. Сіе-то дѣлаютъ весьма многіе Христіяне, постятся, подаютъ милостыню, учащаютъ таинства, ходятъ въ церковь, даже молятся, безъ любви къ Богу, безъ отрѣшенности отъ міра, безъ любви къ ближнему, безъ смиренія, безъ отреченія отъ самихъ себя; довольствуются тѣмъ, что выполнили извѣстное количество добрыхъ дѣлъ, правильно сдѣланныхъ. Это значитъ быть Фарисеемъ.

Второй недостатокъ Фарисейскаго правосудія есть тотъ, который мы уже замѣтили: онъ состоитъ въ томъ, что мы хотимъ опираться на сіе правосудіе, какъ на свою собственную силу. Что оно толико насъ утѣшаетъ, сіе происходитъ отъ того, что оно даетъ великую помощь натурѣ. Мы ощущаемъ удовольствіе видѣть себя справедливыми, чувствовать себя крѣпкими, смотрѣться въ свои добродѣтели, какъ для тщеславной женщины пріятно разсматривать въ зеркалѣ красоту свою. Привязанность къ сему свѣдѣнію о нашихъ добродѣтеляхъ помрачаетъ ихъ, питаетъ наше самолюбіе и препятствуетъ намъ отрѣшить себя отъ насъ самихъ. Отъ того происходитъ, что мно-

гія души, впрочемъ справедливыя и исполненныя добрыхъ желаній, единственно обращаются около самихъ себя, никогда не приближаясь къ Богу. Подъ предлогомъ желанія сохранить сіе внутреннее свидѣтельство, онѣ занимаются всегда самими собою съ самодовольствіемъ; онѣ боятся столько же потерять себя изъ виду, сколько другіе боялись бы удалиться отъ Бога; онѣ хотятъ всегда видѣть въ себѣ нѣкоторое устроеніе добродѣтелей, составленное по ихъ образу мыслей; хотятъ всегда вкушать удовольствіе быть пріятными Богу. Такимъ образомъ онѣ питаются единственно удовольствіемъ, которое ихъ ослабляетъ, и поверхностію добродѣтелей, которая исполняетъ ихъ самими собою.

Должно бы опустошить ихъ, а не наполнять, укрѣпить ихъ противъ ихъ самихъ, а не пріучать къ сей чувственной нѣжности, которая часто не имѣетъ ничего основательнаго. Сія нѣжность есть для нихъ то же, что молоко кормилицы для возмужалаго человѣка тридцати лѣтъ. Таковая пища ослабляетъ и умаляетъ душу, вмѣсто того, чтобы укрѣплять ее. Сверхъ того, сіи души, отъ дѣйствительнаго ощущенія и внутренняго покоя весьма зависящія, находятся въ опасности потерять все при первой воздвигшейся бурѣ; онѣ держатся токмо ощущаемаго дара; какъ же скоро даръ сей удаляется, то почитаютъ все потеряннымъ. Онѣ тотчасъ впадаютъ въ уныніе, когда Богъ искушаетъ ихъ; поелику онѣ не полагаютъ никакого различія между ощущеніемъ присутствія Божія и самимъ Богомъ; отъ того происходитъ, что когда сіе ощущеніе изчезаетъ, онѣ думаютъ

что Богъ оставляетъ ихъ. Слѣпцы, которые оставляютъ молитву, какъ говоритъ Св. Тереза, когда молитва начинаетъ очищаться и соделываться плодоносною. Душа, которая питается сухимъ хлѣбомъ скорби, которая не находитъ въ себѣ никакого добра, которая видитъ безпрестанно свою бѣдность, свое недостоинство и свое поврежденіе, которая не скучаетъ искать Бога, хотя Богъ кажется ее отвергающимъ, есть гораздо выше души, которая хочетъ видѣть свое совершенство, которая возмущается, какъ скоро теряетъ его изъ виду, и которая хочетъ всегда, чтобъ Богъ предупреждалъ ее новыми благостями.

Послѣдуемъ Богу по темному пути вѣры; потеряемъ изъ виду все то, что Онъ хочетъ сокрыть отъ насъ; пойдемъ подобно Аврааму, не зная, куда стремится путь нашъ; будемъ надѣяться единственно на нашу бѣдность и на милосердіе Божіе; пойдемъ прямо, будемъ просты, вѣрны, и да не медлимъ никогда посвящать все Богу. Но также весьма будемъ остерегаться надѣяться на дѣла наши, или на наши чувствованія, или на наши добродѣтели; будемъ идти всегда къ Богу, не останавливаясь ни на минуту, дабы обращаться къ самимъ себѣ съ самодовольствіемъ или съ безпокойствомъ. Оставимъ Ему все то, что къ намъ относится, и будемъ стараться о томъ, чтобы прославлять Его безпрестанно во всѣ минуты нашей жизни.

XXII.

О ежедневныхъ погрѣшностяхъ и о сношеніи самаго себя.

Извѣстно, что находятся многія заблужденія, кои суть произвольны въ различныхъ степеняхъ, хотя ихъ дѣлаютъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы измѣнить Богу. Часто другъ упрекаетъ своего друга за ошибку, при которой другъ сей не былъ намѣренъ точно оскорбить его, но которую себѣ дозволилъ, хотя и не не зналъ, что она его оскорбитъ. Такимъ-то образомъ Богъ упрекаетъ насъ за сей родъ погрѣшностей. Онѣ суть произвольны; ибо, хотя ихъ дѣлаютъ не съ размышленіемъ, но тѣмъ не менѣе дѣлаютъ ихъ съ свободою, и при извѣстномъ внутреннемъ свѣтѣ совѣсти, который довлѣлъ бы по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы сомнѣваться и отложить дѣйствіе.

Вотъ ошибки, кои дѣлаютъ часто добрыя души. Что касается до проступковъ злоумышленныхъ, то весьма чрезвычайно, чтобы въ нихъ впадали, когда предали совершенно самихъ себя Богу.

Малыя ошибки дѣлаются великими и гнусными въ глазахъ нашихъ, по мѣрѣ того, какъ свѣтъ Божій возрастаетъ въ насъ, подобно тому, какъ солнце, когда оно восходитъ, открываетъ намъ величину предметовъ, которые мы едва видѣли смѣшеннымъ образомъ во время ночи. При приращеніи внутренняго свѣта мы увидимъ несовершенства, въ насъ находящіяся, гораздо величайшими, нежели какъ прежде ихъ видѣли;

и, что еще болѣе, увидимъ выходящими толпою изъ нашего сердца множество другихъ недостатковъ, которыхъ не могли никогда подозрѣвать, чтобъ оныя въ немъ находились. Мы найдемъ въ немъ слабости, кои намъ нужны для того, чтобы потерять всякую надежду на наши силы; но сія опытность далече отъ того, чтобы привести насъ въ уныніе, послужитъ къ истребленію изъ насъ всякой къ самимъ себѣ довѣренности, и къ тому, чтобы разрушить и сравнять съ землею все зданіе гордости. Ничто не показываетъ столько основательнаго преспѣянія души, какъ сіе познаніе ея недостатковъ, ни возмущеніемъ, ни уныніемъ не сопровождаемое.

Важное правило въ семъ случаѣ воздержиться отъ заблужденія всякой разъ, какъ скоро примѣтимъ его прежде, нежели оное сдѣлано, и сносить съ бодростію уничиженіе, за онымъ слѣдующее, ежели мы примѣтили его послѣ уже исполненія.

Ежели замѣтимъ сіе заблужденіе прежде совершенія, то должно весьма остерегаться противиться Духу Божію, Который отвращаетъ насъ отъ онаго. Онъ разборчивъ и ревнителенъ; Онъ хочетъ, чтобъ Его слушали и слѣдовали Ему; ежели Его оскорбляютъ, Онъ удаляется; малѣйшее противоборствіе Ему есть уже оскорбленіе; должно, чтобы все Ему уступало, какъ скоро Онъ даетъ Себя чувствовать. Ошибки, происходящія отъ скоропоспѣшности, или непостоянства, суть ничто въ сравненіи съ тѣми, при коихъ дѣлаются глухими къ тайному гласу Св. Духа, Который говоритъ во глубинѣ сердца.

Что касается до погрѣшностей, которыя примѣчаютъ не прежде, какъ уже по совершеніи оныхъ, то безпокойство и досада самолюбія никогда не поправятъ ихъ; напротивъ сія досада есть ничто иное, какъ нетерпѣливость гордости при видѣ того, что ее приводитъ въ замѣшательство. Единственная польза, которую можно дѣлать изъ сихъ ошибокъ, есть смирять себя оными въ мирѣ; я говорю въ мирѣ, поелику принимать уничиженіе съ прискорбіемъ и противъ воли совсѣмъ не значитъ смирять себя. Должно осуждать свои погрѣшности, воздыхать объ нихъ, приносить въ нихъ покаяніе, смотря по состоянію души, не искавъ уменьшить ихъ какимъ-либо извиненіемъ, и видѣть самаго себя предъ Богомъ въ семъ состояніи замѣшательства, не раздражаясь противъ себя и не подвергаясь унынію, но пользуясь въ мирѣ уничиженіемъ, отъ своей погрѣшности происходящимъ. Такимъ образомъ изъ самаго змѣя извлекаютъ врачевство, дабы излѣчить себя отъ ядовитости его угрызенія. Смятеніе, которое есть слѣдствіе грѣха, когда душа его не отвергаетъ и сноситъ терпѣливо, есть лѣкарство противъ смертнаго грѣха; но возставать противъ уничиженія не значитъ быть смиреннымъ.

Часто случается, что представляемое нами Богу не есть то, чего Онъ наиболѣе отъ насъ хочетъ. То, чего Онъ наиболѣе отъ насъ требуетъ, есть точно то, что мы наименѣе хотимъ дать Ему, и въ разсужденіи чего страшимся, чтобы Онъ отъ насъ сего не потребовалъ; это сей Исаакъ, сынъ единственный, сынъ возлюбленный, котораго Онъ хощетъ, чтобъ мы

принесли въ жертву безъ сожалѣнія; все прочее есть ничто предъ Его очами — и Онъ позволяетъ, чтобы все прочее существовало безплоднымъ образомъ, поелику благословеніе Его не изливается на труды души раздѣленной. Онъ хощетъ всего — и до исполненія сего нѣтъ для насъ спокойствія. — Хотите ли вы быть спокойны и обязать Бога благословить труды ваши? Не оставляйте ничего, отсѣкайте даже до тѣла, сожигайте, не щадите ничего — и Богъ мира будетъ съ вами. Какое утѣшеніе, какая свобода, какая сила, какое расширеніе сердца, какое приращеніе благодати, когда не оставляютъ болѣе ничего между Богомъ и собою, и когда исполняютъ безостановочно послѣднія жертвоприношенія!

Искренность прошедшихъ нашихъ исповѣдей состоитъ не въ томъ, чтобы не опустить ничего изъ своихъ погрѣшностей, но единственно въ томъ, чтобы обвинять себя откровенно во всѣхъ тѣхъ, которыя знаемъ. Тогда мы не имѣли свѣта открыть въ своей внутренности многихъ движеній злобной и развращенной натуры, которая начинаетъ со временемъ раскрывать себя. По мѣрѣ того, какъ чистый свѣтъ возрастаетъ, мы находимъ себя болѣе поврежденными, нежели какъ думали; приходимъ въ чрезвычайное удивленіе отъ своей прошедшей ослѣпленности и видимъ исходящими изъ внутренности своего сердца, какъ изъ глубокой пещеры, безконечное множество постыдныхъ чувствованій, подобныхъ гнуснымъ и яда исполненнымъ пресмыкающимся; мы никогда бы не повѣрили, что носимъ ихъ въ груди своей, и чувствуемъ

отвращеніе къ самимъ себѣ, по мѣрѣ того, какъ видимъ ихъ выходящими.

Не должно ни удивляться, ни подвергать себя унынію въ семъ случаѣ. Это не значитъ, чтобы мы сдѣлались болѣе злы, нежели каковы были прежде; напротивъ, мы еще менѣе таковы; но между тѣмъ, какъ наше зло уменьшается, свѣтъ, который намъ оное показуетъ, увеличивается; и мы бываемъ объяты ужасомъ. Но замѣтимъ, къ нашему утѣшенію, что мы не прежде примѣчаемъ наше зло, какъ тогда, когда уже начинаемъ излѣчаться отъ онаго. Въ противномъ же случаѣ мы не чувствуемъ великости нашей болѣзни; это есть состояніе ослѣпленія, превозношенія и безчувственности; мы позволяемъ увлекать себя быстрому источнику, и не чувствуемъ быстроты его; но она начинаетъ дѣлаться чувствительною по мѣрѣ того, какъ начинаютъ болѣе, или менѣе ей противиться. Не должно ни ласкать себѣ, ни выходить изъ терпѣнія въ исправленіи своихъ ошибокъ.

Когда требуютъ отъ васъ чего-либо такого, что кажется невозможнымъ по природѣ, то скажите въ самихъ себѣ: нѣтъ ничего невозможнаго для Бога.

Не должно подвергаться унынію ни по опытному познанію нашей слабости, ни изъ отвращенія къ безпокойной жизни, къ которой наше состояніе насъ обязываетъ. Способность воздыхать о семъ безпокойствѣ есть даръ милосердія Божія. — Воздыханіе же составляетъ противуядъ, который препятствуетъ нашему сердцу быть испорченнымъ. Уныніе не есть состояніе покорное; это напротивъ досада или отча-

яніе низкой гордости; нѣтъ ничего столь худаго. Пусть мы дѣлаемъ ошибки и даже падаемъ; не будемъ думать ни о чемъ, кромѣ того, чтобы возстать и возобновить наше теченіе; всѣ наши ошибки для насъ полезны, лишь бы только, отнимая у насъ проклятую надежду на самихъ себя, не отнимали смиреннаго и спасительнаго упованія на Бога.

Отвращеніе, которое мы чувствуемъ къ нашимъ должностямъ, безъ сомнѣнія происходитъ отъ нашихъ несовершенствъ. Естьлибъ мы были совершенны, то любили бы все то, что находится въ порядкѣ Божіемъ; но поелику мы раждаемся поврежденными, и съ характеромъ, противъ всѣхъ правилъ возмущающимся; то возхвалимъ Бога, Который знаетъ извлекать благо изъ зла, и Который употребляетъ наше отвращеніе къ тому, чтобы заставить насъ исполнять разныя добродѣтели. Дѣло благодати, какъ замѣчаетъ Св. Тереза, не всегда идетъ столь правильнымъ образомъ, какъ дѣло натуры.

Не удивительно, что любовь къ своей личности заставляетъ себя чувствовать въ нашемъ сердцѣ; мы бываемъ обыкновенно наполнены суетнымъ самимъ себѣ угожденіемъ и страстію успѣвать во всемъ. Не должно возмущаться и приходить въ уныніе, испытывая въ себѣ свои недостатки, которые возраждаются ежеминутно и наполняютъ сердце; нужно токмо не имѣть къ нимъ никакого вниманія, обращаться спокойно къ Богу и приносить Ему въ жертву всѣ сіи легкомысленныя наклонности.

Столь постыдно, что душа, созданная для Бога, имѣетъ склонность быть идолопоклонницею

самой себя! Должно смирять себя, не довѣрять себѣ, пользоваться сею злощастною склонностію къ тому, чтобы еще болѣе презирать себя, наконецъ упражняться благороднымъ и смѣлымъ образомъ во всемъ томъ, чего Духъ Божій требуетъ отъ насъ.

Не унывайте ни отъ чего; сносите самихъ себя со смиреніемъ въ вашихъ неравностяхъ, въ вашихъ слабостяхъ и въ трудахъ вашихъ; благословляйте Бога столь же отъ добраго сердца за успѣхи, дѣлаемые другими въ добродѣтели, какъ будто бы вы сами ихъ дѣлали; не возмущайтесь волненіями самолюбія; оставляйте ихъ проходить, не удостоивая замѣчать ихъ.

Досадуя на то, что чувствуете трудъ сей, которой вы стыдитесь чувствовать, вы дѣлаете то же, что сдѣлалъ бы безразсудный золотыхъ дѣлъ мастеръ, которой, видя свое золото разплавившимся въ горшкѣ, бросилъ бы его, почитая все потеряннымъ. Сколько трудъ сей былъ тщетенъ, ежели вы его произвольно начали, столько же будетъ вамъ полезенъ, ежели вы окончите его съ вѣрностію, не приходя въ уныніе. Болѣе всего страшитесь быть неугодными Богу въ обдуманныхъ намѣреніяхъ. Неважныя ошибки, въ которыя впадаютъ по легкомыслію, хотя удобны къ исправленію, но могутъ также охладить весьма много любовь, естьли онѣ сдѣлаются привычками, и естьли останутся на нѣсколько времени въ нашемъ сердцѣ.

И такъ очищайте тщательно вашу совѣсть отъ всѣхъ дневныхъ погрѣшностей; не оставляйте никогда грѣхъ пребывать въ вашемъ сердцѣ; сколь бы малъ онъ ни былъ, но помрачаетъ

свѣтъ благодати, обременяетъ душу, препятствуетъ всегда нѣсколько частому сообщенію, которое душа должна имѣть со І. Христомъ, и слѣдовательно содѣлываетъ ее охладѣвшею; тогда мы забываемъ Бога и дѣлаемся чувствительнѣе къ тварямъ. Напротивъ, душа чистая, которая смиряетъ себя и возстаетъ поспѣшно послѣ малѣйшихъ паденій, бываетъ всегда исполнена горячности и правоты.

Богъ заставляетъ насъ чувствовать нашу слабость не для чего инаго, какъ для того, чтобы дать намъ Свою силу; все то, что дѣлается непроизвольно, не должно возмущать насъ; главное есть не поступать никогда противъ внутренняго свѣта, и хотѣть идти столь далеко, какъ Богъ хочетъ насъ руководствовать.

~~~~~~~~~~~

XXIII.

О вѣрности въ маломъ.

Св. Францискъ де Саль говоритъ, что великія добродѣтели и вѣрность въ маломъ подобны соли и сахару. Сахаръ имѣетъ вкусъ превосходнѣйшій, но его не столь часто употребляютъ; напротивъ соль кладется во всѣ роды пищи, для жизни необходимой. Великія добродѣтели рѣдки; случай къ нимъ не всегда приходитъ; когда же онъ представляется, то мы бываемъ пріуготовлены къ нему всѣмъ тѣмъ, что ему предшествуетъ. Мы возбуждаемся къ нимъ великостію жертвы; подкрѣпляемъ себя или блескомъ дѣйствія, которое испол-
~~~~~~~~~~~

няемъ предъ глазами другихъ, или удовольствіемъ, ощущаемымъ въ самихъ себѣ при усиліи, которое находимъ чрезвычайнымъ. Малые случаи къ искушенію суть непредвидимы; онѣ возвращаются ежеминутно; приводятъ насъ безпрестанно въ несогласіе съ нашею гордостью, съ нашею лѣностью, съ нашимъ высокомѣріемъ, съ нашею торопливостію и съ нашею вспыльчивостію; онѣ сокрушаютъ нашу волю во всемъ, не оставляя ей ничего. Ежели мы хотимъ быть въ нихъ вѣрными, то натура не будетъ никогда имѣть времени для отдохновенія, и должно, чтобы она умерла всѣмъ своимъ склонностямъ. Люди стократно лучше хотѣли бы сдѣлать Богу нѣкоторыя великія пожертвованія, хотя насильственныя и болѣзненныя, съ условіемъ вознаградить себя за нихъ свободою слѣдовать своему вкусу и своимъ привычкамъ во всѣхъ маловажныхъ подробностяхъ. Однако же токмо вѣрностію въ малыхъ вещахъ даръ истинной любви продолжается и различается отъ преходящихъ горячностей натуры.

Въ благочестіи происходитъ то же, что въ экономіи для благъ временныхъ: ежели въ нихъ не принимаютъ осторожности, то разоряются болѣе на случайныя издержки, нежели на главныя статьи расхода. Кто умѣетъ пользоваться какъ въ духовномъ, такъ и временномъ, малыми вещами, тотъ собираетъ великія богатства. Всѣ вещи, кои суть велики, суть таковы не иначе, какъ посредствомъ собранія малыхъ, которыя тщательно сохраняютъ. Кто не допускаетъ ничего теряться безполезно, скоро сдѣлается богатымъ.

Впрочемъ должно знать, что Богъ взираетъ не столько на наши дѣйствія, какъ на побужденія любви, которыя заставляютъ ихъ дѣлать, и покорности, коей Онъ требуетъ отъ нашей воли. Люди судятъ о нашихъ дѣйствіяхъ по наружности; Богъ считаетъ за ничто все то, что блеститъ наиболѣе въ глазахъ людей. То, чего Онъ хощетъ, есть чистое намѣреніе, есть воля, готовая ко всему и покорная въ рукахъ Его, есть искренняя отрѣшенность отъ самаго себя. Все сіе исполняется гораздо чаще, съ меньшею опасностію для гордости и такимъ способомъ, которой искушаетъ насъ строже въ обыкновенныхъ случаяхъ, нежели въ чрезвычайныхъ. Даже иногда привязываются болѣе къ бездѣлкѣ, нежели къ важной пользѣ, и болѣе имѣли бы труда отстать отъ какого-либо увеселенія, нежели сдѣлать величайшія подаянія.

Мы тѣмъ удобнѣе обманываемся въ малыхъ вещахъ, что почитаемъ ихъ болѣе невинными, а себя менѣе къ нимъ привязанными. Но когда Богъ отъ насъ ихъ отнимаетъ, то мы легко можемъ узнать по скорби лишенія, сколько употребленіе ихъ было чрезмѣрно и привязанность къ нимъ неизвинительна. Впрочемъ, ежели мы пренебрегаемъ малыя вещи, то соблазняемъ ежечасно свое семейство, своихъ слугъ и цѣлое общество. Люди не могутъ себѣ представить, чтобъ наше благочестіе было чистосердечно, когда наше поведеніе кажется въ подробностяхъ низкимъ и безпорядочнымъ. Какая вѣроятность думать, что мы сдѣлаемъ не останавливаясь величайшія пожертвованія, когда не можемъ выполнить даже малѣйшихъ!

Но самое опаснѣйшее въ семъ случаѣ есть то, что душа по нерадивости въ малыхъ вещахъ пріучается къ невѣрности. Она оскорбляетъ Св. Духа, оставляетъ себя самой себѣ и считаетъ за ничто измѣнить Богу. Напротивъ истинная любовь не видитъ ничего маловажнаго; все то, что можетъ быть пріятно или непріятно Богу, кажется ей всегда великимъ. Это не значитъ, чтобы истинная любовь подвергала душу принужденію или мѣлочнымъ сомнѣніямъ, но что она не полагаетъ границъ ея вѣрности. Она дѣйствуетъ просто съ Богомъ; поелику же совсѣмъ не заботится о вещахъ, коихъ Богъ отъ нее не требуетъ, то не хочетъ также медлить ни на одно мгновеніе въ тѣхъ, коихъ Богъ отъ нее требуетъ. Такимъ образомъ мы содѣлываемся тогда вѣрными и точными въ самомалѣйшихъ вещахъ не по принужденію, но по чувствованію любви, которое изъято отъ размышленій и страховъ душъ безпокойныхъ и мнительныхъ. Мы бываемъ какъ бы увлечены любовію Божіею; хотимъ дѣлать все то, что дѣлаемъ, и не хотимъ ничего изъ всего того, чего не дѣлаемъ. Въ то же время, когда Богъ-Ревнитель стѣсняетъ душу, понуждаетъ ее безпрестанно въ малѣйшихъ подробностяхъ, и кажется, отнимаетъ у нее всю свободу, она находится на свободѣ и наслаждается въ Немъ глубокимъ миромъ. О сколь она щастлива!

Впрочемъ люди, кои по натурѣ своей имѣютъ менѣе точности, должны сдѣлать себѣ законъ ненарушимѣйшій въ малыхъ вещахъ. Они впадаютъ въ искушеніе презирать ихъ, имѣютъ привычку считать ихъ за ничто; не довольно

разсматриваютъ слѣдствія сего; не довольно представляютъ себѣ нечувствительные успѣхи, которые дѣлаютъ страсти; забываютъ даже опыты самые плачевные, которые въ семъ случаѣ дѣлали. Лучше любятъ надѣяться отъ себя воображаемой твердости и довѣряться своей бодрости, толико обманчивой, нежели подчинить себя непрерывной вѣрности. Вы скажете: это ничто. Такъ, ничто, но ничто, которое есть все для васъ; ничто, которое вы любите до того, что даже отказываете въ ономъ Богу; ничто, которое вы презираете на словахъ, дабы имѣть предлогъ отказать въ немъ; но въ самомъ дѣлѣ это есть ничто, которое вы сохраняете противъ воли Божіей, и которое погубитъ васъ. Презрѣніе малыхъ вещей совсѣмъ не значитъ возвышенности духа; это есть напротивъ ограниченность зрѣнія, по которой мы презираемъ то, что имѣетъ столь важныя слѣдствія. Чѣмъ труднѣе для насъ остерегаться въ малыхъ вещахъ, тѣмъ болѣе должно бояться презирать ихъ, не довѣрять самимъ себѣ и полагать непобѣдимыя преграды между собою и нерадѣніемъ. Qui spernit modica, paulatim decidet.

Наконецъ, судите себя по своимъ собственнымъ чувствованіямъ. Будете ли вы довольны другомъ, которой вамъ всѣмъ обязанъ, и которой, желая охотно служить вамъ въ случаяхъ, важными называемыхъ, не хотѣлъ бы принудить себя дѣлать вамъ угожденія, ни имѣть къ вамъ вниманія въ обыкновенномъ обращеніи?

Не страшитесь сего безпрерывнаго вниманія къ маловажнымъ вещамъ. Сначала нужна бодрость; но это есть покаяніе, котораго вы за-

служиваете, въ которомъ имѣете нужду, которое составитъ вашъ покой и вашу безопасность; внѣ его нѣтъ ничего кромѣ возмущенія и вторичныхъ паденій. Богъ сдѣлаетъ вамъ сіе состояніе легкимъ и пріятнымъ. Истинная любовь внимательна безъ принужденія и напряженія духа.

XXIV.

О движеніяхъ преходящихъ, о вѣрности и простотѣ.

Всякой разъ, когда мы примѣчаемъ въ себѣ движеніе высокомѣрія, тщетнаго самоугожденія, довѣренность къ самимъ себѣ, желаніе слѣдовать своей склонности, правиламъ противной, и склонность къ нетерпѣнію слабостей другихъ и скуки своего собственнаго состоянія, должно оставлять всѣ сіи движенія натуры, входить въ самаго себя предъ Богомъ, и останавливаться въ дѣйствіи даже до того времени, когда будемъ расположены къ таковому вхожденію въ себя. Ежели развлеченіе дѣлами, или живость вообраенія препятствуетъ душѣ входить въ себя способомъ легкимъ, пріятнымъ и ощутительнымъ, должно по крайней мѣрѣ успокоить себя правотою воли и желаніемъ войти въ самаго себя: тогда сіе желаніе будетъ нѣкоторой видъ самаго вхожденія, довольный къ тому, чтобы отдѣлить душу отъ ея собственной воли и сдѣлать ее покорною въ рукахъ Божіихъ.

Ежели при вашей скоропоспѣшности появляется въ васъ какое-либо движеніе весьма на-

туральное, и которое принадлежитъ къ сему гнусному собственнолюбію, о коемъ мы говоримъ, — не приходите въ уныніе: идите всегда своею дорогою; носите въ мирѣ предъ Богомъ сокрушеніе о вашей погрѣшности, не замедляя пути своего досадою, которую самолюбіе заставляетъ васъ чувствовать о вашей слабости. Идите всегда съ упованіемъ, не дозволяя возмущать себя печали тонкой гордости, которая не можетъ терпѣть видѣть себя несовершенною. Ваше заблужденіе посредствомъ сего внутренняго замѣшательства послужитъ къ тому, чтобы заставить васъ умереть самимъ себѣ и уничтожиться предъ Богомъ.

Наилучшій способъ исправить сіи заблужденія есть умереть чувствительности самолюбія, безъ замедленія на пути благодати, который нѣсколько прервали сею преходящею невѣрностію.

Главное дѣло есть отказаться отъ собственной своей мудрости посредствомъ простоты поведенія и быть готовымъ пожертвовать благосклонностью, уваженіемъ и похвалами публики всякой разъ, когда руководство Божіе насъ къ сему обязываетъ.

Это не значитъ, чтобы должно было брать на себя такія дѣла, коихъ Богъ на насъ не возлагаетъ, ни выставлять себя безполезно, говоря такія истины, коихъ люди благонамѣренные неспособны еще понимать.

Должно слѣдовать Богу и не предупреждать Его никогда. Такимъ образомъ, когда Онъ даетъ знакъ, должно все оставить и на все отваживаться, дабы оному слѣдовать. Медлить, оста-

навливаться, разслабляться, уменьшать то, что Онъ повелѣваетъ намъ дѣлать, страшиться подвергнуть себя слишкомъ Его игу, хотѣть привести себя въ безопасность отъ всѣхъ отвращеній и противорѣчій, искать благовидныхъ причинъ, дабы уволить себя отъ исполненія нѣкоторыхъ дѣлъ трудныхъ и досадныхъ, когда убѣждены въ своей совѣсти, что Богъ ожидаетъ ихъ отъ насъ, и что Онъ далъ намъ возможность ихъ выполнить: сіе значитъ взять себя обратно, отдавъ себя прежде Богу.

Я прошу Его предохранить васъ отъ сей невѣрности. Нѣтъ ничего столь ужаснаго, какъ противиться внутренно Богу; это есть грѣхъ противъ Св. Духа, о которомъ І. Х. увѣряетъ насъ (*), что онъ не отпустится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.

Другія погрѣшности, кои вы сдѣлаете въ простотѣ вашего добраго намѣренія, обратятся вамъ въ пользу, уничижая васъ и содѣлывая васъ меньшими въ вашихъ собственныхъ глазахъ. Но что касается до заблужденій противленія Духу Божію, по высокомѣрію и свѣтской мудрости, которая желала бы охотно пощадить себя въ исполненіи дѣла Божія, то они истребятъ нечувствительно духъ благодати въ вашемъ сердцѣ. Богъ ревнивый и отвергнутый послѣ толикихъ даровъ удалится и оставитъ васъ самимъ вамъ; вы не будете ничего больше дѣлать, какъ обращаться въ нѣкоторомъ видѣ круга, вмѣсто того, чтобы преуспѣвать быст-

(*) Матѳ. 12, 32.

рыми шагами на большой дорогѣ; будете изнемогать во внутренней жизни, и замедлять ея теченіе, почти не могши сказать самимъ себѣ вѣрной и основательной сего причины.

Богъ далъ вамъ простоту и чистосердечіе, которое безъ сомнѣнія Ему весьма пріятно, и на семъ-то основаніи хочетъ Онъ построить Свое зданіе.

Онъ хочетъ отъ васъ простоты, которая тѣмъ болѣе будетъ Его мудрость, что она совсѣмъ не есть ваша собственная. Онъ хочетъ, чтобъ вы были малы въ вашихъ глазахъ и покорны въ рукахъ Его, какъ дитя. Это есть сіе дѣтство, столь противное разуму человѣка и столь похваляемое въ Евангеліи, которое Богъ хочетъ вложить въ ваше сердце, не смотря на поврежденіе, въ мірѣ царствующее, гдѣ оно столь неизвѣстно и столь презираемо.

Естьли вы будете читать довольно, дабы питать и наставлять ваше сердце, входить въ самихъ себя отъ времени до времени въ нѣкоторыя минуты, сбереженныя вами отъ дневныхъ занятій, наконецъ имѣть учрежденное время для того, чтобъ быть съ Богомъ, то вы увидите довольно ясно все то, что вы должны дѣлать для исполненія всѣхъ добродѣтелей; правила представятся вамъ какъ бы сами собою. Ежели вы будете просты въ присутствіи Божіемъ, онъ васъ не оставитъ ни въ чемъ сомнѣваться.

Вы боитесь идти слишкомъ далеко во благѣ, и не довольно допускаете дѣйствовать Бога на счетъ собственной вашей мудрости, а сіе можетъ развлечь васъ и удержать милости,

которыя Богъ изливаетъ на васъ подобно быстрому источнику.

Болѣе всего не назначайте Ему никакихъ границъ. Не нужно предпринимать великія дѣла, коихъ Богъ можетъ быть совсѣмъ отъ васъ не требуетъ, но слѣдовать безъ заботливости, безъ поспѣшности и безъ собственныхъ движеній откровеніямъ, которыя Богъ будетъ низпосылать вамъ отъ времени до времени, дабы открыть сердца вашихъ друзей, и показать имъ то, чѣмъ они долженствуютъ Богу въ ихъ состояніяхъ.

Это есть дѣло терпѣнія, вѣры и безпрерывнаго вниманія; для сего нужна удивительная скромность, и должно весьма остерегаться извѣстной ревности, которая безразсудно разгорячается. Но сія скромность, столь необходимая, не есть та, какую себѣ воображаютъ; это есть скромность, которая не мыслитъ, какъ мірская, брать свои мѣры, совѣтуясь съ самой собою, но единственно ожидать всегда мановенія Божія, и устремлять безпрестанно къ Нему взоръ свой, такъ, чтобъ мы дѣйствовали не иначе, какъ по мѣрѣ того, какъ Онъ насъ понуждаетъ посредствомъ откровеній, которыя Его провидѣніе низпосылаетъ извнѣ, и свѣта, который оно сообщаетъ внутри насъ.

И такъ Богъ никогда не требуетъ, чтобъ вы возбуждали сами себя съ безпокойствомъ; напротивъ Онъ хочетъ, чтобъ вы были въ положеніи спокойномъ, но безъ противленія, и чтобы такимъ образомъ ничто васъ ни удерживало, ни замедляло, когда Богъ возхощетъ дѣйствовать посредствомъ васъ.

Я прошу Его излить на васЪ благодать дѣтства Іисусова сЪ миромЪ, упованіемЪ и радостію Св. Духа.

XXV.

Не должно судить ни о добродѣтеляхЪ, ни о порокахЪ какЪ своихЪ, такЪ и другаго по склонностямЪ человѣческимЪ.

Мы не довольно еще познали бѣдность человѣчества вообще, ни свою вЪ частности, когда приходимЪ вЪ удивленіе отЪ слабости и развращенности человѣковЪ. Ежели бы мы не ожидали никакого добра отЪ людей, то никакое зло не удивляло бы насЪ вЪ нихЪ. И такЪ наше удивленіе происходитЪ отЪ ошибки вЪ томЪ, что мы почитаемЪ цѣлое человѣчество за нѣчто, вмѣсто чего оно есть ничто, и еще хуже, нежели ничто. НѣтЪ ничего удивительнаго, ежели дерево приноситЪ плоды своего рода; но должно удивляться І. Христу, кЪ Которому мы привиты, какЪ говоритЪ Св. ПавелЪ, когда мы, дикія деревья, носимЪ вЪ НемЪ вмѣсто нашихЪ горькихЪ плодовЪ сладчайшіе плоды добродѣтели.

ВыдемЪ изЪ заблужденія о всякой добродѣтели человѣческой, которая отравлена самодовольствіемЪ и надеждою на самаго себя. — *Еже есть вЪ человѣцехЪ высоко* (*), говоритЪ ДухЪ Святый, *мерзость есть предЪ БогомЪ.*

(*) Лук. 16, 15.

Это есть внутреннее идолопоклонство, во всѣ минуты нашей жизни совершаемое. Сіе идолопоклонство, хотя украшенное блескомъ добродѣтелей, есть ужаснѣе, нежели многіе другіе грѣхи, которые почитаютъ чрезвычайными. Находится одна истина, равно какъ и одинъ способъ судить здраво: должно судить такъ, какъ Самъ Богъ судитъ. Грѣхи, сдѣланные по слабости, вспыльчивости, или по невѣдѣнію, менѣе раздражаютъ Бога, нежели добродѣтели, кои душа, самой собою исполненная, совершаетъ, дабы относить все къ своему собственному превосходству, какъ къ своему единственному Божеству: ибо это есть всецѣлое превращеніе всего плана Божія при твореніи. Перестанемъ судить о добродѣтеляхъ и порокахъ по нашему мнѣнію, которое самолюбіе испортило, и по нашимъ ложнымъ понятіямъ о величіи. Нѣтъ ничего великаго, кромѣ того, что поставляетъ себя весьма малымъ предъ единственнымъ и верховнымъ величіемъ. Вы стремитесь къ великому по склонности вашего сердца и по привычкѣ къ оному стремиться; но Богъ хочетъ васъ унизить и умалить въ рукахъ Своихъ. Оставьте Его дѣйствовать.

Люди, которые ищутъ Бога, часто бываютъ исполнены недостатковъ. Это не значитъ, чтобы Богъ одобрялъ ихъ несовершенства; но сіи несовершенства удерживаютъ ихъ и препятствуютъ имъ идти къ Нему кратчайшею дорогою. Они не могутъ идти скоро, ибо слишкомъ обременены самими собою и множествомъ вещей излишнихъ, которыя относятъ къ себѣ съ толикою заботливостію и ревнивостію. Одни ду-

маютъ идти прямо, употребляя всегда нѣкоторые малые обороты, дабы достигнуть къ ихъ цѣлямъ, кои имъ кажутся позволенными. Другіе не знаютъ собственнаго своего сердца до такой степени, что почитаютъ себя ни къ чему не прилѣпленными, хотя они еще привязаны ко всему, и хотя малѣйшая выгода или малѣйшій предразсудокъ ихъ побѣждаетъ.

Мы ласкательствуемъ себѣ касательно своихъ причинъ, въ то же время, когда думаемъ взвѣшивать причины другаго на вѣсахъ святилища, и чрезъ сіе содѣлываемся несправедливыми, говоря безпрерывно о справедливости и прамодушіи. Предубѣждаемся противъ людей, къ коимъ чувствуемъ зависть; зависть, скрытая въ тайнѣйшихъ изгибахъ сердца, увеличиваетъ малѣйшіе ихъ недостатки; будучи ею исполнены, не можемъ молчать объ нихъ, забываемся противъ воли и допускаемъ примѣчать свое презрѣніе и отвращеніе. Отъ того происходятъ утонченныя критики и худыя услуги, которыя мы дѣлаемъ, не думая ихъ дѣлать.

Сердце, стѣсненное собственною выгодою, обманываетъ само себя, дабы позволить себѣ то, что ему нужно: оно слабо, нерѣшительно, робко, готово пресмыкаться, ласкательствовать, возкурять ѳиміамъ, чтобы получить желаемое. Оно столь занято собою, что ему не остается ни времени, ни мысли, ни чувствованія для ближняго. Время отъ времени страхъ Божій возмущаетъ ложный миръ его, и принуждаетъ его къ соучастію въ другихъ; но оно исполняетъ сіе не иначе, какъ изъ страха и противъ воли. Это есть возбужденіе постороннее, преходящее и на-

сильственное; мы весьма скоро входимъ опять во глубину самихъ себя, гдѣ опять становимся свое все и даже свой Богъ; все для себя, или все для того, что къ себѣ относимъ — а остатокъ цѣлаго міра ничто. Не хотимъ быть ни честолюбивыми, ни скупыми, ни несправедливыми, ни измѣнниками; но не любовь къ Богу дѣлаетъ въ насъ постоянными и твердыми всѣ добродѣтели, противныя симъ порокамъ, а напротивъ, страхъ чуждый, который случается временно, и останавливаетъ въ насъ пороки, собственныя душѣ, привязанной къ самой себѣ.

Вотъ что заставляетъ меня столько жаловаться и желать благочестія чистой вѣры и смерти совершенной, которая исторгаетъ душу изъ нея самой безъ всякой надежды возвращенія.

Сіе совершенство находятъ слишкомъ высокимъ и неудобь исполнительнымъ. Очень хорошо! Пусть возвратятся опять къ сему самолюбію, которое боится Бога единственно для себя, и которое идетъ всегда падая и возставая съ робостію даже до конца жизни. Любя только самихъ себя, по необходимости должны быть исполнены недостатками; показываемъ себя лучше, нежели другіе, когда находимся въ лучшемъ состояніи: но сія наружность не имѣетъ ничего существеннаго. Сіе благочестіе, смѣшанное съ самолюбіемъ, издаетъ смрадъ; оно соблазняетъ людей и Самъ Богъ его отвергаетъ. Когда будетъ то, что и мы также его отвергнемъ, и когда мы достигнемъ до источника зла?

Когда доводятъ благочестіе до сей степени, мы бываемъ устрашены, и находимъ, что оно идетъ слишкомъ далеко; когда же оно не дости-

гаетъ до сего, то бываетъ слабо, завистливо, изнѣженно и корыстолюбиво. Рѣдкіе люди имѣютъ довольно бодрости и вѣрности къ тому, чтобы потерять себя, забыть себя и уничтожить самихъ себя; слѣдовательно рѣдкіе люди отдаютъ благочестію всю ту честь, которую должно ему воздавать.

Находятся ошибки, происходящія отъ скороспѣшности и непостоянства, которыя не суть несовмѣстны съ искреннимъ благочестіемъ. Сіе извѣстно; но не довольно ясно понимаютъ, чтобъ и другіе недостатки, происходящіе отъ слабости, мечтательности самолюбія и привычки, могли согласоваться съ истиннымъ намѣреніемъ угождать Богу. По истинѣ, сіе намѣреніе ни довольно чисто, ни довольно твердо; но хотя слабое и несовершенное, оно чистосердечно въ своихъ границахъ. Мы бываемъ скупы, но не видимъ своей скупости; она называется добропорядочность, стараніе не потерять ничего, предвидѣніе нуждъ. Бываемъ завистливы, но не чувствуемъ въ себѣ сей низкой и злобной страсти, которая скрывается, не осмѣливаясь показаться, поелику она привела бы насъ въ большое замѣшательство; она переряжается, и иногда обманываетъ гораздо болѣе человѣка, который ею мучится, нежели другихъ, кои разсматриваютъ ее вблизи испытывающими взорами. Бываемъ строги, разборчивы, мнительны въ дѣлахъ; все сіе производитъ личная польза, но польза, тысячею благовидныхъ причинъ защищаемая. Послушайте ее, и вы никогда не кончите; должно признать, что она не дѣлаетъ ничего несправедливаго. Изъ сего

я заключаю, что добрые люди исполнены несовершенствъ, смѣшанныхъ съ ихъ доброю волею; поелику воля ихъ, хотя добрая, еще слаба, раздѣлена и удерживаема тайными пружинами самолюбія.

Самая ваша горячность противъ недостатковъ другихъ есть великій недостатокъ. Сіе презрѣніе бѣдности другаго есть бѣдность, которая не знаетъ еще довольно самой себя. Это высокомѣріе, которое возносится превыше низости рода человѣческаго, вмѣсто чего, чтобы хорошо ее видѣть, надлежало бы смотрѣть снизу. Боже мой! когда мы не будемъ болѣе ничего видѣть ни въ себѣ, ни въ другихъ? Богъ есть всякое благо; тварь — всякое зло. Впрочемъ впечатлѣнія посторонніл, кои вы получаете отъ внѣшнихъ предметовъ, бываютъ весьма сильны. Вы живо ими трогаетесь, смотря по различнымъ случаямъ, вмѣсто чего вы должны бы принимать хладнокровно извѣстныя справедливыя намѣренія, которыя были бы постоянны, которыя приличествовали бы всѣмъ частнымъ случаямъ, которыя дали бы вамъ общій ключь ко всѣмъ частнымъ подробностямъ, и которыя почти не были бы подвержены перемѣнамъ.

Вы страшитесь подпасть презрѣнію цѣлаго рода человѣческаго. Въ нѣкоторомъ смыслѣ я хотѣлъ бы, чтобъ вы презирали его весь совершенно столько же, сколь онъ презрѣнія достоинъ. Единый свѣтъ Божій можетъ, возрастая, дать вамъ сіе проницаніе бездны зла, находящейся во всѣхъ людяхъ. Но познавая основательно все сіе зло, должно познавать

также и благо, которое Богъ смѣшалъ съ нимъ. Это есть та смѣсь блага и зла, которую съ трудомъ могутъ различить. Это есть доброе и худое сѣмя (*), которое врагъ смѣшалъ вмѣстѣ. Слуги хотятъ раздѣлить ихъ; но отецъ семейства говоритъ: *оставите расти обое купно до жатвы.*

Главное дѣло есть не впадать въ уныніе при видѣ столь печальнаго зрѣлища, и не простирать слишкомъ далеко недовѣрчивость. Люди, по природѣ открытые и довѣрчивые, дѣлаются скрытными и не довѣряютъ болѣе, нежели другіе, когда они по опытности наскучили имѣть довѣренность и откровенность; они подобны отчаяннымъ трусамъ, коихъ отчаяніе бываетъ иногда выше храбрости. Вы должны весьма остерегаться сего недостатка; ибо зависть, ревность, легкомысленность сужденій и зловредность худыхъ услугъ отравляютъ множество невинныхъ вещей и увеличиваютъ чрезвычайно многія легкія несовершенства. Все сіе приходитъ толпою осаждать ваше терпѣніе, вашу довѣрчивость и вашу любовь къ ближнему; но укрѣпитесь. Богъ сохраняетъ Себѣ истинныхъ служителей; ежели они не исполняютъ всего того, что должно, то по крайней мѣрѣ дѣлаютъ много въ сравненіи съ остаткомъ развращеннаго міра и въ отношеніи къ ихъ способностямъ и дарованіямъ. Они признаютъ свои несовершенства, сокрушаются о нихъ, сражаются съ ними; правда, что они медленно

(*) Матѳ. 13, 25.

въ нихъ исправляются, но все однакожъ исправляются; они хвалятъ Бога за то, что исполняютъ, и осуждаютъ себя за то, чего не исполняютъ. Богъ симъ доволенъ; удовольствуйтесь и вы.

Ежели вы мыслите согласно со мною, что должно было бы лучше служить Богу, то ищите безъ границъ и безъ мѣры сего истиннаго служенія, изъ котораго все то, что не относится къ Богу, изгнано, какъ невѣрность и своекорыстіе. О ежели бы вы были въ семъ блаженномъ состояніи, то далече отъ того, чтобы сносить нетерпѣливо тѣхъ, кои въ ономъ не находятся; безмѣрное пространство вашего сердца сдѣлало бы васъ снисходительнымъ и сострадательнымъ ко всѣмъ слабостямъ, которыя стѣсняютъ сердца корыстолюбивыя! Чѣмъ болѣе мы совершенны, тѣмъ болѣе привыкаемъ къ несовершенству другихъ. Фарисеи не могли сносить мытарей и грѣшницъ, съ коими І. Х. обходился съ толикою кротостію и благостію. Когда не прилѣпляемся болѣе къ себѣ, то входимъ въ сіе величіе Бога, Котораго ничто ни утомляетъ, ни отвращаетъ. Когда будете вы въ сей свободѣ и расширеніи сердца? Нѣжность и разборчивость, кои почитаютъ происходящими отъ очищеннаго вкуса добродѣтели, гораздо болѣе происходятъ отъ стѣсненности въ самомъ себѣ. Кто не принадлежитъ себѣ, принадлежитъ въ Богѣ ближнему совершенно; кто еще слишкомъ принадлежитъ себѣ, тотъ принадлежитъ Богу и ближнему не иначе, какъ по мѣрѣ привязанности, которая остается въ немъ еще къ самому себѣ. Да содѣлаютъ изъ васъ

миръ, истина, простота, свобода, чистая вѣра и безкорыстная любовь совершенное всесожженіе!

XXVI.

Отвращеніе къ лишеніямъ и уничтоженію даже между людьми набожными.

Почти всѣ тѣ, кои намѣреваются служить Богу, думаютъ о семъ ни для чего другаго, какъ для самихъ себя; они стараются беречь, а не терять, утѣшаться, а не страдать, обладать, а не быть лишенными, возрастать, и никогда не умаляться; напротивъ, вся внутренняя работа состоитъ въ томъ, чтобы терять, приносить въ жертву, умаляться и лишать себя даже слишкомъ чувствительной склонности къ дарамъ Божіимъ, и чтобы не прилѣпляться болѣе ни къ чему, кромѣ Его единаго. Безпрестанно бываютъ похожи на больныхъ, страстно желающихъ здоровья, которые щупаютъ у себя пульсъ сто разъ въ день, и которые имѣютъ нужду, чтобы врачь ихъ успокоилъ, давая имъ часто лѣкарства, и говоря имъ, что они поправляются. Вотъ почти все употребленіе, какое дѣлаютъ изъ духовника. Знаютъ токмо обращаться въ маломъ кругѣ общихъ добродѣтелей, изъ котораго никогда не выходятъ благороднымъ образомъ. Духовникъ, подобно лѣкарю, ласкательствуетъ, утѣшаетъ, ободряетъ, подкрѣпляетъ нѣжность и чувствительность къ самимъ себѣ; онъ предписываетъ токмо маленькія легкія лѣкарства, которыя

обращаются въ привычку. Какъ скоро находятъ себя лишенными ощутительныхъ даровъ благодати, кои суть ничто иное, какъ дѣтское молоко, то почитаютъ все потеряннымъ. Это есть ясное доказательство, что привязываются слишкомъ къ средствамъ, кои не суть конецъ, и что хотятъ всегда всего для себя. Лишенія суть хлѣбъ крѣпкихъ; они содѣлываютъ душу твердою, исторгаютъ ее изъ нея самой, посвящаютъ ее Богу совершенно: но мы приходимъ въ отчаяніе, какъ скоро они начинаются. Думаемъ, что все превращается, когда все очищается и утверждается основательно. Охотно желаемъ, чтобы Богъ сдѣлалъ изъ насъ то, что Ему угодно будетъ, лишь бы только Онъ всегда дѣлалъ изъ насъ нѣчто великое и совершенное. Но ежели не хотимъ быть разрушены и уничтожены, то никогда не будемъ жертвою всесожженія, отъ котораго не остается ничего, и которое огнь Божественный истребляетъ. Хотѣли бы войти въ состояніе чистой вѣры, и сохранить собственную мудрость, быть дитятею и великимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. — Какая химера духовной жизни!

XXVII.

О добромъ употребленіи крестовъ.

Люди имѣютъ весьма много труда убѣдиться въ благости Божіей, видя, что Онъ обременяетъ крестами тѣхъ, коихъ любитъ. Для чего, говорятъ они, имѣть удовольствіе застав-

влять насъ страдать? Не могъ ли бы Онъ сдѣлать насъ добрыми, не дѣлавши нещастными? Такъ безъ сомнѣнія, Богъ имѣлъ къ сему возможность; ибо нѣтъ ничего Ему невозможнаго. Онъ содержитъ въ Своей всемогущей десницѣ сердца людей и обращаетъ ихъ, какъ Ему угодно. Но Богъ, Который былъ въ состояніи спасти насъ безъ креста, не восхотѣлъ сего сдѣлать, также, какъ Онъ возхотѣлъ лучше оставить людей возрастать со всѣми затрудненіями и слабостями младенчества, нежели повелѣть имъ родиться со всею крѣпостію зрѣлаго возраста. Онъ въ семъ властенъ; мы должны только молчать и обожать глубокую Его мудрость, не понимая оной. Мы видимъ ясно, что можемъ сдѣлаться совершенно добрыми не иначе, какъ потолику, поскольку содѣлаемся смиренными, безкорыстными, отрѣшенными отъ самихъ себя, дабы относить къ Богу все безъ всякаго безпокойнаго обращенія къ самимъ себѣ.

Способъ дѣйствія благодати, которой отрѣшаетъ насъ отъ насъ самихъ и исторгаетъ насъ отъ нашего самолюбія, не можетъ безъ чуда благодати не быть болѣзненнымъ. Богъ въ порядкѣ благодати, также какъ и въ натуральномъ, не творитъ ежедневныхъ чудесъ. Это было бы въ отношеніи къ благодати столь же великое чудо, видѣть человѣка, исполненнаго самимъ собою, въ одно мгновеніе умершаго всякой личной выгодѣ и всей чувствительности, какъ было бы великое чудо видѣть младенца, который, легши спать дитятею, вставалъ бы на другой день большимъ, какъ человѣкъ въ тридцать лѣтъ. Богъ скрываетъ Свое дѣйствіе въ порядкѣ благо-

дати, какъ и въ порядкѣ натуры подъ нечувствительнымъ послѣдованіемъ происшествій. Чрезъ сіе-то Онъ содержитъ насъ во мракѣ вѣры. Не токмо Онъ творитъ Свое дѣло постепенно, но и творитъ его такими средствами, которыя кажутся простѣйшими и приличнѣйшими къ тому, дабы успѣть въ ономъ: и сіе для того, дабы, поелику средства кажутся способными къ успѣху, мудрость человѣческая приписывала успѣхъ средствамъ, кои суть какъ бы натуральны, и чтобъ такимъ образомъ перстъ Божій былъ менѣе примѣтенъ; иначе, все то, что Богъ творитъ, было бы безпрерывное чудо, которое разрушило бы состояніе вѣры, въ коемъ Богу угодно было насъ поставить.

Сіе состояніе вѣры есть необходимо не токмо къ тому, чтобы возбуждать добрыхъ, принуждая ихъ приносить въ жертву свой разумъ, въ жизни, исполненной темноты, но еще и для того, чтобы ослѣпить тѣхъ, кои заслуживаютъ, по ихъ превозношенію, ослѣпляться самими собою. Сіи, видя дѣла Божіи, не понимаютъ ихъ; они не находятъ въ нихъ ничего, кромѣ натуральнаго. Они лишены истиннаго разумѣнія, ибо его заслуживаютъ не иначе, какъ потолику, поскольку не довѣряютъ собственному своему разуму, и потому, что гордая мудрость не достойна открывать совѣты Божіи.

И такъ Богъ содѣлываетъ способъ дѣйствія благодати медленнымъ и болѣзненнымъ для того, чтобы сокрыть въ мрачности вѣры сей способъ. Онъ употребляетъ непостоянство и неблагодарность тварей, ошибки и отвращеніе,

которое мы находимъ въ благоденствіи, дабы отрѣшить насъ отъ тварей и отъ обманчиваго щастія. Онъ выводитъ насъ изъ заблужденія, касательно насъ самихъ, посредствомъ опытнаго познанія нашей слабости и нашего поврежденія въ безконечности паденій. Все сіе кажется естественнымъ — и сіе-то послѣдованіе средствъ какъ бы натуральныхъ заставляетъ насъ горѣть малымъ огнемъ. Охотно желали бы быть истреблены вдругъ пламенемъ чистой любви; но сіе разрушеніе столь поспѣшное почти ничего бы намъ не стоило. Излишество самолюбія заставляетъ насъ хотѣть сдѣлаться совершенными въ одно мгновеніе и столь легкимъ образомъ.

Что такое заставляетъ насъ возмущаться противъ долговременности крестовъ? Привязанность къ самимъ себѣ — и сію-то привязанность Богъ хощетъ истребить; ибо, покамѣстъ мы будемъ еще прилѣплены къ самимъ себѣ, дѣло Божіе не будетъ совершено.

На что же можемъ мы жаловаться? Наше зло состоитъ въ томъ, что мы прилѣплены къ тварямъ, и еще болѣе къ самимъ себѣ. Богъ пріуготовляетъ порядокъ происшествій, которой отрѣшаетъ насъ мало помалу отъ тварей, и которой наконецъ исторгаетъ насъ изъ насъ самихъ. Сей способъ дѣйствія удручителенъ; но наше поврежденіе дѣлаетъ его необходимымъ и есть причина скорби, нами претерпѣваемой. Естьли бы наше тѣло было здорово, лѣкарь не дѣлалъ бы на немъ никакого надрѣза. Онъ рѣжетъ не иначе, какъ по соразмѣрности того, сколь глубока рана и повреждено тѣло. Ежели опера-

ція причиняетъ намъ большую боль, сіе потому, что зло велико. Есть ли это жестокость лѣкаря, что онъ рѣжетъ? Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, это желаніе добра; онъ такимъ же образомъ поступилъ бы съ своимъ единственнымъ сыномъ.

Богъ также съ нами поступаетъ. Онъ никогда не наноситъ намъ скорби иначе, какъ противъ Своей воли. Его отеческое сердце не желаетъ привести насъ въ отчаяніе; но Онъ отсѣкаетъ даже до костей, дабы излѣчить язву нашего сердца. Должно, чтобы Онъ отнялъ у насъ то, что мы слишкомъ любимъ, то, что мы любимъ безъ порядка, то, что мы любимъ въ предосужденіе любви Его. Въ семъ случаѣ что Онъ дѣлаетъ? Онъ заставляетъ насъ плакать, какъ дѣтей, у коихъ отнимаютъ ножъ, которымъ они играли и которымъ могли убить себя. Мы плачемъ, унываемъ, испускаемъ громкіе вопли, готовы роптать противъ Бога, какъ дѣти досадуютъ на своихъ матерей; но Богъ оставляетъ насъ плакать и спасаетъ насъ. Онъ оскорбляетъ насъ единственно для того, чтобы исправить. Даже тогда, когда Онъ кажется насъ обременяющимъ, ищетъ нашего блага, и дѣлаетъ это для того, чтобы избавить насъ отъ нещастій, кои мы самимъ себѣ причинили бы. То, что мы оплакиваемъ, заставило бы насъ вѣчно плакать; то, что мы почитаемъ потеряннымъ, было потеряно, когда мы думали обладать имъ; Богъ сохранилъ его въ безопасности, дабы возвратить намъ оное тотчасъ въ вѣчности, которая приближается. Онъ лишаетъ насъ вещей, кои мы любимъ, не

для чего инаго, какъ для того, чтобы заставить насъ любить ихъ любовію чистою, постоянною и умѣренною, дабы удостовѣрить насъ въ вѣчномъ наслажденіи оными въ Его нѣдрахъ, и чтобы сдѣлать намъ во сто кратъ болѣе добра, нежели сколько мы сами могли бы онаго желать себѣ.

Не случается ничего на землѣ, и даже грѣха, безъ воли Божіей. Онъ есть Тотъ, Который творитъ все, Который управляетъ всѣмъ, Который даетъ каждой вещи все то, что она имѣетъ. Онъ счелъ власы главы нашей, листы каждаго дерева, зерна песку морскаго, и капли воды, которыя наполняютъ бездны Океана. Творя вселенную, Его мудрость измѣрила и взвѣсила все до послѣдняго атома. Онъ есть Тотъ, Который ежеминутно производитъ и возобновляетъ въ насъ дыханіе жизни, насъ одушевляющее. Онъ счелъ наши дни и держитъ въ Своихъ могущественныхъ рукахъ ключи гроба, дабы открыть, или закрыть ихъ.

То, что наиболѣе поражаетъ глаза наши, есть ничто въ очахъ Божіихъ. Нѣсколько дней жизни больше, или меньше суть разности, которые изчезаютъ въ присутствіи Его вѣчности. Какая нужда, что сей бренный сосудъ, сіе земляное тѣло будетъ разрушено и приведено въ прахъ нѣсколько ранѣе, или нѣсколько позже?

О, какъ наши познанія ограничены и обманчивы! Приходятъ въ изумленіе, видя человѣка, умирающаго въ цвѣтущемъ возрастѣ; говорятъ: какая страшная потеря! Но для кого потеря? Что теряетъ умирающій? Нѣсколько лѣтъ суетности, мечтательности и опасности подвер-

гнуться вѣчной смерти. Богъ изхитилъ его отъ среды неправдъ и поспѣшилъ изторгнуть его отъ развратнаго міра и отъ собственнаго его непостоянства. Что теряютъ люди, коими онъ былъ любимъ? Они теряютъ отраву мірскаго щастія; они теряютъ безпрерывное упоеніе; они теряютъ забвеніе Бога и самихъ себя, въ которомъ были погружены; или лучше, они сохраняютъ силою креста щастіе отрѣшенности. Одинъ и тотъ же ударъ, который спасаетъ человѣка умирающаго, пріуготовляетъ другихъ къ тому, чтобы отрѣшать себя отъ всего посредствомъ терпѣнія, дабы трудиться мужественно къ своему спасенію.

О сколь справедливо, что Богъ есть благъ, что Онъ чувствителенъ, что Онъ сострадателенъ къ нашимъ истиннымъ нещастіямъ, даже тогда, когда кажется насъ поражающимъ, и когда мы впадаемъ въ искушеніе жаловаться на Его строгость!

Какую разность находимъ мы теперь между двумя человѣками, которые умерли за сто лѣтъ назадъ? Одинъ умеръ двадцатью годами ранѣе другаго, — но наконецъ они умерли оба. Ихъ разлука, казавшаяся въ свое время столь долгою и столь трудною, кажется намъ теперь и была въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ краткая разлука. Въ скоромъ времени то, что раздѣлено, будетъ возсоединено, и не останется никакого слѣда сего столь кратковременнаго раздѣленія. Мы почитаемъ себя какъ бы безсмертными, или по крайней мѣрѣ долженствующими жить столѣтія. Глупость разума чело-

вѣческаго! Тѣ, которые умираютъ всякой день, слѣдуютъ весьма близко за тѣми, которые уже умерли. Кто собирается путешествовать, не долженъ почитать себя удаленнымъ отъ того, который отправился прежде только за два дни. Жизнь протекаетъ, какъ быстрый источникъ. Прошедшее какъ сонъ не существуетъ; настоящее въ то же мгновеніе, какъ мы думаемъ держать его, убѣгаетъ отъ насъ и повергается въ сію бездну прошедшаго; будущее пройдетъ столь же скоротечно. Дни, мѣсяцы и годы проходятъ, какъ волны морскія понуждаютъ одна другую. Еще нѣсколько дней, еще мало, говорю я, — и все будетъ кончено.

Увы! сколь то, что кажется намъ долговременнымъ во время скуки и печали, покажется краткимъ, когда оно кончится!

Слабость нашего самолюбія есть причина того, что мы столь чувствительны къ нашему состоянію. Больной, которой худо спитъ ночью, находитъ ночь безконечно долгою; но сія ночь столь же коротка, какъ и другія. Мы увеличиваемъ по слабости всѣ свои страданія; онѣ велики, но изнѣженность заставляетъ почитать ихъ еще большими. Истинное средство сократить ихъ есть предаться Богу мужественнымъ образомъ. Правда, мы страдаемъ; но Богъ хощетъ сего страданія, дабы очистить насъ и содѣлать достойными Его. Міръ увеселялъ насъ и его благоденствіе отравляло наше сердце; мы хотѣли бы проводить всю свою жизнь даже до страшнаго часа смертнаго въ сей изнѣженности, въ сихъ удовольствіяхъ, въ семъ со-

стоянія тщетной радости, въ семъ торжествѣ гордости, въ сей привязанности къ міру, врагу I. Христа, въ семъ удаленіи отъ креста, который одинъ можетъ освятить насъ. Міръ отвратился отъ насъ, забылъ насъ съ неблагодарностію, не узнаетъ насъ болѣе, поставилъ насъ на ряду съ вещами, кои уже не существуютъ. Очень хорошо! Должно ли удивляться, что міръ всегда есть міръ, несправедливъ, обманчивъ, вѣроломенъ? Однако же это есть тотъ міръ, который мы не стыдимся любить, и который, можетъ быть, хотѣли бы имѣть возможность любить еще. Изъ сего-то самаго міра Богъ хощетъ насъ исторгнуть, дабы освободить насъ отъ его проклятаго рабства и заставить насъ войти въ свободу душъ отрѣшенныхъ, — и сіе приводитъ насъ въ отчаяніе. Естьли мы чувствительны къ равнодушію сего міра, который столь презрителенъ и столь достоинъ отвращенія, то мы враги самихъ себя. Какъ! мы не можемъ терпѣть того, что для насъ есть благо, и сожалѣемъ толико о томъ, что для насъ имѣетъ плачевныя слѣдствія! Вотъ источникъ нашихъ слезъ и нашихъ горестей!

О Боже мой! Ты, Который видишь глубину нашей бѣдности, Ты Одинъ можешь избавить насъ отъ оной. Ускори дать намъ вѣру, надежду, любовь, мужество Христіанское, которыя недостаютъ намъ! Сотвори, чтобъ мы безпрерывно обращали взоры къ Тебѣ, о Отецъ всемогущій, Ты, Который не даешъ ничего любезнымъ Твоимъ дѣтямъ иначе, какъ для ихъ спасенія, и на Іисуса, Сына Твоего, Который есть образецъ нашъ въ страданіяхъ! Ты при-

твоздилъ Его ко кресту для насъ, Ты содѣлалъ Его мужемъ болѣзней, дабы научить насъ, колико оныя суть полезны. И такъ, да умолкнетъ слабая и низкая натура, видя Іисуса, насыщеннаго поношеніемъ и угнѣтеннаго страданіями. Возобнови мое сердце, Боже мой! Даждь мнѣ сердце по сердцу Твоему, которое бы ожесточалось противъ самаго себя, которое бы страшилось единственно быть Тебѣ неугоднымъ, и которое по крайней мѣрѣ страшилось бы горестей вѣчныхъ, а не тѣхъ, кои пріуготовляютъ намъ Царствіе Твое. Господи! Ты зришь слабость и уныніе Твоей твари; она не находитъ болѣе подпоры въ самой себѣ, все ей измѣняетъ. Тѣмъ лучше, токмо бы Ты не оставилъ ее никогда, и чтобы она искала въ Тебѣ съ упованіемъ все то, что отчаявается найти въ собственномъ своемъ сердцѣ.

XXVIII.

О пользѣ молчанія и вхожденія въ самаго себя.

Теперь вы должны трудиться надъ тѣмъ, чтобы молчать столько, сколько благопристойность обращенія вамъ сіе дозволитъ. Молчаніе производитъ присутствіе Божіе, сохраняетъ отъ многихъ грубыхъ и высокомѣрныхъ словъ, и наконецъ уничтожаетъ великое число насмѣшекъ, или опасныхъ сужденій о ближнемъ. Молчаніе смиряетъ духъ и отрѣшаетъ его мало по малу отъ міра; оно творитъ въ сердцѣ нѣко-

торой родъ уединенія, подобнаго тому, коего вы ищете; оно вознаграждаетъ все, недостающее вамъ въ вашей разсѣянности. Ежели только вы не говорите безполезно, то будете имѣть много свободныхъ минутъ, даже посреди собраній, которыя васъ удерживаютъ противъ воли.

Вы хотите свободы, чтобъ молиться Богу — и Богъ, Который знаетъ лучше, нежели вы сами, то, что вамъ нужно, дастъ вамъ суеты и порабощеніе, дабы умертвить васъ. — Умерщвленіе, происходящее изъ порядка Божія, будетъ для васъ полезнѣе, нежели сладость молитвы, приносимой по вашей склонности и выбору. Вы знаете, что не нужно слишкомъ уединяться, дабы любить Бога; когда Онъ даетъ вамъ время, должно принять его и онымъ пользоваться; до сего же пребывайте въ состояніи вѣры, и помните, что все то, что Онъ даетъ вамъ, есть самое лучшее.

Возвышайте часто къ Нему ваше сердце, не останавливаясь видѣть ничего во внѣшности; говорите не иначе, какъ по нуждѣ; сносите терпѣливо встрѣчающіяся непріятности. Поелику вы знаете Религію, то имѣете болѣе нужды въ умерщвленіи, нежели въ томъ, чтобы получать свѣтъ. Единственное, чего я боюсь для васъ, есть разсѣяніе; но вы можете избѣжать и онаго посредствомъ молчанія, естьли только будете говорить не иначе, какъ по необходимости.

Когда вы не можете сохранять большое время, не презирайте сберегать малое: четверть часа, сохраненная посредствомъ вашей вѣрности

и бережливости отъ вашихъ занятій, будетъ вамъ стоить предъ Богомъ цѣлыхъ часовъ, кои вы посвятите Ему въ свободнѣйшее время. Сверхъ того, разныя малыя времена, собранныя въ теченіи дня, будучи взяты вмѣстѣ, составятъ нѣчто, заслуживающее вниманіе; можетъ быть даже вы извлечете изъ сего ту выгоду, что чаще будете обращаться къ Богу, нежели тогда, когда бы вы назначали для сего извѣстное какое-либо время. Любить, молчать, терпѣть, поступать противно своимъ склонностямъ, дабы исполнить волю Божію, сообразуясь волѣ ближняго: вотъ вашъ удѣлъ. Весьма щастливы, нося кресты, которые Богъ даетъ вамъ изъ Своихъ собственныхъ рукъ въ ходѣ Его провидѣнія! —

Покаяніе, которое мы избираемъ, или принимаемъ, когда намъ оное налагаютъ, не можетъ заставить умереть наше самолюбіе, какъ то, которое Богъ назначаетъ намъ ежедневно. Сіе не имѣетъ ничего, на что бы собственная наша воля могла опереться; а какъ оно происходитъ непосредственно отъ милосердаго Провидѣнія, то и приноситъ съ собою благодать, соразмѣрную всѣмъ нашимъ нуждамъ. И такъ не остается ничего больше дѣлать, какъ предавать себя Богу ежедневно, не смотря въ будущее: Онъ носитъ насъ на Своихъ рукахъ, какъ нѣжная мать носитъ свое дитя. Будемъ вѣрить, надѣяться, любить совершенно съ дѣтскою простотою и во всѣхъ нашихъ нуждахъ будемъ обращать нѣжные и исполненные довѣренности взоры къ Небесному Отцу.

XXIX.

О крестахъ вообще.

Трудности, которыя полагаются между нами и Богомъ, суть кресты, кои должно сносить терпѣливо, и которые суть средства къ нашему съ Нимъ соединенію, ежели мы смиренно оныя сносимъ. То, что приводитъ въ смятеніе и угнѣтаетъ нашу гордость, дѣлаетъ намъ гораздо болѣе добра, нежели то, что возбуждаетъ насъ къ добродѣтели. Мы имѣемъ нужду быть сраженными, какъ Св. Павелъ при вратахъ Дамаска, и не находить болѣе подпоры въ насъ самихъ, но въ единомъ Богѣ.

Натура внушаетъ намъ токмо бодрость надмѣнную и пренебрегающую, и раздражается противъ людей, коихъ Богъ употребляетъ къ тому, дабы смирить насъ.

Должно носить свои кресты въ молчаніи съ мужествомъ смиреннымъ и спокойнымъ; быть великимъ въ Богѣ, а отнюдь не въ себѣ; великимъ кротостію и терпѣніемъ, и малымъ по смиренію.

Когда Богъ трогаетъ нашу чувствительность, уничижая насъ, тѣмъ лучше: это благотворительный врачь, который приспособляетъ лѣкарство къ нашимъ болѣзнямъ, кои Онъ излѣчить хочетъ. И такъ умолкнемъ; будемъ обожать Того, Который поражаетъ насъ; будемъ отверзать уста токмо для того, чтобы сказать: я это слишкомъ заслуживаю. Сколь бы ни была горька чаша, должно испить ее до по-

слѣдней капли, по примѣру І. Христа. Онъ умеръ за тѣхъ, которые принудили Его умереть, и научилъ насъ любить, благословлять и молиться за тѣхъ, которые заставляютъ насъ страдать. —

Должно усугубить свои молитвы во время смущенія и искушеній. Мы найдемъ въ сердцѣ І. Христа, умирающаго на крестѣ, все то, чего недостаетъ нашему, дабы любить тѣхъ, коихъ наша гордость хотѣла бы ненавидѣть.

Крестъ любимый есть крестъ токмо въ половину, поелику любовь услаждаетъ все и мы страдаемъ много единственно потому, что любимъ мало. О, сколь мы бываемъ щастливы, когда страдаемъ много, и сколь нещастны, не страдая со І. Христомъ, поелику мы существуемъ въ семъ мірѣ не для чего инаго, какъ для того, чтобы очищаться въ страданіяхъ.

Богъ искушаетъ насъ болѣзнями и внѣшнимъ принужденіемъ: должно употреблять все сіе въ пользу. Когда мы страдаемъ много, сіе потому, что имѣемъ много привязанностей, которыя должно отсѣчь. Мы противимся, замедляемъ Божественное дѣйствіе, отвергаемъ спасающую руку — и сіе значитъ всегда начинать снова. Мы были бы освобождены отъ сего наилучшимъ образомъ, естьли бы имѣли безпрерывную самопреданность къ Богу.

Кресты суть хлѣбъ насущный; душа наша имѣетъ ежедневно нужду въ нѣкоторой мѣрѣ страданій, дабы отрѣшить себя, подобно какъ тѣло имѣетъ нужду въ извѣстномъ количествѣ пищи.

Крестъ не бываетъ никогда безплоденъ, ежели его принимаютъ въ духѣ жертвоприношенія; должно принимать его, обожая десницу Творца, Который налагаетъ на насъ оный, дабы освятить насъ. Блаженъ тотъ, кто готовъ ко всему; кто не говоритъ никогда: это слишкомъ; кто надѣется не на себя, но на Всемогущаго; кто не хочетъ утѣшеній иначе, какъ тогда, когда Богъ Самъ хощетъ дать ихъ, и кто питается чистою Его волею!

Въ крестахъ находится столько знаковъ милосердія и столь изобильная жатва даровъ благодати для душъ вѣрныхъ, что ежели натура оными оскорбляется, вѣра должна радоваться. Въ нихъ находятъ миръ посредствомъ покорности и безусловнаго жертвоприношенія чистѣйшихъ удовольствій. До сей-то степени Богъ понуждаетъ душу, дабы отрѣшить ее отъ всего того, что не есть Онъ Самъ. Намъ не остается ничего другаго дѣлать, какъ распростерть объятія ко кресту, Имъ представляемому, и оставить распинать себя. Когда Онъ совершилъ распинаніе, то утѣшаетъ; но Онъ поступаетъ не такъ, какъ твари, которыя даютъ намъ утѣшенія отравленныя, ядъ самолюбія питающія: Онъ утѣшаетъ истиннымъ и основательнымъ образомъ.

Миръ, находимый въ покорности безъ всякаго внѣшняго услажденія, есть великій даръ; посредствомъ его Богъ пріучаетъ насъ къ искушеніямъ, не поражая насъ. Хотя низкая и чувственная натура сокрушается, основаніе души бываетъ утверждено; это есть миръ тѣмъ чистѣйшій, что онъ сухой.

Познаніе Бога, Который имѣетъ всѣ права на Свою тварь, и познаніе нашихъ недостатковъ, не заслуживающихъ ничего, кромѣ униничиженія и креста, суть хлѣбъ, коимъ мы должны питаться въ искушеніяхъ. Оставимъ дѣйствовать Бога: люди не могутъ ничего; когда все кажется потеряннымъ, все бываетъ иногда спасено. Богу пріятно низвергать насъ въ бездну, и потомъ изводить изъ оной помощію единой Своей руки.

Сколь мы щастливы, когда страдаемъ, ежели только хотимъ охотно страдать и удовлетворить правосудію Божію! Чѣмъ мы Ему не долженствуемъ, и какихъ наказаній не заслуживаемъ, судя по строгости! Вѣчность казней, измѣненная въ нѣкоторыя немощи, лишеніе Бога, бѣшенство и отчаяніе демоновъ, измѣненное въ страданіе спокойное и краткое, въ коемъ обожаютъ руку, поражающую изъ милосердія — таковые кресты заслуживаютъ благодареній, а не жалобъ: это суть милости, которыя должно принимать съ сердцемъ, чувствительнымъ ко благости Божіей.

Кресты, которые мы сами избираемъ, суть почти ничто; токмо Богъ единъ знаетъ распинать.

Кресты, которые Богъ даетъ намъ, и подъ которыми хочетъ насъ смирить, не укрощаютъ нашей гордости; токмо посредствомъ отреченія отъ своего собственнаго разума, въ молчаніи предъ Богомъ, можемъ мы быть умалены и смягчены Его благодатію.

Кресты, отъ безпокойнаго предвидѣнія произходящіе, находятся внѣ порядка Божія; ихъ видятъ безъ помазанія, дабы сносить оные; ихъ видятъ даже посредствомъ невѣрности, которая удаляетъ благодать: такимъ образомъ въ нихъ все бываетъ горько и несносно, все мрачно, все безъ подпоры — и душа, которая хотѣла изъ любопытства вкусить плода запрещеннаго, находитъ токмо смерть и возмущеніе безъ утѣшенія внутри самой себя.

Вотъ что значитъ недовѣрять Богу, и осмѣливаться нарушать тайну Его, къ коей Онъ ревнителенъ.

И такъ закроемъ глаза для того, что Богъ отъ насъ скрываетъ, и что Онъ положилъ въ сокровищахъ Своего глубокаго совѣта; будемъ обожать не видя; умолкнемъ и пребудемъ въ покоѣ. Кресты настоящаго мгновенія приносятъ всегда свою благодать, и слѣдовательно свое облегченіе съ собою: въ нихъ видимъ мы руку Божію, которая даетъ себя въ оныхъ чувствовать.

Для каждаго дня, говоритъ І. Х. (*), довольно зло его. Зло каждаго дня содѣлывается благомъ, какъ скоро оставляютъ дѣйствовать Бога. Кто мы, дабы сказать Ему: для чего Ты сіе дѣлаешь? Онъ есть Господь — и сего довольно (**). Онъ есть Господь — да творитъ все то, что благо предъ Его очами. Пусть

(*) Матф. 6, 34.

(**) І Царствъ, 3, 18.

Онѣ возвышаетѣ, или унижаетѣ, поражаетѣ, или утѣшаетѣ, уязвляетѣ, или изцѣляетѣ всѣ язвы, пусть даетѣ смерть, или жизнь — Онѣ есть всегда Господь; мы ничто иное, какѣ твореніе, и слѣдовательно игрушка вѣ рукахѣ Его. Какая нужда, ежели только Онѣ прославляется и ежели воля Его исполняется вѣ насѣ. Твердая увѣренность, что Онѣ хощетѣ спасти насѣ, должна утѣшать насѣ во всякомѣ случаѣ.

Выдемѣ изѣ самихѣ себя; не будемѣ болѣе любить себя безпорядочною любовію — и воля Божія, которая открывается ежеминутно во всемѣ, будетѣ утѣшать насѣ также ежеминутно о всемѣ томѣ, что Богѣ сдѣлаетѣ внѣ и внутри насѣ; противорѣчія людей, ихѣ непостоянства, самыя ихѣ несправедливости будутѣ казаться намѣ дѣйствіями мудрости, правосудія и неизмѣняемой благости Божіей. Мы не увидимѣ болѣе ничего, кромѣ Бога, безконечно благаго, Который скрывается подѣ слабостями людей слѣпыхѣ и развращенныхѣ. Такимѣ образомѣ сей обманчивый видѣ міра, которой преходитѣ, какѣ театральное украшеніе, содѣлается для насѣ зрѣлищемѣ весьма дѣйствительнымѣ, и возбудитѣ насѣ кѣ вѣчному хваленію Божества.

Чего ожидаемѣ мы отѣ людей? Они слабы, непостоянны, ослѣплены; одни не хотятѣ того, что могутѣ; другіе не могутѣ того, чего хотятѣ. Натура есть вѣтвь сокрушенная; ежели мы хотимѣ на нее опереться, вѣтвь сгибается, не можетѣ поддержать, и пронзаетѣ нашу руку. Сколь бы велики ни казались люди, они суть ничто сами по себѣ; но когда Богѣ

великъ въ нихъ, то Онъ заставляетъ служить нравъ своевольный, досадующую гордость, притворство, тщеславіе и другія безразсудныя страсти къ вѣчнымъ Своимъ намѣреніямъ, которыя Онъ имѣетъ о избранныхъ. Онъ употребляетъ и внутри насъ и во внѣшности поврежденіе другихъ людей, наши собственныя несовершенства и нашу чувствительность, — однимъ словомъ, Онъ употребляетъ все къ нашему освященію: Онъ воздвигаетъ небо и землю, дабы спасти то, что Ему любезно; ничто не дѣлается для другой цѣли, кромѣ той, чтобы освятить насъ и содѣлать достойными Его. И такъ будемъ радоваться, когда Отецъ нашъ небесный испытуетъ насъ здѣсь долу различными внутренними и внѣшними искушеніями, когда Онъ дѣлаетъ намъ все противнымъ внѣ и все болѣзненнымъ внутри. Будемъ радоваться; ибо таковыми-то горестями наша вѣра, злата драгоцѣннѣйшая, очищается. Будемъ радоваться, испытывая такимъ образомъ ничтожество и зло всего того, что не есть Богъ; ибо чрезъ таковую-то крестную опытность мы бываемъ исторгнуты изъ насъ самихъ и отъ похотей вѣка сего. Будемъ радоваться; ибо посредствомъ сихъ-то болѣзней рожденія новый человѣкъ раждается въ насъ. Какъ! мы упываемъ, когда десница Божія поспѣшаетъ совершить дѣло свое! Мы желаемъ сего ежедневно — какъ же скоро она начинаетъ дѣйствовать — мы возмущаемся: наша слабость и наше нетерпѣніе удерживаютъ руку Божію. Благочестіе безъ креста есть благочестіе воображаемое.

Покамѣстъ мы пребываемъ еще заключены въ самихъ себѣ, то составляемъ предметъ охужденія людей, ихъ злобы и ихъ неправосудія; наше своенравіе подвергаетъ насъ своенравію другихъ; наши страсти и страсти нашихъ знакомыхъ оскорбляютъ взаимно другъ друга; наши желанія даютъ власть надъ нами прочимъ людямъ; наша гордость, несовмѣстная съ гордостію нашего ближняго, воздымается, какъ волны моря раздраженнагѡ; все съ нами сражается, все насъ отражаетъ, все осаждаетъ насъ; мы открыты со всѣхъ сторонъ посредствомъ чувствительности нашихъ страстей и ревнованія нашей гордости. Не должно ожидать никакого мира въ себѣ самихъ, гдѣ мы живемъ по волѣ толпы желаній жадныхъ и ненасытныхъ, и гдѣ никогда не можемъ удовольствовать *я* ветхаго человѣка, столь завистливаго, столь разборчиваго, столь мнительнаго во всемъ томъ, что его трогаетъ.

Отъ того происходитъ, что мы въ обращеніи съ ближними бываемъ подобны больнымъ, которые томились долгое время въ постелѣ; въ нихъ нѣтъ никакой части тѣла, которую бы можно было тронуть, не причинивъ имъ болѣзни. Больное самолюбіе смягчается самимъ собою; его не льзя тронуть безъ того, чтобы оно не изпускало громкихъ криковъ; троньте его пальцомъ — оно думаетъ, что съ него содрали кожу. Присоедините къ сей нѣжности грубость ближняго, исполненнаго несовершенствъ, коихъ онъ самъ не знаетъ; прибавьте къ сему возмущеніе его противъ нашихъ недостатковъ, которое столь же велико, какъ и наше противъ его.

Такимъ образомъ всѣ чада Адамовы служатъ наказаніемъ одни для другихъ; половина человѣческаго рода дѣлается нещастною чрезъ другую, и также съ своей стороны дѣлаетъ жизнь ея бѣдственною; во всѣхъ націяхъ, во всѣхъ городахъ, во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ семействахъ и даже между двумя друзьями самолюбіе терпитъ мученичество.

Единственное средство найти миръ есть выдти изъ самихъ себя. Должно отрещись себя и потерять все самолюбіе, дабы не имѣть болѣе ничего ни терять, ни бояться, ни сберегать. Тогда вкушаютъ истинный миръ (*), сохраняемый для людей съ доброю волею, то есть для тѣхъ, кои не имѣютъ другой воли, кромѣ воли Божіей, которая содѣлалась ихъ собственною. Тогда люди не могутъ болѣе ничего надъ нами — ибо они не могутъ нами овладѣть ни посредствомъ нашихъ желаній, ни посредствомъ нашихъ страховъ: тогда мы хотимъ всего того, чего Богъ хощетъ, и не хотимъ ничего такого, чего Онъ не хочетъ. Это значитъ быть неприступнымъ для врага — значитъ содѣлаться неуязвляемымъ. Человѣкъ можетъ сдѣлать намъ вредъ токмо тогда, когда Богъ даетъ ему власть сіе дѣлать; поелику же все то, что Богъ даетъ ему возможность дѣлать противъ насъ, есть воля Божія, то и наша совершенно на сіе соглашается. Находясь въ семъ состояніи, мы положили сокровище наше столь высоко, что никакая рука не можетъ достать его, дабы отъ

(*) Лук. 2, 14.

насъ его похитить. Разтерзаютъ наше доброе имя — но мы на сіе согласны; ибо знаемъ, сколь благо быть уничиженнымъ, когда Богъ уничижаетъ. Чувствуемъ, что мы ошиблись въ связяхъ дружества — тѣмъ лучше: это единый истинный Другъ, Который ревнуетъ ко всѣмъ другимъ, и Который отвлекаетъ насъ отъ нихъ, дабы очистить наши привязанности. Наносятъ намъ огорченія, порабощаютъ, принуждаютъ насъ; но Богъ это знаетъ, и сего довольно; мы любимъ руку, которая насъ поражаетъ; миръ находится во всѣхъ сихъ трудностяхъ. Блаженный миръ, который слѣдуетъ намъ даже до креста! Хотимъ того, что имѣемъ, и не хотимъ ничего такого, чего не имѣемъ. Чѣмъ совершеннѣе сія самопреданность, тѣмъ глубочайшій бываетъ миръ; естьли же остаются нѣкоторыя связи и нѣкоторыя желанія, миръ бываетъ токмо въ половину: естьли бы всѣ связи были прерваны, свобода не имѣла бы границъ. Пусть поношеніе, горесть и смерть будутъ моею участію; я слышу І. Христа, Который повелѣваетъ мнѣ (*) не бояться убивающихъ тѣло, души же погубить не могущихъ. — О, сколь они слабы даже тогда, когда отнимаютъ жизнь! Сколь кратковременно ихъ могущество! Они не могутъ ничего болѣе сдѣлать, какъ разбить земляной сосудъ, какъ заставить умереть то, что само собою умираетъ всякой день, какъ ускорить нѣсколько сію смерть, которая есть освобожденіе; послѣ чего убѣгаютъ отъ ихъ рукъ въ объятія Божіи, гдѣ все спокойно и неизмѣняемо.

(*) Лук. 12, 4.

Мы находимся на землѣ единственно для того, чтобы страдать. Горе тѣмъ, которые находятъ свое утѣшеніе въ семъ мірѣ (*); они не будутъ имѣть онаго въ другомъ. Сія жизнь есть ничто иное, какъ время искушенія и испытаній, дабы насъ исправить, очистить, отрѣшить. Когда намъ не нужно болѣе страдать, то мы не должны далѣе жить; такъ какъ заставляютъ больнаго выдти изъ больницы, какъ скоро онъ излѣчился: излѣченіе же наше не иначе, какъ чрезъ страданіе совершается.

Мы должны думать о людяхъ, кои причиняютъ намъ страданія, токмо для того, чтобы прощать ихъ. Должно видѣть въ нихъ Бога, Который употребляетъ ихъ къ тому, дабы усовершить наше смиреніе, нашу терпѣливость, нашу любовь ко кресту. Мы увидимъ нѣкогда предъ Богомъ, сколько люди, которые насъ распинаютъ, суть намъ полезны, пригвождая насъ ко кресту со І. Христомъ. Страданіе, ими причиняемое, пройдетъ въ скоромъ времени, а плодъ, отъ онаго происходящій, будетъ вѣченъ.

XXX.

О весьма великой чувствительности въ страданіяхъ.

Сія чувствительность совершенно отъ насъ не зависитъ; Богъ даетъ намъ ее вмѣстѣ съ на-

---

(*) Лук. 6, 24.

шимъ сложенiемъ, дабы упражнять насъ. Онъ не хочетъ освободить насъ отъ оной, а напротивъ употребляетъ ее къ нашему освященiю. Будемъ сообразжаться съ Его намѣренiями. Искушенiя для насъ необходимы, нужно токмо не падать подъ тяжестiю оныхъ. Внутреннiя суть таковы же какъ и внѣшнiя: всѣ онѣ стремятся къ тому, чтобы руководствовать насъ къ славѣ чрезъ сраженiя. Искушенiя внутреннiя еще полезнѣе, нежели внѣшнiя, поелику онѣ служатъ прямо къ тому, чтобы смирять насъ опытнымъ познанiемъ внутренняго нашего поврежденiя. Внѣшнiя показываютъ намъ злобу мiра, насъ окружающаго; внутреннiя же заставляютъ насъ чувствовать, что мы столько же развращенны, какъ и самый мiръ.

И такъ будемъ сносить со смиреннымъ упованiемъ наши внутреннiя возмущенiя, которыя раждаются въ собственномъ нашемъ основанiи, также какъ и внѣшнiя, прочими тварями въ насъ производимыя. Все происходитъ равномѣрно отъ руки Божiей, которая знаетъ столько же употреблять насъ, какъ и другихъ, къ тому, чтобы заставить насъ умереть самимъ себѣ. Часто наша гордость безпокоитъ насъ, видя столько возмущенiй, внутри насъ волнующихся, между тѣмъ какъ она хотѣла бы видѣть свои страсти покорными, дабы питаться сею славою и восхищаться собою и своимъ собственнымъ совершенствомъ.

Потщимся быть вѣрными во глубинѣ нашей воли, не смотря на отвращенiе и возмущенiя натуры, и оставимъ дѣйствовать Бога, когда

Онъ хочетъ показать намъ посредствомъ сихъ бурь, какимъ кораблекрушеніямъ мы были бы подвержены, естьли бы Его могущественная рука насъ отъ оныхъ не предохраняла.

Естьли даже намъ случится упасть произвольно по непостоянству нашей натуры, тогда смиримъ и уничтожимъ себя; будемъ исправлять себя безъ жалости къ самимъ себѣ; не будемъ терять ни одной минуты, дабы паки обратиться къ Богу; но будемъ дѣлать сіе просто и не возмущаясь. Возстанемъ и возобновимъ мужественно наше теченіе, не досадуя и не унывая о случившемся паденіи.

XXXI.

Необходимость очищенія души въ отношеніи къ дарамъ Божіимъ и особенно къ дружбѣ.

Богъ, Который показуетъ Себя столь строгимъ къ душамъ, не заставляетъ ихъ никогда страдать безъ причины. Боль, чувствуемая нами при лѣкарской операціи, происходитъ отъ поврежденія, которое надлежитъ истребить; естьли бы тѣло наше было въ здравомъ состояніи, то наономъ не дѣлали бы никакого надрѣза; отсѣкаютъ токмо то, что мертво и загноено. И такъ поврежденное наше самолюбіе есть причина нашихъ болѣзней; рука Божія наноситъ намъ оныхъ столь мало, сколько то ей возможно. Изъ сего можемъ мы видѣть, сколь наши раны глубоки и заражены, когда Богъ при

всей Своей къ намъ благости заставляетъ насъ столь жестоко страдать.

Также какъ Онъ не заставляетъ насъ никогда страдать иначе, какъ для нашего излѣченія, не отнимаетъ отъ насъ равномѣрно никакого изъ своихъ даровъ, развѣ для того, чтобъ возвратить намъ его сторицею. Онъ отнимаетъ у насъ изъ любви всѣ чистѣйшіе дары, коими мы нечисто обладаемъ. Чѣмъ дары Его чище, тѣмъ болѣе Онъ къ нимъ ревнуетъ, требуя, чтобъ мы сохраняли оные, не присвоивая ихъ себѣ и не относя къ намъ самимъ. Дары самые превосходные суть наиопаснѣйшій ядъ, ежели мы находимъ въ нихъ нѣкоторую подпору и самодовольствіе самолюбія. Это грѣхъ злыхъ Ангеловъ. Они не сдѣлали ничего другаго, какъ разсматривали свое состояніе и онымъ любовались; — въ то же мгновеніе они низвержены съ неба и содѣлались вѣчными врагами Божіими.

Сей примѣръ показуетъ намъ, сколь люди малосвѣдущи въ разсужденіи грѣховъ. Этотъ есть величайшій изъ всѣхъ — и однако весьма рѣдко можно найти души довольно чистыя, кои бы обладали безъ присвоенія дарами Божіими. Когда стремятся къ милостямъ Божіимъ, то всегда для себя, и любовь къ человѣческому *я* производитъ почти всегда извѣстную чувствительность, которую имѣютъ къ дарамъ благодати. Мы печалимся, видя себя слабыми, радуемся, когда находимъ, что мы сильны, и никогда не мыслимъ о своемъ совершенствѣ единственно для славы Божіей, какъ бы разсматривали совершенство другаго. Мы предаемся уны-

нію, когда ощущеніе видимыхъ милостей удаляется; однимъ словомъ, думаемъ почти всегда о себѣ, а не о Богѣ.

Отъ того происходитъ, что всѣ видимыя добродѣтели имѣютъ нужду быть очищенными, поелику онѣ питаютъ въ насъ естественную жизнь. Поврежденная натура достаетъ себѣ тончайшую пищу изъ даровъ благодати, наиболѣе натурѣ противныхъ; самолюбіе питается не токмо строгостями и уничиженіями, не токмо усердною молитвою и отреченіемъ отъ самаго себя, но даже чистѣйшею самопреданностію и чрезвычайнѣйшими жертвоприношеніями. Мысль, что мы не подкрѣпляемъ себя болѣе ничѣмъ, и что не оставляемъ въ семъ ужасномъ испытаніи безусловной и неизмѣнной самопреданности, есть величайшая наша подпора. Чтобы совершить жертвоприношеніе очищенія въ насъ даровъ Божіихъ, должно окончить всесожженіе, должно потерять все изъ виду, и даже ощущеніе самопреданности волѣ Божіей, не теряя однакожъ ее никогда въ самомъ дѣлѣ.

Мы находимъ единаго Бога въ совершенной чистотѣ не иначе, какъ въ сей кажущейся потерѣ всѣхъ Его даровъ и въ семъ дѣйствительномъ жертвоприношеніи всего самаго себя, потерявъ прежде ощущеніе всякой внутренней помощи. Безконечная ревность Божія преслѣдуетъ насъ даже до сего пункта, и наше самолюбіе приводитъ Его, такъ сказать, въ сію необходимость, поелику мы теряемъ себя всецѣло въ Богѣ не иначе, какъ тогда, когда всякая другая помощь намъ оскудѣваетъ. Тогда мы бываемъ

подобны человѣку, который падаетъ въ пропасть; онъ не перестаетъ хвататься за все, что ему встрѣчается при паденіи, до тѣхъ поръ, пока еще надѣется избѣжать погибели. Самолюбіе, будучи Богомъ низвергаемо, ловитъ въ своемъ отчаяніи каждую тѣнь благодати, какъ утопающій человѣкъ хватается за всѣ растѣнія, которыя онъ находитъ, падая въ воду.

И такъ должно хорошо понимать необходимость сего вычитанія, которое дѣлается въ насъ мало по малу въ чувствованіи, или сознаніи въ насъ всѣхъ даровъ Божіихъ. Нѣтъ ни одного дара, сколь бы превосходенъ оный ни былъ, который, бывши прежде средствомъ къ преспѣянію, не сдѣлался бы въ послѣдствіи сѣтью, или препоною чрезъ обращеніе собственнолюбія, которое мараетъ душу. И потому-то Богъ отнимаетъ то, что Онъ прежде далъ.

Тогда даръ не есть болѣе, ежсли смѣю такъ сказать, даръ Божій; онъ есть Самъ Богъ въ душѣ. Это не есть болѣе даръ Божій, ибо его не почитаютъ уже различнымъ отъ Бога, или такимъ, чѣмъ душа обладать можетъ; это непосредственно единъ Богъ, на Котораго взираютъ, и Который, не будучи обладаемъ душею, владѣетъ ею по Своему произволенію.

И такъ обыкновеннѣйшій способъ Божій руководствовать души есть привлекать ихъ сначала къ Себѣ, дабы отрѣшить ихъ отъ міра и грубыхъ страстей, заставляя ихъ вкушать всѣ ревностнѣйшія добродѣтели и сладость вхожденія въ самаго себя. При семъ первомъ ощути-

тельномъ влеченіи вся душа обращается къ умерщвленію себя и къ молитвѣ. Она противорѣчитъ безпрерывно сама себѣ во всемъ; она отстаетъ отъ всѣхъ внѣшнихъ утѣшеній, и даже отъ утѣшеній дружбы, поелику она чувствуетъ въ нихъ нечистоту самолюбія, которое относитъ друзей къ самому себѣ. Не остается болѣе друзей, кромѣ тѣхъ, съ коими соединены сообразностію чувствованій, или тѣхъ, которыми уважаютъ по любви къ ближнему, или должности; всѣ прочіе дѣлаются въ тягость — и ежели не потеряли къ нимъ естественной склонности, то не довѣряютъ еще болѣе ихъ дружбѣ, когда они не имѣютъ одинаковой съ нами любви къ благочестію.

Находятся многія души, которыя не проходятъ никогда границъ сего состоянія горячности и духовнаго изобилія; но есть другія, коихъ Богъ руководствуетъ гораздо далѣе, и которыхъ Онъ обнажаетъ изъ ревности, облачивъ и украсивъ ихъ прежде. Сіи впадаютъ въ состояніе отвращенія, сухости и томности, въ коемъ все бываетъ въ тягость. Вмѣсто того, чтобъ быть чувствительными къ дружбѣ, дружба людей, къ которымъ они наиболѣе имѣли привязанности, дѣлается имъ несносною. Душа въ семъ состояніи чувствуетъ, что Богъ и всѣ Его дары удаляются отъ нее. Это есть состояніе послѣдняго издыханія и родъ отчаянія; она не можетъ сносить самой себя; все обращается ей въ омерзеніе. Богъ исторгаетъ все, и склонность къ дружбѣ также, какъ и прочее. Должно ли сему удивляться? Онъ отнимаетъ даже склонность къ Его любви и къ Его закону.

Тогда мы не знаемъ болѣе, гдѣ находимся; сердце вянетъ и почти засыхаетъ: оно не можетъ ничего любить. Горесть потери Бога, Коего столь сладко чувствовали въ своей горячности, есть полынь, всыпанная во все то, что любили между тварями. Мы бываемъ подобны больному, который чувствуетъ, что недостатокъ пищи есть причина его слабости, но не смотря на то, имѣетъ отвращеніе къ самымъ лучшимъ кушаньямъ. Тогда не говорите болѣе о дружбѣ; одно ея имя огорчаетъ и заставляетъ проливать слезы; все васъ отягощаетъ — и вы не знаете, чего вы хотите. Ваши скорби и страданія подобны младенческимъ: вы не можете сказать ихъ причины, и онѣ изчезаютъ, какъ сонъ, въ ту минуту, когда вы о нихъ говорите. То, что вы говорите о своемъ положеніи, покажется вамъ самимъ ложью, поелику оно престаетъ быть истиннымъ, какъ скоро вы начнете говорить о семъ. Ничто въ васъ не существуетъ: вы не можете сказать о себѣ ничего, ни обѣщать себѣ ничего, ни даже описать себя. Невозможно повѣрить, сколь сіе дѣтское непостоянство умаляетъ и разрушаетъ душу мудрую, твердую и высокомѣрную въ своей добродѣтели. Говорить тогда о добромъ нравѣ, о нѣжности, благородствѣ, постоянствѣ, о признательности къ своимъ друзьямъ, есть говорить о музыкѣ и танцахъ умирающему: сердце бываетъ тогда подобно дереву, засохшему до корня.

Но подождите, чтобы зима прошла, и чтобы Богъ заставилъ умереть все то, что должно умереть, тогда весна вновь оживотворитъ все.

Богъ воздастъ дружбу со всѣми другими дарами даже стократно. Тогда мы почувствуемъ возраждающимися въ насъ прежнія наши наклонности къ истиннымъ друзьямъ; не будемъ любить ихъ болѣе въ себѣ и для себя, но въ Богѣ и для Бога, любовію живою, нѣжною, и которая будетъ сопровождаема чувствительностію, поелику Богъ знаетъ содѣлать чувствительность чистою. Не чувствительность, но самолюбіе повреждаетъ наши привязанности. Тогда предадимся безъ сомнѣнія сей чистой дружбѣ, поелику Богъ оную внушаетъ; будемъ любить чрезъ Него, не будучи отъ Него отвращены: Онъ Самъ есть Тотъ, Котораго мы любимъ во всемъ томъ, что Онъ заставляетъ любить.

Въ семъ порядкѣ провидѣнія, когда оно соединяетъ насъ съ нѣкоторыми людьми, Богъ даетъ намъ къ нимъ привязанность, и мы не боимся хотѣть быть любимы сими особами; поелику Тотъ, Кто внушаетъ сіе желаніе, внушаетъ оное чистѣйшимъ образомъ и безъ всякаго обращенія собственнолюбія къ намъ самимъ. Мы хотимъ быть любимы такъ, какъ хотѣли бы, чтобъ другой былъ любимъ, естьли бы это было въ порядкѣ Божіемъ. Ищемъ себя въ семъ случаѣ для Бога безъ самодовольствія и своекорыстія. Поелику въ семъ воскресеніи дружбы ничто не дѣлается для личной выгоды и съ размышленіемъ о себѣ, то мы видимъ всѣ недостатки своего друга и его дружбы, не скучая оными.

Прежде, нежели Богъ очистилъ такимъ образомъ привязанности, самые благочестивѣйші-

люди бываютъ разборчивы, завистливы, щекотливы противъ лучшихъ своихъ друзей, поелику самолюбіе всегда боится потерять въ обращеніи, даже такомъ, которое кажется благороднѣйшимъ и безкорыстнѣйшимъ; ежели оно не ищетъ ни выгоды, ни чести въ другѣ, по крайней мѣрѣ ищетъ въ немъ пріятности обращенія, утѣшенія довѣренности, спокойствія сердца, которое составляетъ величайшую прелесть жизни, наконецъ изящнаго удовольствія любить благородно и безъ интереса. Отымите сіе утѣшеніе, возмутите сію дружбу, которая кажется столь чистою — самолюбіе придетъ въ отчаяніе; оно жалуется, и хочетъ, чтобъ объ немъ сожалѣли; оно раздражается и выходитъ изъ себя; мы досадуемъ за себя, и сіе показываетъ, что любили самихъ себя въ своемъ другѣ. Но когда въ другѣ любятъ Бога, то къ нему прилѣпляются твердо и безусловно; и однако, ежели дружба по порядку Божію прерывается, все спокойно во глубинѣ души: она ничего не потеряла, ибо она не имѣетъ ничего терять относительно къ себѣ, поелику она потеряла сама себя; ежели она опечаливается, то сіе для особы, которую она любила, въ случаѣ, ежели сей разрывъ для нее вреденъ. Печаль можетъ быть жива и горька, поелику дружба была весьма чувствительна; но сія печаль спокойна и изъята отъ несносныхъ горестей любви своекорыстной.

Должно еще замѣтить вторую разность въ семъ измѣненіи привязанностей посредствомъ благодати. Покамѣстъ мы находимся въ себѣ, то не любимъ ничего иначе, какъ для себя, и

человѣкъ, заключенный въ самомъ себѣ, можетъ имѣть дружбу токмо ограниченную, смотря по его способностямъ; сердце его всегда сжато во всѣхъ своихъ привязанностяхъ, и величайшее мірское благородство всегда имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣсные предѣлы. Ежели слава любить безкорыстно заводитъ насъ далеко, то весьма скоро останавливаемся, когда представляемъ себѣ, что слава сія будетъ чѣмъ-либо умалена. Что касается до тѣхъ душъ, которыя выходятъ изъ самихъ себя и которыя забываютъ себя истинно въ Богѣ, то ихъ дружба безпредѣльна, какъ Тотъ, въ Коемъ онѣ любятъ. Токмо обращеніе на самихъ себя ограничиваетъ наше сердце, поелику Богъ далъ ему нѣчто безконечное, имѣющее отношеніе къ Нему. Вотъ для чего душа, которая совсѣмъ не занимается собою и которая считаетъ себя за ничто, находитъ въ семъ ничтожествѣ безпредѣльность Самаго Бога; она любитъ безъ мѣры, безъ конца, безъ всякаго побужденія человѣческаго; она любитъ, поелику Богъ, Любовь безконечная, любитъ въ Богѣ.

Вотъ состояніе Апостола, столь хорошо Св. Павломъ описанное. Онъ чувствуетъ все съ чистотою и живостію безконечною; онъ носитъ въ своемъ сердцѣ всѣ церкви; цѣлая вселенная весьма ограничена для сего сердца. Онъ веселится, онъ печалится; приходитъ во гнѣвъ — смягчается; душа его есть какъ бы сѣдалище всѣхъ сильнѣйшихъ страстей. Онъ дѣлается малымъ; онъ дѣлается великимъ; онъ имѣетъ власть отца и нѣжность матери; онъ любитъ любовію

ревнивою; онъ хочетъ быть анаѳема за чадъ своихъ. Всѣ сіи чувствованія, хотя свободныя и произвольныя, въ немъ напечатлѣны — и такимъ-то образомъ Богъ заставляетъ любить другихъ, когда не любятъ себя болѣе, какъ токмо въ Немъ.

XXXII.

О внутреннихъ дѣйствіяхъ Божіихъ, дабы возвратить человѣка къ истинному его концу, для котораго Онъ насъ создалъ.

Сначала Богъ дѣйствовалъ на насъ по внѣшности; Онъ исторгалъ отъ насъ мало по малу всѣхъ тварей, которыхъ мы любили слишкомъ и противно Его закону. Но сія работа, во внѣшности хотя необходимо нужная къ тому, дабы положить основаніе цѣлаго зданія, составляетъ самую малую часть онаго; дѣло внутреннее, хотя невидимое, есть несравненно величайшее, труднѣйшее и удивительнѣйшее.

Бываетъ время, когда Богъ, обнаживъ насъ прежде совершенно и умертвивъ по внѣшности въ тваряхъ, къ которымъ мы были прилѣплены, нападаетъ на насъ во внутренности, дабы исторгнуть насъ изъ насъ самихъ. Тогда Онъ отнимаетъ у насъ не предметы посторонніе, — Онъ исторгаетъ у насъ *я*, которое было центръ нашего самолюбія; мы любимъ все другое собственно для сего *я*, и его-то Богъ преслѣдуетъ безжалостно и безостановочно. Отнять у че-

ловѣка его платье значитъ поступать съ нимъ худо; но это ничто въ сравнении съ жестокостію того, чтобы содрать съ него кожу и не оставить на всѣхъ его костяхъ ни куска мяса. Отсѣките вѣтви дерева, то, вмѣсто умерщвленія онаго, вы придадите болѣе силы его соку, и оно будетъ пускать отрасли со всѣхъ сторонъ; но троньте стволъ, изсушите корень — оно обнажается, сохнетъ, умираетъ. Такимъ-то образомъ Богъ заставляетъ насъ умирать самимъ себѣ.

Что касается до внѣшняго умерщвленія чувствъ, то Богъ заставляетъ насъ оное дѣлать посредствомъ извѣстныхъ усилій мужества противъ насъ самихъ. Чѣмъ болѣе чувства укрощены сею бодростію души, тѣмъ болѣе душа видитъ свою силу и подкрѣпляется своею работою. Но въ послѣдствіи Богъ предоставляетъ Самому Себѣ дѣйствовать въ основаніи сей души, и исторгнуть у нее даже послѣдній вздохъ собственной ея жизни. Тогда Онъ не посредствомъ собственной силы души сражается со внѣшними предметами, но посредствомъ ея слабости, которую Онъ обращаетъ противъ ея самой. Она себя видитъ, и имѣетъ отвращеніе къ тому, что видитъ; она пребываетъ вѣрною — но не видитъ болѣе своей вѣрности. Всѣ недостатки, которые она до сего времени имѣла, возстаютъ противъ нее; и часто появляются новые, которыхъ она никогда въ себѣ не подозрѣвала. Она не находитъ болѣе въ себѣ той горячности и бодрости, которыя ее подкрѣпляли нѣкогда. Она впадаетъ въ утомленіе;

она, подобно І. Христу, прискорбна даже до смерти. Все то, что ей остается, состоитъ въ волѣ не прилѣпляться ни къ чему, и оставить дѣйствовать Бога неограниченно.

Она не имѣетъ даже утѣшенія примѣчать въ себѣ сію волю. Это не есть болѣе желаніе ощутительное и обдуманное, но воля простая, безъ обращенія къ самимъ себѣ, и тѣмъ болѣе сокрытая, что она есть искреннѣйшее и глубочайшее въ душѣ. Когда душа находится въ семъ состояніи, то Богъ принимаетъ попеченіе о всемъ томъ, что нужно къ отрѣшенію человѣка отъ него самаго: Онъ обнажаетъ его мало по малу, отнимая одно за другимъ всѣ платья, которыми онъ былъ одѣтъ.

Послѣднія лишенія хотя не могутъ названы быть величайшими, тѣмъ не менѣе бываютъ самыя жестокія. Хотя верхнее платье само по себѣ гораздо дороже, нежели рубашка; но потеря рубашки гораздо чувствительнѣе, нежели верхняго платья. Въ первыхъ лишеніяхъ то, что остается, утѣшаетъ насъ за то, что мы потеряли; въ послѣднихъ не остается ничего кромѣ горести, наготы и смятенія.

Можетъ быть спросятъ: въ чемъ состоятъ сіи лишенія? — Но я не могу сего сказать. Онѣ столько же различны, сколько люди различествуютъ между собою. Каждый терпитъ свои, смотря по своимъ нуждамъ и по намѣреніямъ Божіимъ. Какъ можно видѣть то, чего обнажены, ежели не знаемъ, чѣмъ облечены? Каждый прилѣпляется ко множеству вещей, коихъ онъ

никогда не угадалъ бы. Онъ не чувствуетъ того, что къ нимъ привязанъ, какъ тогда, когда у него ихъ отнимаютъ, подобно какъ я не чувствую своихъ волосъ, какъ тогда, когда ихъ вырываютъ изъ моей головы. Богъ открываетъ намъ мало по малу глубину души нашей, которая намъ была неизвѣстна, и мы бываемъ весьма удивлены, усматривая въ самыхъ нашихъ добродѣтеляхъ недостатки, къ которымъ никогда не почитали себя способными. Она подобна пещерѣ, которая казалась со всѣхъ сторонъ сухою, и которая вдругъ неизвѣстно откуда наводняется.

Сіи лишенія, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ, бываютъ обыкновенно не то, что мы себѣ представляемъ. То, что ожидаемо, находитъ насъ пріуготовленными и почти неспособно заставить насъ умереть себѣ. Богъ удивляетъ насъ посредствомъ того, чего мы нисколько предвидѣть не можемъ. Это ничто, но ничто, которое приводитъ въ отчаяніе и составляетъ казнь самолюбія. Великія, блистательныя добродѣтели тогда бываютъ не ко времени; онѣ подкрѣпляли бы гордость и придавали бы душѣ нѣкоторую силу и тайную самонадѣянность, противную намѣреніямъ Божіимъ, которыя состоятъ въ томъ, чтобы лишить насъ всякой помощи. Тогда руководство бываетъ простое и одинаковое, въ коемъ нѣтъ ничего особеннаго. Другіе не видятъ въ семъ ничего великаго, и даже самый сей человѣкъ не находитъ въ себѣ ничего, кромѣ натуральнаго, слабаго и развратнаго; но стократно лучше желали бы

поститься всю свою жизнь и исполнять величайшія строгости, нежели терпѣть все то, что происходитъ внутри. Это не значитъ, чтобы имѣли большую склонность къ строгостямъ; напротивъ, склонность сія изчезаетъ, но въ покорности, которой Богъ требуетъ относительно безконечнаго множества малыхъ вещей, находятъ болѣе отреченія отъ себя и болѣе смерти себѣ, нежели сколько нашли бы въ великихъ жертвоприношеніяхъ. Однако Богъ не оставляетъ души въ покоѣ до тѣхъ поръ, когда сдѣлаетъ ее покорною и гибкою, наклоняя ее со всѣхъ сторонъ. Должно говорить весьма откровенно, потомъ должно молчать; должно быть хвалимымъ, потомъ порицаемымъ, потомъ забытымъ, потомъ снова испытываемымъ; должно быть низкимъ, должно быть высокимъ; должно допустить осуждать себя, не говоря ни слова, которое бы тотчасъ оправдывало; въ другое время должно говорить о себѣ хорошо. Должно соглашаться находить себя слабымъ, безпокойнымъ, нерѣшительнымъ въ бездѣлкахъ; показывать досады малаго дитяти; разгорячать своихъ друзей сухостію обращенія; дѣлаться ревнивымъ и недовѣрчивымъ безъ всякой причины; даже говорить о своихъ глупѣйшихъ подозрѣніяхъ тѣмъ, къ коимъ оныя относятся; говорить съ терпѣніемъ и откровенностію нѣкоторымъ людямъ то, что противно ихъ склонностямъ и притомъ безполезно; показывать себя хитрымъ и недобросовѣстнымъ; наконецъ находить самаго себя сухимъ, немощнымъ, отвратившимся отъ Бога, разсѣяннымъ и удаленнымъ отъ всякаго чувствованія благодати. Вотъ

примѣры сихъ внутреннихъ обнаженій, которые мнѣ пришли теперь на мысль, и которые Богъ употребляетъ для каждаго, смотря по Его намѣреніямъ.

Не должно думать, что это сонныя грезы. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что Богъ дѣиствуетъ непосредственно въ душахъ? Можно ли сомнѣваться, чтобы Онъ не дѣйствовалъ въ нихъ для того, дабы заставить ихъ умереть самимъ себѣ? Можно ли сомнѣваться, что Богъ, исторгнувъ прежде грубыя страсти, не приступитъ потомъ къ уничтоженію внутри насъ всѣхъ тонкихъ оборотовъ самолюбія, особенно въ душахъ, которыя предали себя благородно и неограниченно духу благодати? Чѣмъ болѣе Онъ хочетъ ихъ очистить, тѣмъ болѣе искушаетъ ихъ во внутренности. Міръ не имѣетъ глазъ, дабы видѣть сіи испытанія, ни ушей, дабы ихъ слышать; но міръ ослѣпленъ, его мудрость есть ничто иное, какъ смерть; она не можетъ быть совмѣстна съ духомъ истины. Токмо Духъ Божій, какъ говоритъ Апостолъ (*), можетъ проницать таинства Самаго Бога.

Сначала мы бываемъ еще не пріучены къ сему внутреннему руководству, коего цѣль есть обнажить насъ во внутренности. Охотно желаемъ молчать, входить въ самихъ себя, терпѣть все, и оставляемъ себя руководству Провидѣнія; но еще не смѣемъ отважиться слушать внутренній голосъ касательно жертвоприношеній, ко-

(*) 1 Къ Коринф. 2, ст. 10, 11.

торыя Богъ приуготовляетъ. Тогда мы подобны младенцу Самуилу (I Царствъ, гл. 3, ст. 4 и слѣд.), которой не былъ еще приученъ къ сообщеніямъ съ Господомъ. Богъ призывалъ его; Онъ думалъ, что это Илій. Илій говорилъ: чадо мое, ты грезишь — никто не говоритъ съ тобою. Равномѣрно мы не знаемъ, есть ли это мечта воображенія, которая заводитъ насъ слишкомъ далеко. Часто великій Первосвященникъ Илій, то есть путеводители, говоритъ намъ, что мы бредили, и совѣтуетъ пребывать въ покоѣ. Но Богъ не оставляетъ насъ въономъ, и возбуждаетъ насъ до тѣхъ поръ, когда мы приготовимся слышать то, что Онъ хочетъ сказать. Естьли бы здѣсь дѣло шло о видѣніяхъ, явленіяхъ, откровеніяхъ, чрезвычайномъ просвѣщеніи и руководствѣ, противномъ общему мнѣнію Церкви, тогда мы имѣли бы причину на семъ не останавливаться. Но когда Богъ руководствовалъ насъ до извѣстной степени отрѣшенности, и когда потомъ мы имѣемъ внутреннее убѣжденіе, что Онъ требуетъ еще нѣкоторыхъ невинныхъ поступковъ, кои служатъ единственно къ тому, чтобъ мы содѣлались простѣйшими и умерли глубочайшимъ образомъ самимъ себѣ — то будетъ ли послѣдованіе симъ движеніямъ дѣйствіе мечтательности? Я предполагаю, что имъ не слѣдуютъ безъ добраго совѣта. Отвращеніе, которое наша мудрость и наше самолюбіе чувствуютъ къ симъ движеніямъ, довольно показуетъ, что онѣ суть дѣйствія благодати; ибо тогда мы ясно видимъ, что удерживаемся отъ нихъ не инымъ чѣмъ, какъ нѣкоторою чувствительностію и обращеніемъ на самихъ себя. Чѣмъ

болѣе боимся мы слѣдовать симъ движеніямъ, тѣмъ болѣе имѣемъ въ томъ нужду; ибо сей страхъ происходитъ единственно отъ изнѣженности, недостатка послушанія и привязанности къ своимъ склонностямъ или къ своимъ познаніямъ: но должно умерѣть всѣмъ симъ чувствованіямъ естественной жизни. Такимъ образомъ всякой предлогъ къ отлагательству отнимается посредствомъ внутренняго убѣжденія, во глубинѣ сердца находящагося, что онѣ вспомоществуютъ къ нашему умерщвленію.

Послушаніе и поспѣшность въ томъ, чтобы уступать симъ движеніямъ, ускоряютъ наиболѣе теченіе душъ. Тѣ, которыя имѣютъ довольно благородства, чтобы не медлить никогда; дѣлаютъ въ скоромъ времени невѣроятные успѣхи. Другія разсуждаютъ, и никогда не имѣютъ недостатка въ причинахъ, дабы уволить себя отъ того, что онѣ имѣютъ въ сердцѣ; онѣ хотятъ и не хотятъ; онѣ ожидаютъ удостовѣрительности, онѣ ищутъ отвѣта на ихъ вопросы, который бы освободилъ ихъ отъ того, что онѣ боятся дѣлать; при каждомъ шагѣ онѣ останавливаются и смотрятъ назадъ, томятся въ нерѣшительности и нечувствительно удаляются отъ Духа Божія. Сперва онѣ опечаливаютъ Его своею медленностію; потомъ раздражаютъ явнымъ сопротивленіемъ; наконецъ удаляютъ повтореніемъ сего сопротивленія.

Когда противятся, то находятъ предлоги, дабы сокрыть свое противленіе и одобрить его; но нечувствительно изсушаютъ самихъ себя, теряютъ простоту, и какія бы усилія ни дѣла-

ли, чтобы обмануть себя, но никогда не бываютъ спокойны; находится всегда во глубинѣ совѣсти нѣчто неизвѣстное, которое упрекаетъ въ томъ, что измѣнили Богу. Но какъ Богъ удаляется, поелику мы удалились отъ Него, то душа грубѣетъ мало по малу. Она не бываетъ спокойна — но не ищетъ истиннаго покоя; напротивъ она удаляется отъ него болѣе и болѣе, искавъ его тамъ, гдѣ онъ не существуетъ. О сколь душа достойна сожалѣнія, когда она начинаетъ отвергать тайныя призыванія Бога, Который требуетъ, чтобы она умерла всему! Сначала это есть ничто иное, какъ атомъ; но сей атомъ дѣлается горою, и составляетъ въ скоромъ времени родъ хаоса между Богомъ и ею. Тогда бываютъ глухи, какъ скоро Богъ требуетъ малѣйшей простоты; боятся Его слышать, охотно бы желали быть въ состояніи сказать самимъ себѣ, что Его не слыхали; даже говорятъ себѣ это, но не могутъ себя въ томъ удостовѣрить. Приходятъ въ замѣшательство, сомнѣваются о всемъ томъ, что испытали — и дары благодати, которые наиболѣе служили къ тому, чтобы содѣлать насъ простыми и малыми въ рукѣ Божіей, начнутъ казаться какъ бы мечтами. Ищутъ во внѣшности власти духовниковъ, дабы укротить возмущеніе во внутренности — и въ нихъ не бываетъ недостатка; ибо, сколь много находится такихъ, которые мало имѣютъ опытности, даже при большой учености и благочестіи! Въ семъ состояніи чѣмъ болѣе хотятъ излѣчиться, тѣмъ болѣе дѣлаются больными, подобно какъ уязвленный олень, который носитъ въ боку своемъ

стрѣлу, коею онъ раненъ, чѣмъ болѣе убѣгаетъ во глубину лѣсовъ, дабы отъ оной освободиться, тѣмъ болѣе вонзаетъ ее въ свое тѣло. Увы! кто противостоялъ Богу, и остался доволенъ (*)? Богъ, Который единъ есть истинный покой, можетъ ли оставить спокойнымъ сердце, противопоставляющее себя Его намѣреніямъ? Тогда мы бываемъ подобны людямъ, имѣющимъ болѣзнь неизвѣстную. Всѣ врачи употребляютъ свое искуство къ ихъ облегченію — и ничто не можетъ изцѣлить ихъ. Вы видите ихъ печальными, унылыми, утомленными; не находится ни пищи, ни лѣкарства, которое бы могло принести имъ какую-либо пользу; они ежедневно болѣе и болѣе ослабѣваютъ. Должно ли удивляться, что, заблудившись отъ своего истиннаго пути, не находятъ послѣ никакой дороги?

Вы скажете: начала всѣхъ сихъ нещастій суть ничто. Это правда — но слѣдствія ихъ плачевны. Сперва не хотѣли ничего щадить въ жертвоприношеніи, которое дѣлаютъ Богу; такимъ-то образомъ бываютъ расположены, разсматривая вещи издали смѣшеннымъ образомъ. Но потомъ, когда Богъ требуетъ насъ къ отчету, и разбираетъ въ подробности наши приношенія, то чувствуемъ тысячу отвращеній весьма сильныхъ, въ которыхъ себя не подозрѣвали. Бодрость оскудѣваетъ, тщетные предлоги приходятъ ласкать сердце слабое и колеблемое; сперва медлятъ и сомнѣваются, должно ли

(*) Іова 9, 4.

онымъ слѣдовать; потомъ дѣлаютъ токмо половину того, что Богъ требуетъ; смѣшиваютъ при семъ Божественное дѣйствіе съ извѣстными собственными движеніями и естественными поступками, дабы сохранить нѣкоторую подпору сему поврежденному основанію, которое не хочетъ умирать. Богъ-ревнитель охлаждается, душа начинаетъ желать закрыть глаза, дабы не видать болѣе того, что она не имѣетъ мужества выполнить. Богъ оставляетъ ее ея слабости и ея низости, поелику она хочетъ быть Имъ оставленною. Но познайте, сколь велико ея заблужденіе.

Чѣмъ болѣе она получила отъ Бога, тѣмъ болѣе долженствуетъ Ему возвратить. Она получила любовь предваряющую и дары благодати особенные; она вкусила даръ любви чистой и безкорыстной, котораго столь многія души, впрочемъ весьма благочестивыя, никогда не чувствовали. Богъ ничего не пощадилъ, дабы обладать ею всесовершенно. Онъ содѣлался супругомъ внутреннимъ, и принялъ попеченіе творить все въ своей супругѣ; но Онъ ревнивъ безконечно. Не удивляйтесь строгостямъ Его ревности. Къ чему же Онъ толико ревнуетъ? Къ талантамъ ли, вышнему просвѣщенію, правильности внѣшнихъ добродѣтелей? Нѣтъ — Онъ снизходителенъ и уступчивъ во всѣхъ сихъ вещахъ. Любовь ревнуетъ токмо къ любви; вся ея разборчивость стремится единственно къ правотѣ воли. Онъ не можетъ терпѣть никакого раздѣла въ сердцѣ супруги, и еще менѣе сноситъ тѣ предлоги, коими она ищетъ обмануть себя, дабы извинить раздѣлъ своего сердца. Сіе-то воз-

жигаетъ огнь поядающій Его ревности. Доколѣ чистая и откровенная любовь будетъ руководствовать тебя, о супруга! Супругъ будетъ сносить съ неограниченною терпѣливостію все то, что ты сдѣлаешь неправильнаго по неосторожности, или непостоянству, безъ вреда справедливости любви твоей; но съ той минуты, какъ любовь твоя откажетъ въ чемъ-либо Богу, и когда ты захочешь обмануть себя въ семъ отказѣ, супругъ будетъ почитать тебя за супругу невѣрную, которая хочетъ сокрыть свою невѣрность.

Сколь многія души послѣ великихъ пожертвованій впадаютъ въ сіе противленіе! Ложная мудрость есть причина почти всѣхъ сихъ нещастій. На семъ пути останавливаются не столько потому, чтобы не имѣли довольной бодрости, какъ потому, что имѣютъ слишкомъ много человѣческаго разума. Справедливо, что Богъ, призывая души къ сему совершенному жертвоприношенію, поступаетъ съ ними соразмѣрно неизрѣченнымъ дарамъ, коими Онъ ихъ исполнилъ; требуетъ отъ нихъ смерти, потерь, отреченія отъ самихъ себя; даже ревнуетъ къ Своимъ дарамъ, поелику превосходство даровъ сихъ питаетъ въ насъ тайнымъ образомъ нѣкоторую надежду на самихъ себя. Должно, чтобы все было разрушено, чтобы все погибло. Богъ хочетъ отнять у насъ все — и дѣйствительно Онъ не оставляетъ намъ ничего. Ежели существуетъ еще хотя малѣйшая вещь, къ которой мы прилѣпляемся, то сколь бы хороша оная ни казалась, Богъ приходитъ съ мечемъ въ рукѣ разсѣчь послѣдніе изгибы нашего сердца, и из-

гнать оттуда всякую къ ней привязанность. Ежели мы боимся еще чего-либо, Онъ исполняетъ надъ нами сіе самое, дабы поразить насъ въ слабѣйшемъ мѣстѣ. Онъ понуждаетъ насъ, не допуская отдыхать. Должно ли сему удивляться? Можемъ ли мы умереть, когда еще дышемъ? — Мы хотимъ, чтобъ Онъ далъ намъ смертный ударъ — но желали бы умереть безъ болѣзни; хотѣли бы умереть всѣмъ нашимъ желаніямъ по выбору собственной нашей воли; хотѣли бы все потерять и все удержать за собою. Сколь велики страданія и горести, когда Богъ руководствуетъ насъ даже до истощенія силъ нашихъ! Мы впадаемъ въ уныніе, находясь въ Его рукахъ, подобно больному въ рукахъ врача, которой дѣлаетъ тяжелую операцію; но сіе сравненіе ничто: ибо дѣло врача имѣетъ своею цѣлію то, чтобъ заставить насъ жить, а дѣйствіе Божіе происходитъ для того, чтобы заставить насъ дѣйствительно умереть.

Бѣдныя души! души слабыя! сколь сіи послѣдніе удары изнуряютъ васъ! Одно ожиданіе заставляетъ васъ дрожать и обращаться назадъ. Сколько находится такихъ, которые не совершаютъ пути сквозь пустыню безводную! Весьма немногіе увидятъ землю Обѣтованную. Горе тѣмъ, отъ коихъ Богъ ожидалъ всего, и которые не оправдали данной имъ благодати! Горе тому, кто противостоитъ внутренно! Ужасный грѣхъ противиться Св. Духу! Сей грѣхъ, непростительный ни въ сей жизни, ни въ будущей, не состоитъ ли въ противленіи внутреннему призыванію? Тотъ, кто противится оному въ дѣлѣ своего обращенія, будетъ наказанъ въ семъ

мірѣ внутреннимъ возмущеніемъ, а въ будущемъ адскими мученіями. Тотъ, кто противится оному, дабы умереть совершенно самому себѣ и предаться благодати чистой любви, будетъ наказанъ въ семъ мірѣ угрызеніями совѣсти, а въ будущемъ мстительнымъ огнемъ чистилища. Блаженъ тотъ, кто не останавливается никогда, кто боится токмо того, чтобы не довольно спѣшно слѣдовать, кто всегда почитаетъ за лучшее противиться слишкомъ много, нежели слишкомъ мало самому себѣ. Блаженъ тотъ, кто не страшится никакого состоянія, какъ скоро отъ него требуютъ опыта, и кто допускаетъ Бога дѣйствовать свободно въ своемъ сердцѣ! Блаженъ тотъ, кто, считая себя за ничто, никогда не приводитъ Бога въ необходимость угрожать ему! Блаженъ тотъ, котораго все сіе ни мало не устрашаетъ!

Думаютъ, что сіе состояніе ужасно — но обманываются; въ немъ-то находятъ миръ, свободу, и сердце, отрѣшенное отъ всего, расширяется неограниченно до такой степени, что содѣлывается безмѣрнымъ; ничто его не стѣсняетъ, и оно по обѣтованію становится въ извѣстной соразмѣрности одно и то же съ самимъ Богомъ.

О Боже мой! Ты одинъ можешь дать миръ, который испытываютъ въ семъ состояніи. Чѣмъ болѣе душа приноситъ себя въ жертву, безъ снисхожденія и обращенія къ самой себѣ, тѣмъ болѣе она бываетъ свободна. Доколѣ она не медлитъ потерять все и забыть себя, до тѣхъ поръ она обладаетъ всѣмъ. Правда, что это не есть обладаніе такое, при которомъ бы говорили са-

мимЪ себѣ: я нахожусь вЪ мирѣ, и живу щастливо, ибо это значило бы слишкомЪ обращаться на самихЪ себя; но таковое состоянiе подобно состоянiю блаженныхЪ, которые будутЪ вѣчно радоваться вЪ Богѣ, не находя вЪ теченiи цѣлой вѣчности ни одного мгновенiя, дабы мыслить о самихЪ себѣ и о своемЪ блаженствѣ. Блаженство ихЪ будетЪ безконечно, хотя они и не будутЪ говорить самимЪ себѣ, что наслаждаются симЪ блаженствомЪ.

СупругЪ душЪ! Ты даешь испытывать вЪ сей жизни душамЪ, которыя Тебѣ никогда не противятся, предвкушенiе сего блаженства. Тогда мы не хотимЪ ничего, и хотимЪ всего. КакЪ токмо тварь ограничиваетЪ сердце, то сердце, не будучи никогда стѣснено ни привязанностiю кЪ тварямЪ, ни обращенiемЪ на самаго себя, втекаетЪ, такЪ сказать, вЪ Твою неизмѣримость. Ничто его не удерживаетЪ; оно теряется всегда болѣе и болѣе; но хотя его пространство возрастаетЪ до безконечности, Ты исполняешь его всесовершенно; оно всегда насыщено, оно не говоритЪ: я щастливо, — но чувствуетЪ, что дѣйствительно таково. Оно не владѣетЪ своимЪ щастiемЪ, но его щастiе обладаетЪ имЪ. ВЪ какое бы время его ни спросили: хочешь ли ты терпѣть то, что терпишь? желаешь ли ты имѣть то, чего не имѣешь? — оно отвѣчало бы, не останавливаясь и не совѣтуясь сЪ самимЪ собою: я хочу терпѣть то, что терплю, и не имѣть того, чего я не имѣю; я хочу всего того, чего БогЪ хощетЪ, и не хочу ничего другаго.

Вотъ, Боже мой, подлинное и чистое поклоненіе въ духѣ и истинѣ. Ты ищешь таковыхъ поклонниковъ, но почти не находишь ихъ. Почти всѣ ищутъ себя самихъ въ дарахъ Твоихъ, вмѣсто того, чтобы искать единственно Тебя въ крестѣ и лишеніяхъ. Хотятъ руководствовать Тебя, вмѣсто того, чтобы оставить себя руководству Твоему. Предаютъ себя Тебѣ, чтобы содѣлаться великими; но отказываютъ въ семъ, какъ скоро должно дозволить себя умалять. Говорятъ, что не прилѣплены ни къ чему, и ужасаются малѣйшихъ потерь. Хотятъ обладать Тобою — но отнюдь не хотятъ потерять себя, чтобъ быть обладаемыми Тобою. Это не значитъ любить Тебя, но напротивъ хотѣть быть любимымъ Тобою. О Боже! тварь не знаетъ, для чего Ты ее создалъ: научи ее сему, и впечатлѣй въ ея сердцѣ, что бреніе должно допустить безъ сопротивленія дать себѣ всѣ формы, какія угодны Художнику.

Конецъ IIй Части.

